

СТИХОТВОРЕНІЯ

О

РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

ГРАФА ХВОСТОВА.

~~~~~  
ТОМЪ ВТОРЫЙ,  
~~~~~

*Надѣюсь, къ счастью, въ число стиховъ моихъ,
Внушенный Музами одинъ найдется стихъ,
Быть можетъ, знатоки почтутъ его хвалами,
Украсятъ гробъ пѣвца пріятели цвѣтами,
И съ чувствомъ оцѣнятъ не мыслей высоту,
Не оборотъ словъ, но сердца простоту.*

Томъ III-й, стр. 43.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи,

1829 года.

П Р Е Д И С Л О В І Е.

Вида въ Сѣверной Пчелѣ, Славянинѣ, Телеграфѣ, Дамскомъ Журналѣ и другихъ, пріятные опъзвы о недавно вышедшемъ въ свѣтъ I-мъ томѣ стихотвореній Графа Д. И. Хвостова, особенно въ отношеніи къ Типографической исправности, я по праву Издаателя, долгомъ себѣ поставляю принести за оныя искреннюю благодарность и вмѣстѣ увѣришь Почтенныхъ Читателей, что всевозможное съ моей стороны будетъ употреблено стараніе о соблюденіи красоты изданія и въ прочихъ томахъ произведеній знаменистаго нашего Поэта.

II

Не излишнимъ также почитаю предупредомишь, что въ сочиненіи подь названіемъ: *Совѣтъ юнымъ питомцамъ Музъ*, I-е и IV-е Посланія вновь Авторомъ составлены. Я не имѣю ни намѣренія, ни желанія, ни права предупреждать сужденій общества о достоинствѣ упомянутаго стихотворенія; впрочемъ мнѣ позволено сказаць, что заключающіяся въ ономъ правила — объ изящной природѣ, о единствѣ, о собственности или оригинальности Поэта, наконецъ о языкѣ — книжномъ и разговорномъ, заслуживають, по достоинству своему и по красотѣ стиховъ, особое вниманіе.

А. М.

О Г Л А В Л Е Н І Е

К О В Т О Р О М У Т О М У.

	Стран.
Благоденствіе Европы, стихопвореніе	1.
Праздникъ благоспи	17.
Посланіе къ К. Испалійскому на побѣду при Рымникѣ	27.
О пользѣ Крипики стихопвореніе	34.
О ложныхъ Крипикахъ	43.
Объ истинномъ Крипикѣ	53.
Посланіе Ломоносову о рудословіи	62.
Рускіе мореходцы стихопвореніе	73.
Посланіе Куму-Поэшу	102.
О наводненіи Пешпрополя стихопвореніе	107. /
Пяшиколосный колосокъ	116.
Майское гулянье	122.
Совѣшь пишомцамъ Музъ, опредѣленіе Поэзіи и прочее	140.
О Баснѣ, Сказкѣ и прочее	153.
Объ Оперѣ	161.
Объ изящной природѣ и пр.	171.
Примѣчанія въ прозѣ ко II-му тому	193.

БЛАГОДЕНСТВІЕ ЕВРОПЫ.

1815 года Декаб. 10 дня.

*Арбельскій, Замскій бой досель коль грезитъ,
О Кульмъ, Лейпцигъ кто въ миръ умолитъ?*

См. Томъ II-й стр. 3.

БЛАГОДЕНСТВІЕ ЕВРОПЫ.

ПОСВЯЩЕНО

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ

И ОТЕЧЕСТВУ.

1815 года Декабря 10-го дня.

Свѣтло наше къ намъ отъ Юга возвратилось. (1)

На полдень солнце пушь годичный обращаетъ,
И Флоры торжество вселенной возвѣщаетъ;
Зимы подъ шягопой сменяющая земля
Алкаетъ скоро зрѣшь цвѣщую поля,
Изъ горъ обильныя повсюду съ шумомъ воды
И обновленіе унылыя природы.

Свой ускорила ходъ уже весна для насъ,
Зазеленѣлся лугъ, пернатыхъ слышенъ гласъ;
Уже обширныхъ спранъ желаніе свершилось,
Свѣшило Россіянъ опъ Юга возвратилось.

Творецъ вселенныя, торжесствъ испочникъ—Богъ,
Сей предназначилъ день блаженства намъ въ залогъ.
Ошечество! проспри къ нему и мысль и длани,—
Онъ призрилъ насъ среди крово-пролипной брани.
Исполненъ спалъ шеперь Всевышняго завѣшъ;
О счастья верхъ! — число неслыханныхъ побѣдъ!
Чего желашъ? о Россъ! пролей шокъ слезъ рѣкою, —
Твой Царь, спасишель спранъ, швой *Ангель* предъ шобою
Когда горѣли здѣсь побѣдные огни, —
Средь славы общія забывъ ненасшья дни,
Моленія о Немъ къ надзвѣздной возсылали,
На земли чуждыя мы съ зависшью взирали;
Сей вождельный госпъ восхишилъ всѣхъ сердца,
Побѣдоноснаго привѣшсшвуемъ Опца;
Къ Нему лешашъ мысль, къ Нему спрепяшся взоры,
О Немъ обильные въ бесѣдахъ разговоры.
Въ сей день веселія, опрады въ полный часъ,
О Царь! Ты не опринь мой слабый даръ и гласъ;
Не дерзоспный пѣвецъ безъ чувсшва спроишъ лиру,—
Спрепяшся подвиги высокіе пѣшъ міру;

Я слезы лью, я Россѣ, прославленный Тобой,
Ты Россамъ право далъ бышь гордыми собой.
Средь восхищенія и радости нелестной
Молчашь поспыдно имъ о благости небесной.

Арбельскій, Замскій бой доселѣ коль гремишь,
О Кульмѣ, Лейпцигѣ кто въ мѣръ умолчишь?
Изчезли грозные свирѣпыхъ Галловъ спрои;
Могущаго Царя безспрашные герои,
Возспавя олшарей, почешныхъ проновъ Chesъ,
За древній спольный градъ свою свершали месъ.
Не воспѣвала дѣль споль славныхъ Калліопа,
Какія зрѣла ты, спасенная Европа.

Пресшолы рушились, пусшѣли олшари,
Народы подѣ ярмомъ, въ изгнаніи Цари;
Какъ звѣри дикіе, грабишели рыкали,
Пресышясь кровію, сокровищей алкали.
Съ мечемъ, съ огнемъ въ рукѣ возспавъ свирѣпый вождь,
На Югъ прекраснѣйшій лилъ злополучья дождь;
Повсюду шоржесшвомъ побѣды воскиченный,
Пареніе просперъ далече дерзновенный;
Ошпринувъ гласъ небесъ и къ ближнему любовь,
Онъ царшва пожиралъ, шекла рѣками кровь.

Европа въ горести на лавры преклоненна,
Свободы, счастья, Владыкъ своихъ лишена,
Взоръ къ небу возведя, несла покорность, стонъ,
Завоевателя передъ кровавый тронъ.

Льстецы ему рекли, плененные дарами,
Что всѣ Цари падутъ передъ его спонами.
Рабы! узрите днесъ, предъ кѣмъ склонялся мѣръ,
Кто вами избранный и славимый кумиръ?
Кому вы надъ собой повѣрили господство,
Кому, скажете мнѣ, присвоили геройство?

Кичливый рока сынъ, распроспраня брань,
Подъемлешь тяжкую свою на Сѣверъ длань,
Къ Россіи алчный взоръ внезапно обращаешь,
И мыслями ея богатство похищаешь;
Зрю, — быстро движется огромный, дикій змѣй,
Надмѣнный селянинъ Египетскихъ степей,
Исполненный алчбы, и злобы, и коварства;
Дыханьемъ заразя въ Европѣ южной царства,
Въ предѣлы мраза, бурь склоняешь дерзко пушь,
Ошливомъ солнечнымъ кичливо нѣжа грудь.

Богатый Эльбы берегъ и шокъ возвеселился,
Прекрасный полубогъ съ дружинами явился;

Она пріяла вновь великолѣпный видъ,
Шумящая волна въ слѣдъ за волной спѣшитъ.
Тамъ бѣлое перо Зефиры развѣвающъ,
Къ Спасителю текущъ и слѣдъ его лобзающъ;
Забыли жишели недавнія бѣды,
Опасность грозныхъ бурь и тяжкіе пруды;
И духъ вождя плѣнилъ и бранная одежда,
Предъ нимъ текущъ — любовь, и вѣра, и надежда,
А состраданіе и крошость по слѣдамъ.
Всѣ племена спѣшашъ свободы къ знаменамъ,
Внезапно предстающъ безчисленные строи,
Сподвижники Царя-героя — всѣ герои;
Подъ сѣнію его для славы пущъ опшкрышъ,
Онъ Кесарь быспрошой, а милоснію Тишъ.

Уже текущъ... спезю небесный промыслъ пишешъ,
Спѣсненная земля свободно снова дышешъ,
Звѣзда союзныхъ царешвъ горитъ среди небесъ
Послѣ геройскихъ бившъ и пламенныхъ чудесъ,
У дальнихъ вѣющъ водъ Россійскія знамена;
Почуя Норда чадъ брадашый спарецъ Рейна,
Предъ храбрымъ воиншвомъ хребешъ свой преклошилъ
И челошчешва побѣду возгласилъ.

Пріемля свыше даръ *Готфредъ благословенный*,
Болѣя обо всѣхъ, корышью непрельщеный,

Съ дружиной вѣрною прошивъ геенскихъ силъ,
Небесной мести вождь, на подвигъ поспѣшилъ;
Онъ пламеннымъ мечемъ опъ Бельша и до Сены
Разилъ чудовище безвѣрія, измѣны;
Срѣшая окрестъ смерть, безчисленность преградъ,
Онъ безбоязненно мешалъ повсюду взглядъ.
Герой въ пучинѣ золь Всевышнимъ укрѣплялся,
Онъ зря опасности, дерзалъ, не ужасался,
Себя и славы дымъ изъ мыслей изпребилъ,
Законъ, опечесство и благость возлюбилъ;
Онъ, ими вдохновенъ, надъ бурями носился
И съ кропосью свяшой побѣдами дѣлился.

Опъ корня благости вѣпвиспый дубъ процвѣлъ,
Печать всѣхъ подвиговъ, вина высокихъ дѣлъ.
Безъ духа Божія и соспрананья свойства
Нѣтъ въ мѣрѣ доблестей, прямаго нѣтъ геройства.

Воображеніе, мой озаря взоръ,
Рисуешь мысленно цѣпь Бауценскихъ горъ.
Къ тебѣ мои мольбы я, Муза, обращаю,
Упорной споль войнѣ гласъ лирный посвящаю;
Тобою вдохновенъ былъ въ древности Омиръ,
Когда подъ Троей пѣлъ несышой смерти пиръ;
Воспламени мой духъ, наспрой сама ты струны,
Подъ Кульмомъ я пою Россійскіе перуны.

Когда Наполеонъ, бѣжавъ Кремлевскихъ стѣнъ
 Грустя о добычѣ и спрахомъ ошягченъ,
 Вновь съ ополченіемъ въ Германію явился, —
 Онъ въ думы тяжкія, въ унынье погрузился.
 И вдругъ, какъ виды всѣ слила густая ночь,
 Предстала предъ него Эрева злая дочь;
 Держа въ своей рукѣ коварства мечъ кровавый,
 Другой вращая скиптръ несышимой славы,
 Рекла: „наперсникъ мой! познай, Наполеонъ,
 Свирѣпость, коей гласъ былъ для тебя законъ;
 Для избавленія отъ временнаго бѣдства
 Иль исполнишь лишенъ и помощи и средства?
 Полезный я тебѣ вѣщаю вновь совѣтъ,
 Внемли, побѣды сынъ, ты покоришь весь свѣтъ;
 Сломи Богемію, и за ея хребтами
 Ты усугубишь смершь и ужасъ надъ врагами.“

Сынъ брани и коварствъ съ кичливостью взглянулъ,
 Какъ скимень, злобою на спанъ враговъ дохнулъ;
 Воспалъ, — и въ слѣдъ его куренье еиміама,
 Возрѣлъ, — и жребій палъ на злобнаго Вандама;
 Онъ рекъ: „швой Царь, швой Марсъ тебя къ боямъ зовешъ,
 Знай, громы — цѣль швоя, побѣда — мой завѣтъ.“

Когда свирѣпый шигръ ловца въ лѣсахъ срѣщашъ,
 Иль въ ошдаленности лишь гласъ его внимашъ,

Въ ужасной ярости вздымаешь дыбомъ шерсть,
Крушишь хвостомъ своимъ, дерешь когтями персть,
Сверкая въ тнѣвѣ оны кровавыми глазами,
Являешь вскорѣ пасшь зіяющу огнями,
Къ добычѣ по ея поропишя слѣдамъ
И ломишь мѣлкій лѣсъ : шаковъ въ бою Вандамъ.
Подобно бурѣ оны внезапно находящей,
Повсюду гибелью и шрепешомъ разящей,
Сшремишя, преднося и пламенникъ и мечъ,
На Теплицъ и на всю Богемію налечъ,
Мечшая, что ему за ополченья новы
Побѣда принесетъ еще вѣнцы лавровы.
Тамъ, за преградою шуманомъ скрышыхъ сель
Безспрашнѣй ждешъ его оны Сѣвера орель;
Въ лицъ огромнаго, кремнишаго ушеса,
Чей верхъ шеряешя въ чащѣ гусшаго лѣса,
Съ побѣдоносною дружиной Россіянъ,
Грядущей шучи шумъ внимая Осшерманъ,
Съ душею, свойшвенной Россійскому герою,
Пригошовляешя къ рѣшишельному бою.

Передъ сраженіемъ съ эоирной висошы
Бросало солнце лучъ на горы и цвѣшы.
Распоргъ враждебнѣй духъ неумолимой брани
Рукошворенныхъ львовъ и Церберовъ горшани,

И вдругъ изъ мѣдныхъ жерлъ жестокій полилъ градъ,
 Дождь огненный каршечъ, бѣдой чреватыхъ ядръ;
 Капясь по воздуху, свисая, съ ужаснымъ ревомъ
 Ударилъ въ рапниковъ, воспламененныхъ гнѣвомъ,
 Внезапно разразя воюющихъ шолпы,
 И поразилъ, какъ вихрь у пахаря снопы;
 Текущей крови паръ смѣшался съ дымомъ чернымъ
 И запахъ мершвенный сливался съ смрадомъ сѣрнымъ,
 Крикъ умирающихъ и крикъ гошовыхъ въ бой,
 Сліянный мракъ съ огнемъ, мгновенный свѣтъ со шьмой.
 Смерть съ пламеннымъ бичемъ повсюду прошекаешъ,
 И взоры обраща, на жершвы успремляешъ,
 И образъ воспріавъ различный на себя,
 Лешаешъ по рядамъ, казня, разя, губя.
 Тамъ трупы спелюшя героевъ умерщвленныхъ,
 Опряды движущя жестоко пораженныхъ;
 Иные, броса взоръ на горы иль на лугъ,
 Зубами списнули, вручая небу духъ;
 Иные, чухъ дыша, подъ грудой мершвыхъ спонущъ,
 Другіе, ушомясь, въ рѣкѣ кровавой понущъ;
 Тамъ опсѣченная кашится голова
 И шлепъ по воздуху невнятные слова.

Умолкъ на время громъ неисповой Беллоны,
 Сомкнули челюсти свои ея драконы;

Но спрашенъ, грозенъ видъ минушной пишины,
Ужаснѣе она и самыя войны;
Сокрытый огонь вражды чело ея багровишъ
И снова зрѣлице свирѣпое гошовишъ.

Какъ люшый звѣрь, шечепъ, возъемля грудь, на долъ
Свирѣпый Галловъ вождь, сынъ яроспи, крамоль.
Нашъ бодрый Осшерманъ, въ бояхъ неуспрашимый,
Надеждой, мужеспвомъ и вѣрою водимый,
Зришъ предка въ высопъ съ блиспапельнымъ мечемъ,
Одѣяннаго въ свѣпъ, какъ въ злашовидный шлемъ,
Вѣщающаго шакъ: „Господь — защита правымъ —
Гошовишъ меспъ врагамъ спропшивымъ и лукавымъ;
Сшупай, — и обрапя на нихъ побѣдный шшыкъ,
Узришъ, сколь Россовъ Богъ и мощенъ и великъ!“

Съ благоговѣнїемъ палъ вишязъ на колѣни,
И покланяся въ слѣдъ священной предка шѣни,
Рукою подалъ знакъ, — и двинулись полки,
И на прошивный спанъ ударили шшыки,
Сверкнули въ воздухъ, и болѣе не блещушъ,
Какъ жашва, Галлы шакъ на оспрїяхъ шрепещушъ;
Ошряды раздѣля, дерзаюшъ Россы вновь,
Съ холоднаго ружья рѣкой спруишся кровь.

Здѣсь острое горшанъ желѣзо раздираешъ
 И у сраженнаго дыханіе спираешъ,
 Уже полмершваго прошивника разишъ
 Сугубой смертію, — и душишъ и язвишъ;
 А далѣ всадники въ бокъ ополченья рыщущъ,
 Спремяся на враговъ, ихъ копья, сабли свищущъ;
 Какъ класы подъ серпомъ и правы подъ косою, —
 Безглавяшъ, и сѣкушъ, и спелюшъ полосой.

Уже сквозь мракъ, и дымъ, и пыль, и паръ кровавый,
 Побѣда съ знаменемъ великолѣпной славы,
 Въ бронѣ беспрашія, безсмертія въ вѣнцѣ,
 Просперла свѣтлое на Россіянъ лице.
 Блѣднѣетъ злобный врагъ и въ ужасѣ шрепещетъ,
 А Россъ еще сильнѣй свои перуны мещетъ,
 Орелъ отъ Сѣвера, сразяся, вновь сломилъ,
 И грозное — ура — погнало южныхъ въ пыль.
 Вдругъ посреди торжествъ Россіянъ восхищенныхъ,
 Среди унынія и спона побѣжденныхъ,
 Ударъ по воздуху спремился къ намъ спрѣлой,
 Въ шѣлохранишелей полешъ нацравя свой,
 И покашясь, свиспя, отъ вражескаго спана,
 Изъ мышцы руку въ мигъ испоргъ у Оспермана.
 Геройскимъ жаромъ полнъ, лишенный вождя руки
 Не хочешъ оставляшъ безшрепешныхъ полки.

Неукрошимый вѣспрь, предпеча мрачной шучи,
 Крупя передъ собой въ сшепяхъ песокъ сыпучій,
 Свивая облакомъ древесный листъ и прахъ,
 По окрестнымъ сшранамъ разноситъ всюду сшрахъ:
 Такъ мужъ, прославленный побѣдою при *Красномъ*,
 Бросаетъ въ даль копье при небѣ въ полдень ясномъ,
 Графъ Милорадовичъ ударилъ на враговъ
 И быстрой молніей прошелъ средь ихъ полковъ;
 За нимъ грядетъ, въ бояхъ повишый сынъ Беллоны,
 Барклай, спѣша, свои предводитишь легіоны;
 Съ нимъ сшрѣло-мѣшный Толь, испышанный герой,
 Движенье сшроитъ войскъ и направляетъ въ бой;
 Предъ ними носится упорный сынъ Эоловъ,
 Иль дерзосшный Эоль, безшрешный Ермоловъ.

Равно изъ жерлъ огнемъ пылающей горы
 Въ багровомъ пламени кипящіе шары,
 Съ воздушной вышины въ зеленый доль свертаясь
 И съ сильнымъ грохопомъ въ пошюки разливаясь,
 По взрышымъ окрестъ рвамъ сшремишельно бѣгущъ
 И все, что на пущи всшрѣчаютъ, губящъ, жгущъ,
 Или касаяся морскихъ пущинъ, клокочущъ,
 Волнуя, пѣня ихъ, шумящъ, ревущъ, грохочущъ
 И шонущъ наконецъ въ безмѣрныхъ глубинахъ,
 Оставя слѣдомъ дымъ, курящійся въ волнахъ:

Такъ дерзновеннѣйшій клеветъ Наполеона,
Доспойный жребіа лѣшь древнихъ Фаэтона,
Поспѣшно съ горъ крушыхъ въ долъ ринулся Вандамъ
И срѣшилъ не трофей, но безконечный срамъ.
Союзники врага надмѣннаго спѣснили,
„Онъ нашъ!“ воскликнули, и съ воинствомъ плѣнили.

Но бисвы ли одни, горящихъ селъ заря,
Прославили походъ Россійскаго Царя?
Необходимый громъ бросая въ долъ рукою,
Благодѣяніе онъ проливалъ другою.
Мы видѣли, чѣмъ Галль украсилъ подвигъ свой,
Преспольный градъ горитъ, что спалося съ Москвой!
Умыша кровію, величія лишена,
Она являешся подъ пепломъ погребенна.
Уже ея краса — чершогъ ея Царей,
Самъ Кремль, вмѣспилище священныхъ олшарей,
Коварнымъ помысломъ, дыханьемъ злобнымъ ада,
О ужасъ нашихъ дней! какъ пламени громада,
Опорванъ опъ земли по воздуху лешитъ
И казнъ злочеснію среди просшранствъ тремитъ.

Европа скоро зритъ свои на Сейнъ спрои.
Внимая Богу силъ, Союзные Герои
Другое зрѣлище представили очамъ:
Подъ сѣнію небесъ свершали мщенъе шамъ

Пріосѣняемый Царя — вождя рукой,
Приносишь лилію въ опечество съ собой.

О доблесць крошкая, души высокой свойство!
Передъ Европою сіяешь превосходство!
Ты новую черпу въ Историю внесла,
И новый подвигамъ порядокъ создала.
Опшъ Бельша водъ до мѣспъ, гдѣ Понта черны воды,
Ликующъ въ торжествѣ спасенные народы;
Европа спала храмъ и вѣры и наукъ,
Услышанъ правды гласъ и лиръ пріятныхъ звукъ.
О Россы! мы ль своихъ воспорговъ не покажемъ?
Иль сердце, и умы, и чувства наши свяжемъ?
Мы, древле призванный Создателемъ народъ,
Мы, при источникѣ безчисленныхъ щедрошъ,
Куда ни кинемъ взоръ, — средъ мира, среди брани
Мы зримъ могущество намъ благодашней длани,
Мы зримъ Царя, — сей Царь, даря другимъ покой,
Блаженство новое приносишь намъ съ собой;
Изъ опдаленныхъ спранъ, опшъ Волги многоводной
Прольешъ по обласшямъ обиліе народно,
Воздвигнешъ памятникъ высокій къ облакамъ,
Явишь судилища, какъ свѣшлый неба храмъ.
Сей Царь, копорый насъ споль громко воспрославиль,
Своей Россіи рогъ сколь высоко поспавиль!

Чей благошворносшью замѣченъ всюду слѣдъ,
Для новыхъ подвиговъ въ опечесство грядешъ;
Герой и дышешъ тѣмъ и тѣмъ себя пишаешъ,
Что благоденствіе подобныхъ соспавляешъ.

Царица—мать! судьбой возвеселись своей!
Богащій плодъ сняла Ты съ Марсовыхъ полей,
Благословеннаго Ты Сына лобызаешъ,
Въ Немъ славу, счасіе спранъ многихъ обрѣшаешъ
Ты зришь Его, — и съ Нимъ и дщери и сыны
Въ объятія Твои теперъ возвращены,
Подъ сѣнь Твою шекушь могущія державы;
При корнѣ дерева Петрова дома славы
Се вѣшви новыя опъ чуждыхъ спранъ цвѣшущъ,
И плодъ свой принеси Твоей улыбки ждущъ. (2)

Краса опечесства, испочникъ новой славы,
Зри подданныхъ любовь, могущесство державы!
Благошворишель — Царь, зри счасливый народъ!
Ты вѣры праопцевъ блюспишель и оплошь,
Царемъ вселенныя на подвиги избранный,
Блуди спасенья мечъ, блуди шеломъ свой бранный;
Коль Вышній повелишь, исполнь его законъ,
Тебѣ спасашъ одинъ осшалосся Сіонъ! (3)

ПРАЗДНИКЪ БЛАГОСТИ.

Февраля 4-го дня 1822 года. (4)

Пѣль Богдановичъ намъ любви божество (5)
И милой душеньки невинность, шоржество;
Я озаренный вновь ошъ благости чудесной,
Дерзаю праздникъ пѣшь единственнѣй, прелеснѣй; (6)
За искреннюю пѣснь не жду себѣ похвалъ,
Уже награда мнѣ, что въ руки лиру взялъ.

Высокой лесвицы лишь мы прошли пороги,
Спустили въ свѣшлые, богатые чершюги;
Казалось, — не зимой то было, не въ ночи,
Но льшомъ Фебовы свѣшили намъ лучи.
Доколѣ звуки струнъ еще не раздавались,
Предъ *выходомъ Двора* всѣ госпи собирались; (7)
Большое тамъ число семейныхъ машерей,
Героевъ Сѣвера, супругъ и дочерей;
Разнообразный видъ, подъ флеромъ изумруды;
Волшебникъ сильный — вкусъ, схвапья алмазовъ груды,
На перси, волоса удачно размешалъ,
Изъ прелесшей, богатшшвъ единшво сосшавлялъ.

Успѣя жадные свои насыпишь взоры,
Взошли пріятшели другъ съ другомъ въ разговоры,
Привѣшшвѣе лилось въ шуму прерывныхъ словъ:
Князь здравшвуй! — Здравшвуй Графъ! Я радъ,
что ты здоровъ;

Смотри, — вошь Рускія Гишпанки,

А здѣсь въ углу Перувіанки,

Подальше — милья кресшьянки,

А эшо съ Сейны Парижанки! (8)

Похишилъ Польской въ мигъ ликующихъ госпей,
И огласилися смычковъ законы спюги,
Когда въ округлый залъ пошли земные боги,
Въ чершюги благоспи, въ свяшилище Царей.

Тамъ Царь съ Супругою, Царица — Мать, Царевны,
Воспоргомъ, радостью, любовью окружены,
Спѣшили въ храмину неслыханныхъ зашѣй.
Какъ пчельный рой, шумя, за машкою спремисся,
Или за валомъ валъ въ большихъ водахъ капится,
Чтобъ орося волной предѣлы многихъ странъ,
Упасъ съ величіемъ въ безмѣрный Океанъ:
Такъ сонмы героинь, героевъ понеслися,
И съ Царедворцами и съ нимфами слилися.

Мнѣ съ баснословіемъ не надобенъ союзъ,
На помощь призываю не мною спарушекъ Музъ,
Или къ холмисшому спремисся Геликону;
Давно ли выпѣлъ нашъ Державинъ Аполлону?
Лишь кудреносный Царь дней свѣшлыхъ и стиховъ
Спалъ оглашенію препяшпвовашъ пировъ,
То Бардъ ему сказалъ, не распложая словъ:

„Я видѣлъ внукъ Екатерины.“ (9)

И мнѣ прелесшныя въ Пенрополъ каршины,
Живыхъ Елень, Каликъ кто запрешилъ хвалишь
И чувство нашихъ дней съ потомспвомъ раздѣлишь?

У Грековъ Пиндаръ, игръ, побѣдъ провозгласишель
И быспрый, какъ орель, въ когтяхъ громовъ носишель,
(Доселъ всѣ гремяшь о множеспвѣ чудесп)

Что пѣль? — вѣющусппыль, скрышь оси, спукъ колесп.

Тамъ гривой съ воздухомъ Эпирскій конь играя,
 Ногами бурными иль черный попирая, (10)
 Съ движеніемъ бразды свой бѣгъ соразмѣрялъ,
 Въ ристаніи коней къ мешѣ не допускалъ;
 Тамъ опышный боець, сяжею рукою
 Сподвижниковъ губя, кровь проливалъ рѣкою.

Зевксисы древніе, Вернешы новыхъ лѣшъ,
 Воображенію обширный давъ полешъ,
 Всѣ обшekli мiры, на кругъ лешали звѣздный,
 Взывая къ бынію мечпы вѣковъ изъ бездны;
 Тамъ баснослови, Троянъ несчастныхъ бранъ,
 Обильную несли для живописи данъ;
 Апеллы разумъ, духъ на полошнѣ являли,
 Несущесшвующихъ, умершихъ оживляли.
 Изъ Рима, Греціи, могиль оспавя прахъ,
 Парисе вы скорѣй на огненныхъ крилахъ,
 Къ великолѣпному Россіи мощной граду,
 За шоржесшво свое взяшь лесшную награду!
 У васъ лишь красокъ блескъ и шонкiй лоскъ холеша,
 Здѣсь бышіе и жизнь, здѣсь юность, красота;
 Въ природѣ дышущей здѣсь видишь зрѣнья чувшво
 Восшорга шайншво, глубокое искусство.

Супруга нѣжная лукаваго Царя (11)
 Здѣсь Пенелопа ждешь, любовію горя;

Красою, скромностью невольно удивляешь,
Она завидовашь Улиссу заспавляешь;
Казалось намъ,—приспѣлъ желанный ею часъ,
И видишь предъ собой, и слышишь милый гласъ. . . .

Огня поклонниковъ разрушилась держава,
Завоевашемъ зашмилась Персовъ слава;
Семейство Царское, срѣшая грозный рокъ,
Поверглось къ снопамъ и лило слезъ пошокъ;
Супруга Дарія, несчастію покорна,
Явилась своего величества достойна;
Крушася о бѣдахъ, шерзаяся тоской,
Спыдливой прелесшью, чудесной красошой,
Героя славнаго, взоръ кинувъ, поразила,
На побѣдишеля цѣпь чеспи наложила.

Дочь Леды Громкая, безъ умысла чья длашь
Зажгла свирѣпую среди Фригіи брань,
Всѣхъ зрительей сердца воспоргомъ наполняла,
Упреку Гекшора прелесшная внимала.

Волшебствомъ, красошой маия къ себѣ сердца,
Желая уловишь, не оковавъ опца,
Каликса юнаго наследника Улисса,
Копораго прельсшишь успѣла Евхариса,
Вѣщая взорами любви огонь и лесшь,
Соперницѣ своей сулила гнѣвъ и месшь.

Любезный юноша и, какъ Амуръ, прелестный,
 Пускаясь въ пущь забавъ излучистый и шѣсный,
 Попалъ бы, можешь бышь, спупая по цвѣшамъ,
 Унылой роскоши и празднлюбья въ храмъ;
 Но опасенья нѣшь нимало Телемаку,
 Съ нимъ Меншоръ,— и ведешь поржеспвенно въ Ишаку.

Тамъ Гвидо молодыхъ изображаешь швей,
 Тамъ славный Ванлоо съ бесѣдою своею,
 Тамъ ловко Теніеръ намъ ярмонку являешь, (12)
 Разнобразіемъ искуснымъ забавляешь.

Портретовъ дюжина, и всѣхъ ихъ описашь —
 Мнѣ киспи надобно Ребраншовой заняшь;
 Тупъ все прилажено еспеспвенно, прекрасно,
 Съ искусствомъ бышіе знакомое согласно.
 Креспьянка милая съ ребенкомъ на рукахъ
 Любви безхипросшной ошкрыла блескъ въ глазахъ;
 Тамъ видишь, — юная Гишпацкая Царица,
 На ней изъ лилій, розъ сіяешь багряница;
 Сивилла древняя плѣняя красошой,
 Казала взорами духъ прорицанья свой;
 Прелестна спарица букварь въ рукѣ держала,
 Дѣвиць молодой указкой помогала.
 Въ портрешахъ множешво изящныхъ зрѣлось лицъ:
 Семейство Гракхово варшоновыхъ дѣвиць,

Или является Сарматскій древній воинъ,
По виду бодрому хваленія достоинъ.

Я чувствовалъ тогда волненіе, восторгъ,
И въ мысли всѣхъ красота совокупить не могъ;
Не многое, шеперь на лиръ возглашаю,
И времени полешъ прикрасный сокращаю.
Уже два раза сонмъ изъ храминъ поспѣшалъ,
Вновь чудеса узрѣшь, въ извѣстный бѣлый залъ; (13)

Ошполъ всѣ на балъ
Два раза уходили,
Зефиры Флоръ кружили,
Кадрили, вальсы шамъ
Давали блескъ играмъ;

А послѣ угощали
Полтысячу гостей,
И даже обѣщали

Еще имъ новое собраніе зашѣй.
Явленье первое, кошорое предспало,
О Ломоносовѣ пріятно воспоминало;

Онъ пѣлъ любовь, лѣса
И, лирою проспою,
Покрѣтитъ небеса
Ножною телнотою. (14)

Анакреону шупъ далъ Купидонъ урокъ,
Что за плечами лукъ и цѣль и не измокъ.

Мечшою веселясь пріятнаго обмана,
Хвалили Флоріана, (15)
Хвалили голосъ мы пѣвца,
Еще Клеменцію хвалили,
Въ романсѣ цѣлой обвинили
Жестокость спрогаго опца;
Мы съ Спрашоникой слезы лили,
И слезъ не лъзя не проливашь;
Пишая къ сыну спрасшь, какъ машъ
Должна предъ олшаремъ предсшашъ;
Слухъ нѣжный услаждала
Волшебнымъ голосомъ своимъ,
Селевка сердце имъ
На жалосшь къ милому склоняла;
Селевкъ, сыновнюю познавъ и спрасшь и жаръ,
Спрашоники ему вручаешъ сердце въ даръ.

Возможно ль лирнаго мнѣ не возвысиль гласа, (16)
Вѣщая торжештво Россійскаго Парнасса?
О пы, любимая и славная гора!
Аршисшы Невскаго високаго Двора
Осшашокъ вечера наполнили шобою,
И звукомъ голоса, и пляской, и игрою;
Опъ врашъ Софокловыхъ до входа въ дивный храмъ
Ошечешва пѣвцовъ восшоминали намъ.

Доспойно имена Парнаскихъ предковъ громки;
Къ подобной славы вновь зовущся и попомки,
Коль, оцѣня и даръ и подвигъ прежнихъ лѣшъ,
Ошъ нихъ проложенный мы не зашопчемъ слѣдъ.
Я Ломоносова, Хераскова, Пешрова,
И Сумарокова, Хемницера, Коспрова,
И Богдановича, Державина, другихъ

Гошовъ безъ успали хвалишь за пѣсни ихъ.

Высокой мыслию плѣняся и спихами,

Мы, зависшь опклопя, осыпали хвалами

Веймара славнаго сосѣдспвенныхъ пѣвцовъ;

Кшо Гёше, Шиллеру не поднесешъ вѣнцовъ?

Предмешы празднеспва всѣхъ взоры поражали,

А благоспъ, доброша всѣхъ души восхищали;

Здѣсь чувспва нѣжнаго и доблеспи испокъ,

Ошселъ и враша опверзшы на воспокъ.

Машъ дочери сей день съ воспоргомъ посвящашъ,

И благоспъ въ ней свою къ несчастливимъ явлешъ.

Прочъ вдохновеніе и древнихъ лѣшъ Парнассъ!

Хваленъе благоспи гремишь лишь сердца гласъ.

Великолѣпный пиръ, собраніе прекрасно,

Подробно описашъ спараюся напрасно,

Не спанешъ ни ума, ниже Поэша силъ;

Я чувспвую и самъ, что много пропустилъ

(Разсѣянъ будучи въ обиліи предметовъ)

Каршинъ, въ картинахъ лицъ, и нѣсколько портретовъ;

Прелестное воспѣшь, представишь живо балъ,

И въ прозѣ Лафоншенъ, всѣ знающъ, что уснать. (17)

~~XXXXXXXXXX~~

КНЯЗЮ ИТАЛІЙСКОМУ,

ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ

СУВОРОВУ-РЫМНИКСКОМУ.

На случай победы при рѣкѣ Рымникѣ, 1789 года

Сентября 13-го дня.

О ты, сіяющій у Рымника бреговъ,
Герой, Россіи честь и спрахъ ея враговъ!
Въ тебѣ Ахилла духъ и Ариспида нравы,
Завиденъ чистый лучъ швоей безсмертной славы!
Кшо въ мірѣ цѣли чуждѣ, кшо чуждѣ любви свяшой,
Не вѣрю я молвѣ, другъ нѣги не герой.

Ты, пламень творческій съ младенчества вмѣщая,
Себя опечесшву и славу посвящая,
Разгналъ скрывающій сіяніе туманъ,
И свѣшло опличилъ вождя высокій санъ.
Изъ рукъ мяшежниковъ пы Краковъ изпоргаешь,
Или Отинскаго разишь и низвергаешь,
Кошорый слыша громъ, лишившись знаменъ,
Узналъ, что онъ своимъ приходомъ побѣжденъ.
Тамъ Гирсовъ, Турпукай, свои пророки славны,
Съ дѣлами Кесаря лишь быспрошою равны.
Неупомимый духъ какой похвалишь спихъ?
Тебѣ вся похвала: *Суворовъ побѣдихъ*. (18)
Побѣды сынъ, свой другъ, Кобургъ великодушный
И дара своего высокости послушный,
Восхищая побой, дивился, побѣждалъ,
Доспойное себя тебѣ онъ имя далъ. (19)

Беллоны грозный часъ, погибелью несущій —
Единый только мигъ средъ міра знаменишій.
Ты зришь на ужасы, какъ бы на сонмы водъ,
Кошорья грозятъ изкоренишь оплошъ;
Ты мыслишь, дѣйствуешь съ свободою шакою,
Равно какъ въ тишину, средъ мира и покою;
Бѣда ли смерть тебѣ? она — предѣль суешъ,
Ты для опечесшва, для славы любишь свѣшъ.

Текутъ ужасныя и молніи и громы,
 На мрачныхъ облакахъ среди пространствъ несомы,
 И вошь, изъ мѣдныхъ жерлъ свирѣпья лешя,
 Сражающъ полчища, на воздухъ свисшя;
 Простерши блѣдное лице, кровавы дани,
 Воспламененный взоръ, самъ богъ свирѣпый брани,
 Увидя Мусульманъ неизчислимый спрой,
 Который прошивъ насъ дерзалъ идти войной,
 Возспалъ и громко рекъ: „Я васъ, толпа кичлива!
 Минервы Росской брань законна, справедлива,
 Да торжествуетъ вѣкъ оружіе ея;
 Ему споспѣшники вездѣ — Непшунъ и я,
 Иду...“ но быспрошой проикнувъ грозныхъ взоровъ,
 Чшо малымъ войскъ числомъ начальствуетъ Суворовъ,
 Спокойно возгласилъ: „побѣда Россіянъ!
 Трикрашы усугубъ свою толпу Султанъ,—
 Неизчислимаго все ополченъе спроя
 Падетъ предъ мужествомъ Россійскаго героя;
 Всегда Суворову опверзетъ безсмершья храмъ,
 Гдѣ онъ сражается, и Марсъ не нуженъ тамъ“

Парящій въ слѣдъ уму премудрыя Царицы —
 Ты свѣшу показалъ Россійской мощъ десницы,
 И днесъ подъ Рымникомъ преславный Туркамъ день
 Преображается печальной ночи въ шѣнь.

Какъ гордый воль, иль Тигръ, со Львомъ дерзають къ бою,
Въ надеждѣ зрѣшь врага слабѣе предъ собою:
Надменный шакъ Визирь числомъ несмѣшныхъ силъ
На пиршество, не брань, казалось, спѣшилъ.
Едва орудія Россіянъ возгремѣли,
Извѣдали враги, чей вызвашь мечъ посмѣли;
Объялъ ихъ мысли страхъ, киченья духъ исчезъ,
Рапъ многолюдная беретъ въ защиту лѣсъ.
Искусство, мужество Суворовъ изпощая,
Лешалъ, какъ молнія, вездѣ враговъ карая;
Умѣлъ ослабишь ихъ и силы раздѣлишь,
Опъ лѣсу опорвашъ, въ среду огней вмѣспишь,
Всѣ жерла мѣдныя къ пошоку силъ направитъ,
Къ побѣгу обратишь и срамъ испишь заспавишь;
Не смѣшныя полки сполкнулъ и размешалъ,
Ударя храбро въ лѣсъ, изъ логовищъ изгналъ.
Среди высотъ орель на добычу смопрящій,
Крылами возшумя, какъ молнія лепящій,
Уже въ когтяхъ сцѣпилъ и тибель ей нанесъ.
Едва прошивныхъ рапъ подвигнулась за лѣсъ,
Орлы пуспилися, на Мусульманъ напали,
Ударилъ Росскій громъ и копя заблеспали;
Зубами скрежешавъ, съ улыбкой Фурій злой
Носилась всюду смершь, — жеспкою косою

Добычи наконецъ сражашь не успѣвала,
 Корысти радуясь, въ шрудахъ изнемогала.
 Колико врагъ ни храбръ, еще храбрѣй ошпоръ;
 Вездѣ Суворова рука, и мечъ, и взоръ.
 Пускай Агари сынъ къ Магмешу прибѣгаетъ,
 Напрасно Алкоранъ предъ войскомъ воздымаешъ, —
 Не дашъ геройства онъ, не дашъ души вождямъ;
 Пусть вопіешъ Визирь сраженнымъ бѣглецамъ, —
 Поносной робости они лишь гласу внимлюшъ,
 Бѣгушъ . . . ужасную повсюду смершь пріемлюшъ;
 Напрасно гнѣва огонь Янычаръ злобныхъ жогъ, —
 Забрали Росскій вождь низвергнулъ, превозмогъ.
 Какъ рѣки съ горъ шекушъ съ грохочущимъ паденьемъ,
 Чшо вспрѣшишся, увлечъ грозяшъ своимъ спремленьемъ:
 Такъ храбрые полки, усугубля жаръ,
 Въ мигъ опрокинули свирѣпыхъ Янычаръ,
 Пусшилися, какъ вихрь, какъ стрѣлы, понеслися,
 Упорешво одолѣвъ, въ окопы ворвалися;
 Пирующая смершь, опчаяніе, спрахъ
 Въ иноплеменничьихъ сугубяшъ зло глазахъ.
 О! какъ свершались надъ ними судъ и клятва!
 Казалось, шо не бой, — была, казалось, жашва;
 Визирь, кошораго Суворовъ поражалъ,
 Какъ лань пугливая, опъ рукъ ловца бѣжалъ;

Тамъ руки, шамъ главы, шамъ ядры раздробленны,
Кони и всадники, громадами сдавленны;
Визирь, киченья духъ на робкій премѣня,
Не чаялъ бышь конца убійственнаго дня;
Все поле усплано побишыми шѣлами,
Наполненъ Рымникъ былъ ихъ кровью, не водами; (20)
Пусть нѣкогда судьба его изсушитъ шокъ,
О немъ провозгласитъ Турецкой силы рокъ.

Побѣдоносца пѣшь хощь ревностно спремлюся,
Высокимъ подвигамъ Суворова дивлюся;
Попребенъ даръ, и кисть искусная нужна —
Попомсшву возвѣспишь, сколь жизнь его славна.
Обширный, быспрый умъ, и даль чье видишь око,
Неуспрашимый духъ, познаніе глубоко,
Досшойно ни одинъ не возгласишь Поэшь;
Что шагъ, то поржесшво, что бой, то лавръ побѣдъ. (21)

Пусть Кліо, приведя къ концу дѣла велики,
Воспрубишь въ чуждые за Океанъ языки,
Что шы опечесшва и вѣры сынъ прямой,
Наперсникъ мудросши, искусный вождь, герой, —
Твои дѣянія, швои дары сіяютъ;
Какъ землю Фебъ, они подобно освѣщаютъ.

Пускай зависникъ былъ доселъ слѣпъ, — узришь,
Сколь война паланитъ въ тебѣ свѣшло горитъ.
Великимъ подвигомъ возвышенный, — не рокомъ, (22)
На почести свои смотри веселымъ окомъ;
Ликуя въ счастливой опечеснву судьбѣ,
Ты возбуждай другихъ послѣдовашь тебѣ.
Несчастный, въ спешеняхъ себя опличныхъ видя,
Не вопіешь: „онъ спалъ великъ, меня обидя;
Не могъ виновникомъ онъ бѣдспвй бышь моихъ“
Слеза сиротъ и вдовъ не моешь леншъ своихъ.
И зависъ, чьи уста кипящъ смершельнымъ ядомъ,
Которая тебя косымъ вспрѣчаешь взглядомъ,
Желая мужество облечь въ превратный видъ,
Шипя терзается, но чтожь попомъ? — молчишь.

О ПОЛЬЗѢ КРИТИКИ.

1810 года.

Дерзая въ славный путь, писатели надменны,
Не льститесь узрѣшь Парнасса верхъ священный,
Доколѣ Кришика лучемъ не озаритъ,
Совѣшомъ смѣлаго шаланша не смиритъ.
Она широко дверь къ познаньямъ отворяетъ,
И вкуса тонкаго предѣлы расширяетъ.

Не должно Кришики Поэшу избѣгать; (23)
Кто Фебомъ вдохновенъ народы просвѣщаетъ,

Топьъ безприсрасшнѣй судѣ неліцемѣрно любішѣ,
Копорѣй въ другѣ Музѣ жарѣ ревности сугубішѣ,
Опѣ мрака люшаго и сухосши блодешѣ,
И быспро къ небесамѣ спремішѣ пѣвца полешѣ.
Вѣ спранахѣ приманчивыхѣ, гдѣ Музы обішпали,
Каменья, дерева по звуку лірѣ спупали,
Гдѣ къ смершнымѣ пировашѣ спускался сонмѣ боговѣ,
Коль вопросішѣ дерзнемѣ прославленныхѣ пѣвцовѣ,
Повѣдаюшѣ тогда Омиры и Мароны :
„Охошно Крипикки мы пріняли законы,
Внимали, проходя тернісною спезей,
Нелѣпный врановѣ крикѣ, шипѣнье люшыхѣ змѣй;
Средѣ шрудныхѣ подвиговѣ успѣли ли Зонлы
Вѣ насѣ ревносшѣ погасішѣ, ослабішѣ наши силы?
Трудами знашное богашспво мы нашлі.“
Плѣнясь обіліемѣ всѣ жишели земли,
Мысль, силу, красосшы заемлюшѣ въ немѣ всечасно;
Но ісшоцишѣ его спараніе напрасно;
Богашспво разума пребудешѣ цѣло въ вѣкѣ,
Доколѣ сохранишѣ дарѣ слова человѣкѣ.

Теперь счасшливое Россійскимѣ Музамѣ время —
Сѣ себя безпечносши сложішѣ поносной бремя;
Пора сокровіщей своихѣ намѣ цѣну знашѣ,
Пора сіяніе вселенной показашѣ,

Пора, языкъ любя, Харитъ постигнуть правы,
 Предбудущимъ пѣвцамъ ошепенить успавы.
 Не малое число полуночныхъ орловъ
 Парило съ торжесшвомъ до рубежа міровъ,
 Гдѣ вспрѣшили они не робкими глазами
 Огнисный Океанъ съ горящими волнами;
 Громады пламенной блистание лучей
 Не опалаетъ лицъ, не тяжко для очей. (24)
 Разсмотримъ ихъ шруды, даръ собственнѣй измѣримъ,
 И Кришикъ себя безпрепешно мы ввѣримъ;
 Прямая Кришика, предсшая даръ пѣвцовъ,
 Покажетъ, гдѣ они заснули межъ цвѣшовъ.
 Я Кришику сію хвалою почишаю,
 И Кришики другой въ словесности не знаю.
 На книгу ль обратишь она свой приговоръ,
 Съ подробной ясностью предсшавишь намъ разборъ,
 Покажетъ мыслей, чувствъ сіянье, превосходство,
 А послѣ въ языкѣ богатство, благородство;
 Гдѣ плавень, звучень, числь, легокъ, свободень онъ, —
 Неизмѣняемый дастъ языку законъ.

Приличное богамъ Музъ вдохновенныхъ слово;
 Съ богами говоришь не должно безполково. (25)
 Пропустишь Кришика, безсмертныхъ чпя пѣвцовъ,
 Ошибки иногда за красоту спиховъ;

Она излишніе предлоги и союзы
(Чѣмъ никогда себя не опягчаютъ Музы)
На судъ буквальнику изсохшему даешь,
Который почки шакъ, какъ яхонты блюдетъ.

Мы слова нашего любимся красою,
Печемся увѣнчанъ опечесиво хвалою,
Всечасно говоримъ: „на Сѣверѣ у насъ
Художества цвѣтушъ, украсился Парнасъ“
Мы проповѣдуемъ: „на Геликонѣ Россовъ
Свѣшило лириковъ, безсмертный Ломоносовъ.“
Но мало сей хвалы, — наборомъ ли рѣчей
Прилично похваляшъ божественныхъ мужей?
Сынъ вдохновенія, лишь Пиндару совмѣстный,
Почти по имени соопчичамъ извѣстный,
Кѣмъ свѣшу былъ опкрытъ? Какой помощецъ Музъ
Для насъ проникъ его духъ, разумъ, чувство, вкусъ?
Кто принялъ шрудъ красотъ обиліе изчислишь?
О Ломоносовъ кто могъ доспойно мыслишь?
Кто, лирой восхищаясь соземца своего,
Въ полетѣ сравнивалъ Пиндара и его?
Кто Флакка, громкаго доселѣ въ наши лѣшны,
Сличилъ, какъ судія, съ пѣвцомъ Елисаветы?
Кто ясно доказалъ, что Галль, Руссо-Баптистъ,
Богащій звуками, величественъ и чисъ,

Писомцу Бѣлыхъ водъ въ картинахъ уступаешь?
Воображеніе, которое пылаешь
У знаменишаго на Сѣверѣ шворца,
Не сполько пламенно у южнаго пѣвца;
Онъ часно позабывъ о Музахъ, Геликонѣ,
Вишійсшвенную мысль толкуешь на амвоѣ, (26)
Иль рѣчь холодную избыткомъ красишь словъ,
И лиру броса, жезлъ пріемлешь мудрецовъ.

Прямая Кришика себѣ вмѣняешь въ радость,
Открышь и мысли блескъ и чувствованій сладость.
Поэшь, спупя на холмъ ближайшихъ къ небу горъ,
Къ природы прелеспямъ свободный мещешь взоръ,
Любуешься ручьемъ, который орошаетъ
Долины злачныя и жажду погашаетъ.
Подобно Кришика, владычица даровъ,
Любуешься, смопря на подвиги пѣвцовъ;
Покоршвуя ума и вкуса спрогой власши,
Сосшава цѣлаго объемля купно часши,
Глядишь, исправно ли спремисся къ цѣли ходъ,
Иль нарушаешься пѣвцомъ избранный родъ,
И въ цѣломъ часши всѣ, искусно учрежденны,
Удобны ль слогомъ бышь пріятнымъ облеченны,
И могутъ ли красы различныя вмѣспишь,
Насыпишь мысли, слухъ и сердце преклонишь.

Коль въ цѣломъ и частяхъ все разуму покорно,
Она возводишь взоръ на зданье епихопворно;
Огонь примѣшя чувствъ, вообразя полешъ,
Гласишь, что долженъ пѣшь, не говоришь Поэшь,
И мысль изящную онъ живо передъ нами
Обязанъ украшать изящными словами.

О вымыселъ! Поэшь шобою на крылахъ
Явился дерзостно въ невидимыхъ мірахъ;
Тучегонителя ты сотворилъ Зевеса,
На Грековъ раздражилъ подъ Троей Ахиллеса,
Энея — жершву бурь чрезъ множество препошь
Привелъ, спасая опъ бѣдъ, Дидоны передъ шронъ;
Ты зиму показалъ виссономъ облеченну,
Снѣгами, мразами, мяшелями ополченну, (27)
Предсавилъ, какъ несли Парнасскія сестры
Порфирородному предъ колыбель дары, (28)
Какъ свой Фелица взоръ съ молишвой возносила, (29)
Науки царшвовашъ для Росса благъ просила.

Богаший звукомъ спихъ, опшличный чиспошой,
Въ пошомшвенныхъ родахъ сіяешь красошой.
О чувстввахъ къ родинѣ не лъзя сказашь сильнѣе:
„Что матушки Москвы и краше и милѣе?“

Разборъ приемлешъ кисшь и судишь красошы,
Находишь шемные и яркіе цвѣшы:

Тамъ водопадъ горы алмазной видъ пріемлешъ, (30)
Тамъ мѣдъ клокочешъ, ржешъ, (31) а шамъ Пешрополь
дремлешъ, (32)
Иль безъ заслугъ Ферсипъ, вступа Вельможи въ санъ,
Ничто, какъ во златѣмъ окладѣ истуканъ. (33)

Одна лишь Кришика, когда хвалою вѣнчаешъ,
Достоинства пѣвцовъ, пороки различаешъ;
Винишъ, коль гдѣ падешъ высокой Музы духъ,
Коль разговоръ надушъ, распянушъ, или сухъ,
Коль нѣшъ огня въ спихахъ, коль узелъ слабъ завязки,
А вымысль не богашъ, мершвы, не свѣжи краски;
Винишъ, когда пѣвецъ, разсудка удалясь,
Не ясно думая, скрываетъ мыслей связь,
Иль спанешъ рисовать на переломѣ природы
Румяными лѣса, коришневыми воды.
Всѣ рѣчи общія безъ чувства и огня,
Хотъ гладко писаны, живутъ не долъ дня;
Неозаренныя высокой мысли духомъ,
Не будушъ царшвовашъ надъ разумомъ и слухомъ.
Ихъ должно одѣвашъ приличной красою;
Наборъ однѣхъ рѣчей для слуха звукъ пусшой.
Не сонмъ старинныхъ словъ хвалою пѣвцовъ вѣнчаешъ,
Но огненная мысль ошъ прочихъ опличаешъ.
Коль рѣчь швоя ясна, коль чувствомъ духъ швой полнъ,
Дерзай средь грозныхъ бурь, не будешъ жертвой волиъ.

Россійскихъ спранъ Софокль, опасный врагъ пороковъ,
Театра нашего создашеть — Сумароковъ,
Взлелеянь славою и Музой оболъщень,
Счипалъ, что онъ Расинъ и вмѣспъ Лафоншенъ;
Но Кришика всегда ядъ леспи опшвергаешъ,
Согласно съ испиной хвалами награждаешъ.

Оспавя чуждыя, пущыя имена,
Любимцу Невскихъ Музъ сказала бы она:

„Гремѣла на зарѣ швоя въ Россіи лира;
Оскольдъ и Роспиславъ и гордая Семира (34)
Должны, плѣняя умъ, склонить къ себѣ сердца
И славой увѣнчать здѣсь перваго пѣвца.“

Мечпаюшъ,—Кришика священный прахъ вспревожишъ,
Напрошивъ, блескъ она его даровъ умножишъ.

Разборъ коль шочень, чисшъ, какъ въ небѣ свѣшлый

лучъ,

Не можеть возродитъ въ судимомъ гнѣва шучъ;
Въ немъ шоржештво свое онъ шолько долженъ видѣшъ,
И Сумарокова возможно ли обидѣшъ,
Коль обнаживъ его и даръ и красоты,
Ты скажешъ, какъ дѣлишъ опъ шернія цвѣшты?
Есть женщины у насъ, копорыя по Руски
Сшыдся знашъ, цѣнишъ умѣюшъ по Французски,
Толкуюшъ, что Мольеръ, Корнелій нынѣ спаръ,
Въ Волшеръ менѣе, чѣмъ у Расина даръ,

Ошибки, красоты сочтешь исправно, ясно,
Со вкусомъ, съ разумомъ, съ Лагарпами согласно;
О Рускомъ вопросы, — не скажешь ничего,
Пусть видѣли спихи соземца своего,
Но разсуждаешь о томъ привычки не имѣешь,
По чувству любяшь ихъ, — хвалишь не разумѣешь.

Одна лишь Кришика, возвыся голосъ свой,
Назначилъ всѣмъ словамъ и мыслей ходъ прямой,
Изящность языка на судъ вѣковъ предсавилъ,
Подсолнечную всю имъ говоришь засавилъ;
То Греки, Римляне доказываютъ намъ.
Предводишь Кришика Омировъ чести въ храмъ;
И мы подобнаго безсмертія достигнемъ,
Когда рачительно Музъ шайнство проникнемъ.
Языкъ у насъ богатъ, есть даже образцы,
Но ихъ не вѣдаютъ чужихъ земель пѣвцы.
Намъ Кришика свои должна подать утѣхы,
Ихъ утвердя, открышь источникъ вѣчной славы;
Должна въ честьъ Росскихъ Музъ, въ награду ихъ трудовъ,
Оспешенишь языкъ и разобрашь пѣвцовъ.
Нева съ Пермесскими сольешь внезапно воды,
И придешь ихъ вкушая опъ дальнихъ странъ народы.

А. А. ПИСАРЕВУ.

1811 года.

О ЛОЖНЫХЪ КРИТИКАХЪ.

И прежде говорилъ, и нынѣ ушверждаю,
Что Кришику люблю, но только осуждаю
Безграмотныхъ судей, и полкъ, и шумъ пусшой;
Они, бесплодною кичася оспрошой,
Дерзають налагать на Геликонъ оковы
И новымъ Бавіямъ дарить вѣнцы лавровы. (35)

Наперсникъ мудрости, недавнихъ лѣтъ пѣвецъ,
Самъ Попе, Норда честь, попомства образецъ,
Сказалъ, что вралъ въ стихахъ раждаешь свѣту вскорѣ
Десятками вралей въ домашнемъ разговорѣ,
Что рѣдокъ даръ — стихи прекрасные слагаешь,
И рѣже — судъ о нихъ достойный возглашаешь.
Пепрарки разныхъ странъ гремѣли славой въ мѣръ,
А сколько Крипиковъ? — два, три, или чешыре.
Поэтомъ трудно быть, любимцемъ нѣжныхъ Музъ,
И преклонишь къ себѣ народный умъ и вкусъ;
Но обличаешь пѣвцовъ безъ желчи, шутокъ, ясно,
Учишь учишелей и болѣе опасно.

Межъ Грековъ счастливыхъ рожденный Философъ,
За коего Филиппъ благодарилъ боговъ,
Всѣхъ прежде показалъ обильные потоки,
Изъ коихъ черпаемъ разбора мы уроки;
Омира своему пипомцу подарилъ (36)
И мудрой Крипкики лучами озарилъ.
Лонгинъ, Квинтилианъ — Римляне одолжили,
Когда пушь вѣрный къ ней соземцамъ проложили;
Шушливый Флаккъ судьи взявъ на себя ярмо,
Пизонамъ написалъ прекрасное письмо,
Гдѣ слогомъ пламеннымъ, прелестными стихами
Училъ ихъ украшаешь дары искусствъ цвѣтами,

Свободно шествуя Парнасса по холмамъ,
Шупя совѣщавалъ, какъ другъ, своимъ друзьямъ.
Пусть наши Кришики пылаютъ въ жаркомъ спорѣ,
Но въ руки взявъ перо, оледенѣютъ вскорѣ.

У Галловъ средніе, высокіе пѣвцы
Изъ лавровъ или миршъ пріобрѣли вѣнцы. (37)
Ихъ славный Ариспархъ, сверхъ множества совѣщавъ,
И древнихъ и своихъ разсмащивалъ Поэщавъ.
Средь лѣта знойнаго пѣмочисленность червей,
Дерзая шучею на красный цвѣщъ полей,
Надежду пахаря нещадно изщребляющъ,
Обильный жашвой край безщлоднымъ осщавляющъ:
Такъ глупые судьи, вщупая вкуса въ храмъ,
Все рушашъ въ немъ, судя *безъ толку по толкамъ*.

Въ щранахъ, гдѣ полгода всещасно Фебъ сіяешъ,
Другіе полгода лице свое скрываетъ,
Гдѣ день одинъ въ году и ночь равно одна,
Въ двѣ часщипи дѣлящся чешыре времена,
На льдщшомъ полюсѣ, среди сосновой рощипи,
Щещера мрачная подъ кровомъ длинной нощипи;
Тамъ древнихъ божешщво, причина лющпыхъ золъ,
Кичливосщъ шучная воздвщгла свой прешщоль,
Гдѣ на помосщъ онъ сооруженъ щекляномъ;
На немъ подруга сна, одѣщая шуманомъ,

Изъ преисподней шлепъ наперсниковъ своихъ,
Покрывъ густою мглой глаза и разумъ ихъ.
Ея поклонники, щеславьемъ упоенны,
Безъ воли Фебовой въ санъ мудрыхъ посвященны,
Являя въ міръ, шворяшъ самоуправный судъ;
О вкусъ не слыхавъ, искусства презря шрудъ,
Не мысля разсуждашъ о вещи справедливо,
Толкуюшъ и рѣшапъ, — рѣшая часно криво;
А ихъ наслѣдники, ползя всегда въ пыли,
Нелѣпый приговоръ швердяшъ по всей земли. (38)

Не спорю,—Кришикомъ бышъ настоящимъ шрудно,
А наугадъ судишъ легко, но безразсудно. (39)
Нелѣпыхъ штысячи на свѣшъ знашюковъ,
Чье право на Парнассъ—десяшокъ оспрыхъ словъ; (40)
Пустые знашюки, Мидасовы пошюмки,
Привыкли разглашапъ суды повсюду громки.
Суды, благодаря проворнымъ языкамъ,
Невѣжи разнеся въ шполицъ по домамъ,
Безъ доказашельства худое превозносяшъ,
Безъ доказашельства хорошее поносяшъ;
А книга бѣдная, спѣсенная судомъ,
На время долгое покрывая спыдомъ,
Ошъ Невскихъ береговъ, бѣжа поносною брани,
Лепишъ на почшовыхъ до Вяпки и Казани.

Прямую Крипику, пречиспый Музы свѣштъ,
Міръ, имена смѣшавъ, Пасквилями зовешъ.
Не я даю законъ, — самъ Поле это знаешъ,
Онъ ложныхъ Крипиковъ разряды изчисляешъ;
За нимъ я въ слѣдъ спѣша, изображу тебѣ
О пагубной для Музъ невѣжества борьбѣ.

Иной себя въ числѣ судей опличныхъ числишъ,
По имени творца о сочиненьи мыслишъ;
Когда, къ несчастію, поспыль творецъ ему, —
Поэмы не чипавъ, на переборъ уму
Болшаешъ и кричишъ: „не ясны мысли, плоски,
Безвкусные стихи, шероховаты, жоски;“
Коль спросишъ, опъ чего? Онъ споришъ вѣчно радъ,
Согласность звучная въ его судѣ — разладъ.

Иные зависпью внушенный судъ вѣщаюшъ,
Вѣсами покривя, лишь ядъ свой изливаюшъ;
Они высоко чшупъ приспраспие и жаръ,
Ихъ полонъ желчи умъ, злословіе — ихъ даръ.

Иные знапоки нерѣдко, въ часъ досужной,
Плѣняюшся въ стихахъ иль слезкою жсмчужной,
Или когда пѣвецъ на *темно-алъ* эфиръ
Пошлешъ благоуханъ въ сосновый лѣсъ Зефиръ,
Гдѣ помно ручеекъ по камышкамъ спруишся,
И тихо дремлющій за риемою кашишся,

Иль Дафна, при лунѣ пуская жалкій сонъ,
Манишь чашапелю на очи сладкій сонъ.

Иные мысли блескъ включая въ сладость уха,
Не пребуюшь въ спихахъ ни вымысла, ни духа;
Но щедро распочашь пускающа вѣнцы,
Коль ихъ щекочуть слухъ, размѣря звукъ, пѣвцы.

Иные, въ букваряхъ лучъ почерная свѣта,
За переспавку словъ браняшь всегда Поэта;
Нерѣдко, смѣлости прекрасныя вина,
Вѣнчають часпо рѣчь безчувственнаго пня. (41)

Клишь Ломоносова берешь нерѣдко въ руки;
Надѣясь найши шупыя мысли, звуки,
Кричишь, пусть получилъ безсмертія вѣнецъ,
И Ломоносовъ самъ не славный образецъ;

Онъ удареніе при имени *Асія*
Безъ нужды перенесъ для риомы на *Россія*. (42)

Иные убѣдятся, что сила чуждыхъ думъ
Въ нихъ замѣнишь и вкусъ, и чпеніе, и умъ,
Не вникнувъ сами въ вещь опъ робости иль лѣни,
Разносятся, внявъ молвѣ, и похвалы и пѣни;
Они, Мидасамъ въ слѣдъ, чуждаясь звучныхъ лиръ,
Опъ слѣповѣрія кадяшь пустою Кумиръ.
Безъ лавровъ иногда низходяшь въ гробъ Расины,
Но чаще въ жизнь свою вѣнчающа Кошины.

Восхипясь многіе напыщеннымъ стихомъ,
Гдѣ, въ бездны опершись, гремишь на громъ громъ,
Прошив-положносшью привыкнувъ любовашься,
Заспавяшь Ангеловъ съ черпями цѣловашься;
Тамъ холмы прядаюшь, здѣсь изсыхаешъ Поншъ,
Бѣжишь къ Церберу въ пасшъ опшъ спраха горизоншъ;
Рисуюшь чудаки нелѣпо вещи чудны,
Луны сафирныя и солнцы изумрудны.

О Крипикъ дерзоспный! мнѣ возразяшь, постой!
Языкъ злорѣчивый не медля успокой,
Внемли, что громкій Флаккъ друзьямъ своимъ вѣщаешъ,
Онъ живописцами Поэшовъ называешъ;
Глася вражду Царей, божеспвенный пѣвецъ,
Омиръ, высокихъ Музъ предшеча, образецъ,
Который придцаши сполѣшій лавры носишь,
Пощады у себя въ карпинахъ славныхъ просишь,
Изображая мнѣ, что царъ боговъ—Зевесъ
Когда нахмуришь бровь,—шрепещешъ сводъ небесъ,
Враждебныхъ силу царспивъ вѣсами измѣряешъ,
Ахейнъ и Троянъ судьбу опредѣляешъ;
Великому вождю огромный зиждя щипъ,
Венеру поясомъ прелеспивѣйшимъ даришь;
Внезапно озлапня лучами роши, горы,
Ошверзешъ Фебу въ мѣръ враша рукой Авроры.

Мнѣ скажущь, — похвалы сплешая образцу,
Не можно безъ каршинъ прославишься пѣвцу.
Согласенъ; — громкую пріявъ опъ Феба лиру,
Паря на Геликонъ, ты подражай Омиру;
Желая поздно жишь, познай его законъ,
Природы чувствіе описывай, какъ онъ.

Предсхавъ ты мнѣ, когда среди надежды, спраха,
Объемлешь Гекшора, прощаясь, Андромаха;
Изобрази вождя, супруга и опца,
Снимающаго шлемъ, пугалище пшеница;
Пріама нарисуй среди Эпирцевъ спана,
Когда онъ умолялъ свирѣпаго пирана.

Огромень, дивень былъ Фидіасовъ Зевесъ:
Таковъ предъ прономъ Музъ Омировъ Ахиллесъ,
Рабъ гнѣва десятишь лѣшь въ месъ гордому Анриду,
Оспринувъ мечъ, не мспилъ опечесшва обиду;
О другъ возрыдавъ, на грозный бой лешилъ,
За смерть Папроклову герою люпо мспилъ;
Свирѣпствомъ дышущій умыслилъ ковъ ужасный —
У колесницы влечь шрунь Гекшора безгласный,
Но въ горесшной душѣ виявъ жалосши совѣшь,
Пріаму добычу не медля опдаешъ;
Родисель лобызавъ свирѣпаго десницу,
Несчастный для опца взялъ даръ на колесницу.

Вопшь ключъ, опколъ пьюшь безсмершныя пѣвцы,
Вопшь къ подражанію прямыя образцы!

Коль ищешь ты, Поэшь, опъ Музь себѣ награды,
То вкусъ и Кришика, безъ лесши и досады
Слича съ природою швой списокъ — дара плодъ,
На срамъ иль похвалу изъ рода пущяшь въ родъ.
Пекися, чпобъ швое вездѣ спихошворенье
Являло шѣсное часшей совокупенье,
Среди паренія не ослабѣль швой духъ;
Цвѣшущій самый слогъ иначе будешь сухъ. (43)

Омиръ, одушевя и небеса и воды,
Поэзію вещей и шайншво природы
Потомшву въ красопъ блистательной опкрыль,
Онъ создалъ Геликонъ и Музь въ немъ водворилъ.
Поэзія спрасшей по всемъ вѣкамъ лешаетъ, (44)
Поэзія спиховъ цвѣшетъ и увядаетъ.
Здѣсь ложныя судьи лишь ею дорожатъ,
Прельщаетъ ихъ въ спихахъ не сущность, а нарядъ;
Воспламененіе забывъ среди полеша,
Ошдѣлки шребуютъ въ швореніяхъ Поэша,
Гоповы презирашъ въ Еленѣ красопы,
Коль ей не спущшвуюшъ богашшва суешы;
Зря прелесши, убраншвъ у пѣснопѣвца просяшъ,
Венеру иногда безъ жемчуговъ поносяшъ.

Коль скудны въ Крипикахъ извѣстныя спраны
Гдѣ хоры чисныхъ дѣвъ давно водворены;
Дерзая на Парнассъ, еще намъ нужно болѣ —
Не покоряшь себя судей спропшивыхъ волѣ.
Гошовъ я ушвердишь священной правды гласъ,
Что ешь писатели хороше у насъ;
Но ложные судьи коль Пиндомъ овладѣюшъ,
Погибнешъ чисный вкусъ, Поэты охладѣюшъ.

Намъ должно, Писаревъ, судишь пѣвцовъ своихъ,
Харишь наперсниковъ, не прихъсня ихъ;
Долгъ — Лирика являшь средъ быстраго полета
И даръ, и духъ, и мысль исполненную свѣта;
Нашъ долгъ — ошъ мудреца Марона различашъ, (45)
У обоихъ своя для языка печашъ.

Воображеніе суди въ Поэшъ, чувство,
Помомъ суди языкъ, связь мыслей и искусство.
Кшо, цѣлое забывъ, свой произносишь судъ,
Томъ, оскорбляя вкусъ, берешъ напрасный трудъ.

О ПОЛЬЗѢ КРИТИКИ.

*Прямая Критика, представя даръ пльцовъ
Покажетъ, гдѣ они заснули межъ цвѣтовъ.*

Томъ II-й стр. 36.

Н. И. Г Н Ъ Д И Ч У.

О Б Ъ И С Т И Н Н О М Ъ К Р И Т И К Ъ .

1813 года.

Судя о Кришикѣ, прикратно вкуса въ храмъ
Я Попе славнаго дерзаю по слѣдамъ;
Пускай онъ Лондону усыновилъ Омира, (46)
Подобный даръ для насъ нвоя гошовишь лира.
Ошъ Темзы правила высокія пріявь,
Слѣшу гласишь Невѣ священныхъ Музъ усшавъ.
Къ шебѣ мой спихи я, Гнѣдичъ, обращаю,
Кшо Кришикѣ испинный, соземца вопрошаю?

Топть можешть съ Музами пѣвцу подашь совѣшь,
Въ комъ вдохновенія блискаетъ чистый свѣшь,
Кшо, зря прострачные небесъ лазурныхъ своды,
Умѣешть чувствовашъ величество природы,
И слышишь прескъ дубовъ въ ужасный бури часъ,
И внемлешъ соловья пріятный въ роцѣ гласъ, —
Съ Корнеллемъ возносясь, пресшупника прощашъ, (47)
Съ Расиномъ — Гекшора супругу защищашъ, (48)
Съ Россійскимъ Пиндаромъ спремишся къ небесамъ,
Иль въ трудной путь бѣжитъ по каменнымъ буграмъ.

Поспигнушь умъ пѣвца, духъ, силу и паренье —
Попребенъ шонкій вкусъ и вѣрное сужденье.
Скопленныхъ облаковъ надъ Альповъ крупизной
Опредѣлишь число поселянинъ проспой,
Теченіе планешъ, движенія законы
Намъ скажущъ Лейбницы, Коперники, Невтоны.

Мы равныхъ и опъ васъ для вкуса ждемъ шрудовъ,
Правдивые судьи орашоровъ, пѣвцовъ,
Гремящихъ лирою среди предѣловъ міра;
Кого вы судите? . . . Марона и Омира!
Учипесь награждашь, глася свои суды,
Благоговѣніемъ безцѣнные шруды;
Вамъ должно обнажишь опличное искусство,
И мысль высокую, и пламенное чувство,

Покровъ, природою сошканный, широко сняшь (49)
И красоты въкамъ на диво передашь.
Звѣзда, свѣпящая Поэтамъ въ часъ рожденья, —
Свидѣтель истинный восшорга, вдохновенья.
Низпосылаюшь даръ Пѣриды одѣ,
Своимъ наперсникамъ вѣщаюшь такъ онѣ:
„Нашъ долгъ образовашь въ обителяхъ священныхъ (50)
Олимпа жителей межъ смертными рожденныхъ.
Взлелеянь нами былъ въ младенчествѣ Маронъ,
То вѣдаешъ Олимпъ и знаешъ Аполлонъ;
Пѣвца, избраннаго для громкой Рима славы,
На Пиндѣ колыбель и юности забавы;
При шокъ чистыхъ водъ, въ шѣни густыхъ лѣсовъ
Съ напурь передъ нимъ снимали мы покровъ,
Водили рвать цѣпы съ Віономъ, Теокрипомъ,
И будущихъ временъ въ Поэшѣ знаменипомъ
Мы озарили умъ, мы укрѣпили духъ,
Къ пріятной звучности мы пріучили слухъ,
Воображеніе въ него вдохнули, чувство,
Но въ Римѣ Кришика дала ему искусство.
Цѣнишеля пѣвцамъ ревнуя показашъ,
Лонгина славнаго пеклись образовашь,
И воспишавъ его, не сами здѣсь учили, —
Сей вдохновенный умъ Минервѣ поручили,

Кошорая, опкрывъ ему судьбы боговъ,
 Опкрыла спройное печеніе міровъ,
 Явила свѣшлыя обиттели небесны,
 Пещеры дикія, подъ землю ходъ безвѣспный,
 Сспремленіе въспровъ и бездны глубину,
 Дщерь неба—святоспъ правъ, и ада дщерь—войну,
 Народовъ разныхъ рѣчь и разныя науки,
 Дѣла, кошорыя шворили смерпныхъ руки,
 Вселенну зримуую, минувшихъ подвигъ лѣпъ
 И совѣспи въ сердцахъ горящій шайно свѣшъ,
 Не ушайла даръ, увѣнчанный цвѣшами,
 Земныя доблеспи въ союзъ съ небесами.“

Такъ, Гнѣдичъ, испинно Минервы ученикъ (51)
 Со вкусомъ соглашашъ свои шруды привыкъ;
 Онъ быспро, вдругъ объявъ и мысли и парешье,
 И вѣспшъ и дробшъ высокое шворенье;
 Опкрывъ чшпашелямъ Олимпа красопы,
 Являешъ, гдѣ расшущъ душиспые цвѣшпы,
 Вѣщаешъ, позднее созвавъ къ себѣ пошомспво:
 „Вошъ разума рубежъ, вошъ дара превосходспво!“

Цѣншпель испинный съ пѣвцомъ къ мѣшъ лешшъ;
 Благоговѣешъ онъ, когда пѣвецъ горшшъ;
 Съ воспоргомъ выкажешъ высокій даръ и чувспво,
 Цѣня пареніе, на вѣспъ кладешъ испуспво;

Дышишь, чшобы стремясь напуры дивной въ слѣдъ,
На шагъ бы опъ нея не опспунилъ Поэшь;
Забоишся, чшобы разсудокъ оппорожный
Запѣи удаля, опвергнуль мысли ложны,
И всюду бышя изображалъ бы видъ,
Чшобъ Неспоръ былъ премудръ, киченья полнъ Апридъ.
Съ Улиссомъ хипроспнымъ когда Омиръ блуждаешъ,
Пути среди морей къ Ишакъ не перяешъ;
Поэму полную и чувспвомъ и умомъ,
Украшенную зря Мароновымъ перомъ,
Торжеспвенно ее пошомспву въ даръ приносишь,
Торжеспвенно пѣвцу безспмершя онъ просишь.
Доспоинъ испинно лавроваго вѣнца,
Кшо дарованье слилъ писателя-шворца. (52)

Лонгинъ — паренья спражъ вниманіемъ и взоромъ,
Не шягопишь себя словъ мѣлочнымъ разборомъ,
Но опасаяся, чшобъ громкій Музь языкъ
Опъ своеволия не спалъ и грубъ и дикъ,
Ошибки оглася, въ числѣ пѣвцу совѣшовъ,
Попросишь зло пресѣчь искусныхъ Оливешовъ. (53)

Опъ колыбели дней любя свой даръ Поэшь,
Среди глухихъ лѣсовъ опыщешъ Музы слѣдъ;
Способности и вкусъ усоверша шрудами,
Ученыхъ правиломъ, Поэшовъ образцами,

Безъ дерзновенія свой проспираешъ взоръ,
На гордые верхи вѣчныхъ снѣгомъ горъ,
Гдѣ вещи, въ суешномъ опроверженныя мѣрѣ,
Блещаютъ передъ нимъ безсмертія въ порфирѣ;
Гоэолю шамъ зришь лежащую въ пыли, (54)
Онъ рекъ: „дивятся ей всѣ племена земли!“
Священной испины въ душѣ пишая свойство,
Таланшовъ истинныхъ являя превосходство,
Пуши не заградишь безсмертной Музы въ храмъ
И вдохновеніемъ прославленнымъ пѣвцамъ;
Ужасный грома прсскъ, спруй пишихъ колебанье,
Съ пріятностью манящъ къ себѣ его внимающе.
Всѣ, дарованіемъ богатые пѣвцы,
Пріемлющъ ошъ него зеленые вѣнцы;
Корцель, Расинъ - краса пишовъ славной Ссы,
Себѣ лишь равные любимцы Мельпомены!
Плѣняясь вапимъ онъ полешомъ и умомъ,
Высокіе дары вѣнчая съ шоржесствомъ,
Возводишь честь пріятъ на холмы Геликона
За вами по слѣдамъ Волшера, Кребилюона.

Не любишь онъ пѣвцовъ съ свирѣлкой иль трубой,
На Геликонъ обозъ влекущихъ за собой,
Копорые свой умъ числомъ листовъ счищаютъ,
Но ахъ, несчастные! они того не знаютъ,

Что у Горація спраничка лишь одна
Таланпомъ болѣе, чѣмъ книга ихъ полна.

Правдивый судія, наперсникъ вкуса, чеспи,
Гнушается равно ласкашельства и меспи;
Судьбою избранный Минервы, Музъ слуга
Не знаешь, судъ глася, ни друга, ни врага;
Гонецъ грядущихъ лѣтъ и раздаятель славы
Въщаетъ Фебовы младымъ пѣвцамъ усшавы;
Привыкнувъ мысли блескъ, души полешъ являшъ,
Не спанешъ шушками попомство забавляшъ;
Богатый разумомъ, онъ ясно, почно мыслишъ,
Закономъ никогда злыхъ Эпиграммъ не числишъ,
Твердя: „досшoinsшво зависшливыхъ головъ
Есть соплешеніе забавныхъ, колкихъ словъ;“
Умѣя различашъ съ писашелемъ шворенье,
Свободно говоришъ свое о книгѣ мнѣнье,
Къ лицу писашедя не прикоснешся вѣкъ, —
Судья судимому подобный человекъ, —
И безприсшрасшя и скромности блюшшшель,
Молчишъ, доколь его не спросишъ сочинишель;
Изящность разума и чистый вкусъ любя,
Соблазны, личности опринешъ опъ себя.
Французы, Рускіе, и Греки, и Римляне
Парнасса на холмахъ предъ Кришкой граждане.

Таланты разныхъ странъ для мудреца очей
Являють равное сіяніе лучей.

Вкусили прежде всѣхъ кто сладкихъ водъ попоки,
Открыли первые намъ Геликонъ высокій,
Умѣли цѣлый міръ сіяньемъ озарить,
Тѣхъ память освящая, нашъ долгъ благодарить.

О древніе! хвалою чья не почтятся васъ лира?
Кто поклоненія шеперь лишится Омира?
Природа и Омиръ пѣвцамъ послѣднихъ лѣтъ, —
Въ различныхъ именахъ одинъ всегда предметъ.
Зеленый древлъ лавръ поднесъ не увядаетъ,
Ни зависъ, ни огонь его не изсребляетъ;
Всѣхъ міра обласней гремящіе пѣвцы
Плещуть для древнихъ Музъ похвальные вѣнцы;
Сподь обожаемыхъ наперсниковъ природы
На всѣхъ языкахъ чпунтъ и племена и роды,
И вся вселенная, одинъ сославя хоръ,
Восхвалишь древности писателей соборъ.
Какъ быспрая рѣка, распроспраня печенье,
Являетъ, въ даль спремься, водъ большее скопленье:
Поэтамъ Греціи такъ удивленный свѣтъ
Сугубитъ дань вѣнцовъ при умноженьи лѣтъ.

Когда безвѣстныя опкрышы будущъ міры,
И шамъ хвалы себѣ услышатъ ваши лиры.

Коль искра свѣшлая небеснаго огня
Послѣдняго въ пѣвцахъ коснулась бы меня. . . .
О если бы я могъ не робкими крылами
Хотъ издали лешѣшь, безсмершныя, за вами!
Я пламенѣю весь, услыша звучный гласъ, (55)
За лиру лишь возьмусь воспорга огонь погасъ.
Пролейше свѣшлый лучъ, скрѣпише духъ унылый!
Исполнясь бодрости, я испощу всѣ силы —
Воздвигнушь Кришикъ великолѣпный храмъ
И лавры поднеспи безсмершнымъ вновь пѣвцамъ.

М. В. Л О М О Н О С О В У.

О Р У Д О С Л О В И И.

1820 года.

Народа славнаго пѣвецъ рожденный къ чеспи! (56)
Тебѣ куреніе не прикоснешся леспи.
Доколѣ времени ты подѣ державой жилъ,
Надмѣнной зависти смиренной жершвой былъ;
Паря въ чудесный міръ съ Карпезіемъ, Невшономъ,
Ты рядомъ шесшвовалъ съ Пиндаромъ, Цицерономъ;
Ты быспро проспиралъ неушомимый взоръ
Въ луга цвѣшущіе, на верхъ Парнаскихъ горъ;

Спускался съ высоты въ обители подземны,
 Вершеды дикіе, чертоги ада темны,
 И шамъ, гдѣ царствувешъ и дымъ густой и мгла,
 Писалъ къ Шувалову о красотѣ стекла. (57)

Оставя рано свѣшъ, ты не былъ чести зришель,
 Которой превознесъ Россію Вседержишель;
 Екатерина правлеша на зарѣ
 Ты кончилъ вѣкъ, труда не кончивъ о Петрѣ.
 О если бы поднесъ ты въ суетномъ жилѣ мѣрѣ!
 Великолѣпное пареніе давъ лирѣ,
 Полночныхъ Пиндаръ спранъ, неслыханный орелъ,
 Пущъ много распочилъ быспролетающихъ спрѣлъ,
 Ты вновь чудесное чудесно бы прославилъ,
 И въ полной срамотѣ злочестіе представилъ;
 Воспѣлъ бы намъ, какъ духъ пылающей Москвы,
 Внимая грозный плескъ шумящихъ волнъ Невы,
 Дерзалъ спасашь людей отъ раболѣпной дани;
 Въ свирѣпомъ образѣ неумолимой брани,
 На пламенныхъ крылахъ, шуманной ризы въ мглѣ,
 Въ десной имѣя мечъ, знакъ свѣша на челѣ,
 Отъ Эльбы береговъ веселыхъ и красивыхъ
 Доспигъ до бурныхъ водъ на Рейнѣ спропшивыхъ;
 Успѣхомъ не кичась, гордыни видя пылъ,
 Въ вершечѣ собственномъ чудовище сразилъ,

То мало, — счастье враговъ своихъ успроилъ,
Гонимыхъ защитилъ, спрадаальцевъ успокоилъ,
И свѣше ополчень, пространство пролеталъ,
А по слѣдамъ цвѣшны душишны мешалъ;
Завоевателя карая пресшупленье,
Къ порабощеннымъ несъ любовь и сожалѣнье;
Лжемудрованія опринувъ гордый вѣкъ,
Свѣшпильникъ испины и крошоспи возжегъ,
Да вновь неплѣнныя прольюща быспро воды
Цѣлебныхъ родниковъ и вѣры и природы.

Я подвигомъ прельсшясь, шебѣ спремился въ слѣдъ,
Но мнѣ ль приспойно пѣшь о торжесшвѣ побѣдъ?
Съ шобою ль пошеку въ подземную глубоко,
Природы мудрыя въ свяшилище высоко?
Среди сословія ревнишельныхъ мужей
Пушуся съ Музою одинъ при шѣмъ ночей
Я ископаемыхъ въ обисели широки,
Чшобы учиселямъ дашь о рудахъ уроки?
Досшигну ль скоро мѣсшъ, далеко воспаря,
Гдѣ занимаешя изящнаго заря?

Владычица сущесшвъ, любовь — душа природы,
Кѣмъ дышешъ вешесшво и съ шумомъ плещущъ воды,
Живопныя, забывъ неукрошимый нравъ,
Воспорги чувсшвуюшъ внутри глухихъ дубравъ,

Она влечетъ міры, вращаетъ ихъ согласно,
Песпришъ луговъ, долинъ селеніе прекрасно.
Избрашники ея далеко опъ земли
Для счастья себъ подобныхъ пошекли,
Измѣрили чершогъ Создателя чудесный,
На круги разные дѣлили сводъ небесный,
Смирили въ глубинѣ чудовищъ многихъ родъ,
Сліяли дальнихъ рѣкъ спруи въ одинъ проводъ,
Природу зримую искусно обнажили,
Тѣла, расшенія на пользу обрашили,
Алкали ушущишъ злой смерши заговоръ,
Просшерли опышный опъ вѣка къ вѣку взоръ.

Всѣ рудъ искашели спремашся къ общей цѣли,
Не ужасающъ ихъ ни бурный громъ, ни мѣли,
Но ахъ! не вѣдающъ средъ скользкаго пуши
Чего искашъ, куда рѣшающся идши;
Ихъ любопышныя блуждая всюду очи,
Чшо нужно зрѣшъ, не зряшъ среди глубокой ночи;
Ни ушра яснаго, ни вечера шамъ нѣшъ,
Имъ чуждъ прекраснѣйшій великолѣпный свѣшъ;
Лишеннымъ воздуха подъ шягошой земною
Обросши камни мхомъ, покрышые водою,
Про разрушеніе всечасно говорашъ;
Тамъ пламень и вода бранъ люшую шворяшъ,

Опъ лавы черный дымъ и брызги излешающъ,
 Тамъ прахи лишь одни усопшихъ обитающъ.
 Что поражаетъ слухъ? . . . не лиры чистыхъ дѣвъ,
 Не пѣсни соловья, — подземный вой и ревъ.
 Увы! погаснешъ ли въ десницѣ чьей лампада, —
 Погаснешъ, кажешся, и вся его опрада.
 Иной съ надеждою несешся, видя блескъ,
 Мелькаешъ и земля, но вдругъ и скрипъ и прескъ,
 Вѣрвь лопнула, и вновь свергаешся несчастный,
 Палъ въ преисподнюю, и слышенъ вопль ужасный.
 Какъ древній Геркулесъ живой спускался въ адъ,
 Богатство рудословъ опыскивать намъ радъ.

Тамъ воздухъ и огонь — наперсники природы,
 Обнявъ подземные въ пространствахъ переходы,
 Совокупленіемъ неслыханныхъ чудесъ
 Внесли въ предѣлы тьмы сіяніе небесъ;
 Спихии, сговорясь, раждающъ минералы,
 Топазы, яхонты, агаты и опалы;
 Обремененная сокровищей числомъ
 Природа, взявъ въ удѣлъ неизмѣримый домъ,
 Богатство скрышь могла, не внявъ алчбы упрека;
 Но ушайшся ли что въ міръ человека?
 И дольнихъ обласей и горнихъ власпелинъ,
 Пышливый, ревностный и смѣлый неба сынъ,

Сыскаль хранимое владычицѣй своєю,
И баснословному равняясь Прометею,
Похипившему свѣшъ съ превыспреннихъ круговъ,
Бездонную зрѣль хлябъ шаинственныхъ міровъ.
Споручный Бриарей, съ Зевесомъ въ люшой брани,
Громады горъ съ своихъ сдвигага основаній,
Поспавилъ леспвицей и Пиндъ и Пеліонъ:
Такъ Требра дерзоспный, внявъ мудроспи закопъ; (58)
Забывъ ряды свѣшилъ, и гибель, и напаспи,
Покорспвуя своей неизъяспимой спраспи,
Пуспъ мракъ свирѣпспвуешъ и въшеръ воешъ въ шылъ,
Дерзаетъ, и гласитъ: „поспигъ, обрѣль, опкрыль!“
На зыблемоспъ свѣшилъ въ воспоргъ зритъ Коперникъ,
Такъ рудословъ Гаю, природы собесѣдникъ (59)
Средь вѣчно дремлющей подъ полщею ночи,
При слабоблещущемъ мерцаніи свѣчи,
Бросаетъ въ шоржеспвѣ кругомъ взоръ удивленный
На своды темные, сіяньемъ озаренны.

Мешалловъ и камней онъ міріады зритъ,
Звѣздяпся соли шамъ, и въ каждой лучъ горитъ.
Вникая ревностно въ ихъ образъ, перемѣну,
Въ доброшу вещеспва и шягоспъ, блескъ и цѣну,
Обиліе опкрыль блиспательныхъ рядовъ
Опъ сущей древноспи извѣспнѣйшихъ родовъ:

Кремнистый, глинистый, цирконный и глициновый,
Ипрійскій, шальковый, шориновый, спронциновый,
Тяжелый, названный по Гречески *Баритъ*,
Равно Галиповый, какъ Вернеръ говоритъ.

Кремнистаго ничто, и огонь не раздробляетъ,
Одна лишь кислота родъ оный растворяетъ. (60)
Породы этой мы довольно видимъ чадъ:

Тамъ ониксъ, хризолитъ, шопазъ, рубинъ, агатъ.

Другой, смокаяся шекучей мокрошою, (61)
Легко ссѣдается отъ пламеннаго зною.

Нѣтъ нужды изчислять чадъ племени сего,
Прозрачные квасцы родились отъ него.

А шрешій, получа цирконнаго названье,
Имѣетъ шѣсное съ другими сочетанье,
То носишь крапины, то зернами богатъ;
Тамъ шеплошворъ и блескъ, горячій весь разрядъ
При окисленіяхъ раждаетъ запахъ, пламень,
Пылаетъ тамо нефъ, яншаръ, медовый камень.
Разнообразіемъ чудесный, полный міръ
Взоръ ошвлекаетъ мой съ граница на сафиръ,
И представляется высокій родъ мешалловъ,
Отъ всѣхъ доброшою отличны минераловъ,
Сіаньемъ, шяжесшью и шлошностью большой,
Въичается въ рудахъ шлашинной, золошой.

За превосходною какъ будто бы чешою
Идушь, храня свой чинъ, торжественной полною
Сребро, желъзо, мѣдь, цинкъ, олово, свинецъ,
И висъмутъ, и сюръма, и никкель и волчецъ.

Оспавя, Муза, вдругъ вершешъ пы дикій, мрачный,
Почто влечешъ меня въ край горній и прозрачный?
Или по воздуху я подлинно шеку
Среди пространства звѣздъ, *зыбей млечныхъ* въ рѣку, (62)
Мечшательные зрю Феbei днесъ чертоги,
Сребристые луны я обнимаю роги?
Тамъ ужасъ царствуетъ, унылый тускнешъ лучъ,
Тамъ вихрь, и градъ, и дождь, дождь огненный изъ шучъ,
На встрѣчу носящя среди пространствъ другъ къ другу,
Иль небеса грозящъ бѣдой земному кругу?
Ошколъ возсіялъ непосшижимый блескъ,
Разъблась шуча вдоль, повсюду слышу шрескъ,
Удары множащя? величины огромный
На землю, ринувшись, палъ камень метеорный,
Въщасешъ спущникъ мнѣ: „се мой аэролишь (63)
Небесной волею меча пріемлешъ видъ!
Онъ шонко изошренъ искусною рукою,
То правотърнымъ знакъ побѣды и покою;
Луна! преломилъ швой рогъ мечемъ швоимъ,
Зри, — Александръ уже и препоясанъ имъ.“

Въ очахъ моихъ слились явленія чудесны,
 И тайны ошъ меня сокрылися небесны;
 Я Ломоносова вдали увидя слѣдъ,
 На землю вновь спусхьясь, свершаю мой полетъ.
 Искусный рудословъ, умножа попеченье,
 Приводишь Химію къ себѣ на вспоможенье;
 Свой усхроешь горнь, покорсхвуя, она,
 Держащая мехи Вулкана длань видна,
 И мѣру пламени и шокъ опредѣляешь,
 И въ мягкій воскъ мешалль суровый прешворяешь;
 Часшицы опдѣля горящей теплошой,
 Не медля подаешь вамъ слишокъ золошой.

Предвидимосшь сидишь на пышной колесницѣ
 При дальнемъ рубежѣ, и держишь мечъ въ десницѣ;
 Глубоко пахари внѣдряюшь въ землю плугъ,
 А кормчій хлѣбъ везетъ за серебро на Югъ;
 Пожарскій съ Мининымъ на площади народной,
 Какъ въ живѣ, пакъ въ мѣди, пишаюшь духъ свободной.

Пускай ошъ древнихъ лѣшь запѣйливый пѣвецъ
 Любовныхъ горесшей, Овидій — образецъ
 Ошносишь, не любя ни злаша, ни кинжаловъ,
 Напасши смершнаго къ открьшню мешалловъ, —
 Ожесточенная изображаетъ кисшь,
 Чшо ихъ изобрѣла намъ въ пагубу корысшь;

Любостяжаніе надменное, не сышо,
Въщасяшъ: „у меня блаженство смертныхъ скрышо;
Народы! въдайше, — нѣшъ счастья на земли,
Оно хранишя мной средь мрака и пыли;
Дерзайше . . . попесушъ васъ золошой рѣкою
Зефиры къ пышности, веселью и покою.“

Богъ сердцемъ пылкимъ насъ и волей озарилъ,
Но воли быспрошу разумкомъ усмирилъ.
Почшо намъ буйныя сливашъ съ наукой спрасши?
Умѣришъ наглосшъ ихъ или не въ нашей власши?
Святилище искусствъ, умовъ крылашыхъ часшъ
Не для того дана, чшобъ намъ была въ напасшъ.

Изъ тучъ лешя спрѣла, весь воздухъ попрясаешъ:
Такъ челоуѣка огнь духовный воспалешъ;
Въ коропкую онъ жизнь спѣша благошворишъ,
Чувствительности здѣсь все ищешъ покорисшъ.

Блаженствуюшъ спраны, когда Владыки царшва,
Низринувъ замыслы надменнаго коваршва,
Пекушя разливашъ науки чистый свѣшъ;
Сіаньемъ озаряшъ земля, какъ рай, цвѣшешъ;
Соединяющя желанія и спрасши
Блаженство зрѣшъ свое съ другими въ равной части,
Всѣ за опечешво пролишъ гошовы кровь;
Дружна со счастиемъ взаимная любовь.

Съ ней вдохновенному нѣшъ разуму преняшсшва;
Они — испочники безсмершїя, богашсшва.
Едва мракъ опрясли мы опъ своихъ очей,
Какое множесшво блиспашельныхъ лучей
Наукой, доблесшью въ Россїи возсіяло!
Заря уже возошла, — помедли Сѣверъ мало, —
И солнце, полное прїяшной теплошюй,
Огнемъ священнѣйшимъ шаръ озаршъ земшюй.
Благословеннаго подъ сѣншю и покровомъ
Ревнишели наукъ на Геликонѣ новомъ
Къ успѣху первому приложашъ новый шрудъ,
На Сѣверѣ *Потозъ* обильный обрѣшупъ; (64)
Да сбудешся!... мнѣ въ шомъ, пѣвецъ, ручайся Россовъ,
Чшо насажденное шобою Ломоносовъ...
Тобою брошенны въ началъ сѣмена
Плоды произрасшашъ въ позднѣйши времена,
И холмъ сей превзойдешъ, къ величїю Россїи,
Ушесы, кои зршшъ въ Веймарѣ у Марїи. (65)

СТИХОТВОРЕНІЕ,
РУСКІЕ МОРЕХОДЦЫ.

Э П И Г Р А Ф Ъ.

*Глашю потопстѣу въ слухъ я истину не лестъ,
Любя хвалитъ Царя хвалимаго вселенной.*

Томъ II-й стр. 101.

РУСКІЕ МОРЕХОДЦЫ

И А

ЛЕДОВИТОМЪ МОРЪ.

1821 года.

И рудословія и домоводства членъ, (66)
Ты будешь, Сарычевъ, чрезмѣрно удивленъ,
Что льпшъ въ преклонности на Геликонъ дерзаю,
О буряхъ, льдахъ спихи пловцу морей вручаю.

Стремился, прежде я въ неисходимый доль, (67)
Гдѣ ископаемыхъ сокровищей прешоль;

Зрѣлъ лаллы, яхонты, агаты, изумруды,
И камней и солей безчисленныя груды;
Узналъ мешалловъ вѣсь, копорый намъ открылъ
Богатства полный ключъ и превосходство силъ;
Я съ Ломоносовымъ въ подземную спускался,
Въ жилище ужасовъ съ цѣвницею являлся;
Теперь, оставя рѣкъ цвѣтисные брега,
Дубравы мирныя, зеленые луга,
Весною соловья пріятныхъ пѣсень сладость,
Воспорги спранныхъ чувствъ, любви невинной
радость,
Оставя чистую, небесную лазурь,
Теку въ предѣлы волгъ, несуся въ царство бурь; (68)
Воображеніемъ похитя прудъ полезный,
Разгнѣванныхъ морей дерзаю видѣть бездны;
Боясь нерѣдко плышь въ часъ бури по Невѣ,
Споусной я шеперь ввѣряся молвѣ,
Лечу въ Непшуповъ домъ видѣнемъ успрашишься,
Какъ грудь желѣзная, на Смерча ополчишься, (69)
Пучины слышатъ ревъ, снашей, канатовъ прескъ,
Звукъ грома, шумъ валовъ и частый молній блескъ.
Тамъ смерть съ улыбкою коварнѣйшаго взгляда
Добычью радуешь безнасышимость ада,
И подъ свинцовый скиптръ стихіи покоря,
Зришь дань, копорую приносяшь ей моря.

Разнообразная, богатая природа (70)

Касается главой небесъ прозрачныхъ свода;
Безъ облакъ горизонтъ — спокойное чело,
А бѣлое лице — текучихъ струй стекло;
Какъ Тебѣ небесныя предводишь мириады,
Звѣздообразные ея сіяють взгляды,
Кудрявыхъ цвѣтъ волосъ — въ дубравѣ мракъ густой,
Въ рукѣ природы зримъ одинъ рѣзецъ простой,
Имъ образуются и времена и лѣта;
Изъ устъ ея течетъ ключъ благодатный свѣта,
А рѣчь пріятная, какъ сладостный пошокъ,
Пишетъ Сѣверъ, Югъ, и Западъ и Востокъ;
Огнями полный адъ ея покрываетъ ногою;
Одежда розъ, лилей сіяетъ песпрошою.

Пѣвецъ боговъ — Гомеръ живописуетъ намъ (71)

Природы мудрая великолѣпный храмъ,
И Плиній и Бюффонъ изчислили богатства, (72)
Которыми ея обилуютъ при царства;
Но кто уразумѣлъ, взойдя на высоту,
Непоспѣжимую и мощь и красоту?
Кто видѣлъ ужасы и прелести природы?
Кто могъ одинъ обнять швердь, землю, адъ и воды?
Герой, Правитель, Царь, наперсникъ шайтъ, мудрецъ,
По манію ея берутъ себя вѣнецъ.

Счастливъ, кто вознеся до умозрѣнья сферы
На мирныхъ крыліяхъ любви, надежды, вѣры,
Трудомъ не ушомясь, въ безвѣстный край паришь,
Въ Камчаткѣ дикарю, какъ брашъ, благошворишь.

О Муза! въ дерзости могу ли я помыслишь,
Всѣ имена мужей ревнипелей изчислишь,
Которые презря морскихъ валовъ борьбы,
Шагнувъ чрезъ древніе Иракловы столбы,
Къ обоимъ полюсамъ спезю себѣ открыли,
Европу новыми лучами озарили?

Вы, Беллингсгаузенъ, Васильевъ, Крузенштернъ, (73)
И Берингъ—нашъ Колумбъ! вашъ прудъ запечаталиъ.
Кончая Волга бѣгъ, богатство водъ скопляетъ,
И съ шумомъ Каспю сокровища вручаетъ:
Такъ ваши, подвигомъ прославясь, имена
Прейдутъ въ послѣднія потомковъ времена.

Завоевали, свирѣпые Ашиллы! (74)
Вы, царства обрапя въ пустыни и могилы,
Гордыней обуявъ, изсунувъ грозный мечъ,
Велипе смершнаго ручьями крови печъ;
Предѣль вамъ славы — гробъ, опроверженцы природы!
Вамъ чужды небеса, огонь, земля и воды;
Вы мнише, — только вамъ сіяетъ свѣшлый день,
Для васъ сотворена прохладной роши тѣнь;

Окаменѣніемъ, алчбою здѣсь несышы,
Въ могилѣ прокляшы и будете забышы.

Свѣпильники наукъ Борей на крилахъ
Подъ мрачнымъ сводомъ бурь, въ бѣзвѣспныхъ племенахъ
Сыскали родники природы благодатной,
И розы спѣлыя и воздухъ ароматной;
Тамъ новая шрава, и рѣзво мошылъки
Віюшся надъ стекломъ прозрачныя рѣки.

Я скромность, Сарычевъ, швою не оскорбляю, (75)
И многихъ подвиговъ средъ волнъ не изчисляю;
Къ тебѣ взываю я, успрой опасный пушъ,
Мнѣ кормчимъ по морямъ, моимъ Язономъ будъ.

Великолѣпенъ видъ на лонѣ водъ природы;
Сіяющихъ небесъ шамъ голубые своды —
Чершогъ среди ночей неизчислимыхъ звѣздъ;
Тамъ плещетъ воду кипѣ средъ бурныхъ въ морѣ мѣспъ,
Горящіе сполпы, явленія небесны
И солнечный опливъ, блескъ радуги чудесный,
Великолѣпная вечерняя заря,
Когда уходишь Фебъ покоишься въ моря,
И газы разныя водъ цѣлое пространство. (76)
Въ свой облакающъ цвѣшъ, свое дающъ убранство,
И множество прожоръ и настѣкомыхъ шма; (77)
Неспощимая природа ихъ сама

Блестящей чешуей искусно украшаешь;
Она пылающимъ лице морей являешь.
Обширность влажная безчисленныхъ красотъ,
Для умозрѣнія духовъый сѣя плодъ, (78)
Склоняешь часто мысль сей жизни ошъ порогу
Въ обитель горнюю, къ Царю вселенной — Богу;
Тамъ буквы ясныя, вѣщающія въ слухъ;
Они вселяя страхъ, возносяшъ мудрый духъ,
Они сердца людей любовью окриляютъ,
Чертежъ о подвигахъ высокихъ предспавляютъ,
Мужамъ, оппорженнымъ ошъ праздности предѣлъ,
Веляшъ въ грядущемъ жить, искашъ безвѣстныхъ сель.

Изъ древа созданный, искусствомъ окриленный
Уже корабль просперъ полетъ свой дерзновенный
По чистому спеклу необозримыхъ водъ;
Изчисля перспомъ иглъ дыханье бурь, свой ходъ, (79)
На долго распроспясь съ опечества берегами,
Безвѣстныхъ ищешъ благъ подъ чуждыми звѣздами;
Къ предѣлу спранствія склоняя кормчій путь,
Мечшаешъ въ городахъ обильныхъ опдохнушъ,
И временныхъ вѣтровъ пишаясь дуновеньемъ, (80)
Благошворительнымъ несешся ихъ спремленьемъ.

Безвѣпріе и волнъ непробудимый сонъ
Плывущему родяшъ обиліе препонъ:

То скудоспъ яспвѣ, воды, кладешъ на сердце бремя,
 То драгоценное губя напрасно время,
 Возводишъ онъ глаза на тихій неба кровъ,
 Желая шамъ узрѣшъ явленіе въшровъ.

Вдругъ шучи черныя, изъ края въ край несяся,
 Громами, молніей и ливнемъ разродяся,
 Въ безбрежный Океанъ несшыя шекушъ,
 Водюю плещушъ въ бокъ и свищущъ и ревушъ;
 Колеблемый корабль, Борейя духомъ полны,
 То поднимающъ вверхъ, шо опускающъ волны; (81)
 Живошныхъ вышесня изъ корабля вода,
 Являешъ по морямъ плывущія спада. (82)

Причины буръ, въшровъ посшигнушъ не дерзаю, (83)
 Природы шайнспва на лирѣ не чишаю.
 Пущъ съ низу орѣдѣвъ воздушная рѣка,
 Гущыя на верхахъ скопляешъ облака;
 Земные ли пары и пришяженья сила,
 Сдружая съ прахомъ перспъ, дарипъ имъ шяжеспъ,
крила,
 Иль огненная пещъ, кипя внутри земли,
 Сжимая влагу въ клубъ опъ нашихъ глазъ, вдали
 Велишъ ей, образъ давъ, на воздухъ являшся,
 Предъ смершными въ громахъ и молніяхъ кашашся!

Гомеръ, чудесный Бардъ, избралъ въшрамъ царя,
 И покоришъ ему свирѣпыя моря;

Эола сошмы чадъ, сорвавъ съ себя оковы, (84)

Буншуя въ воздухъ, бѣды гошоваптъ повы.

Уже въ преддверіи опаснаго часа

Бросающъ якори, свивающъ паруса;

Пугалище пловцовъ, предвѣстіе пирана,

Предшеча грознаго средь бездны урагана, (85)

Въ крови безбодрспвенныхъ раждая жаръ и мразъ,

Открылся средь небесъ *воловій страшный глазъ*. (86)

То черное пашно внутрь облака гнѣздишся,

Роспя, немедленно обширнымъ спановишся;

Кровавый цвѣшъ луны, кровавый солнца блескъ,

Ходъ быспрый облаковъ, глухой подземный шрескъ

Буреносишеля вѣщающъ приближенъе;

За нимъ шолпяшся въ слѣдъ огонь, землешрасенье,

Густое облако, крылашое одно

По небу шшелешъ мракъ, какъ черное сукно.

Тамъ въ полдни свѣшлага луча не видно болъ,

Тамъ ночь — владычица, пусшъ солнце на прешполъ;

Скочивъ съ одра Борей, сжимаешъ облака,

Дождя шумяшгаго спускаешся рѣка,

Свисшъ вѣшра, грома шрескъ по воздуху спремишся,

Срываая верхъ, гошовъ на корни ополчишся.

Тамъ вихрь ужаснѣйшій, свивая клубомъ мглу

Лешиптъ по черному зыбей морскихъ спеклу;

Прибрежный въпра духъ все низвергаешъ, давишъ,
То двигаешъ утешъ, шо зданье обезглавишъ,
Или спольшній дубъ съ корнями ухващя,
Бросая далеко, въ рядъ облаковъ кашя,
Безъ въшвій дерева, безъ лиспвievъ являешъ
И мураву бичемъ палящимъ изпребляешъ;
Не медля, корабли порывисшо и вдругъ
Ошбросишъ къ берегамъ, несешъ на Западъ, Югъ.
Тамъ гибель, ужасъ, смерть лишъ поражаюшъ взоры,
Тамъ волны въ небо бьюшъ, возносяшся какъ горы;
Тамъ молнія, спѣша за молніею въ слѣдъ,
Вдругъ пламенную въ мракъ на воздухъ ризу шлешъ;
Вервь лопнула, руль палъ, прещашъ обмокнувъ,
снасти, (87)

Корабль разшерзанный спалъ рабъ Борей власши;
Носяся въ пренешъ межъ неба и земли,
Зришъ брусья онъ свои, плывущія вдали.
Ударилъ снова громъ, волна, сразясь съ волною,
Бѣжишъ, вздымаешся, дробишся надъ кормою,
Горишъ крылашый домъ, и бѣдшво не одно,
Волна его влечешъ свирѣпыхъ водъ на дно;
Хламиду мѣдяну ошпоргнувъ бесполезну,
Вознявъ корабль сверхъ водъ, свергаешъ съ шумомъ
въ бездну.

Такъ славный Лаперузъ, любви къ наукамъ полнъ, (88)
Средь хвальныхъ подвиговъ — добыча грозныхъ волнъ —
Погибъ. Не уже ли скрываешь мракъ пемницы?
Гдѣ человѣчеству искашь его гробницы?
Покажешь намъ ее не мраморъ и не мѣдь, —
Бышь можешь, плошь его доспалась рыбамъ въ снѣдь.
Свирѣпый Ураганъ раждается на Югѣ,
Въ Аншильскихъ островахъ являясь вихремъ въ вьюгѣ;
Лишь Фебъ въ пещеру льва онъ волю давъ криламъ,
Съ ушесомъ борется, буншуя по морямъ.

А шамъ еще напасъ: лукавыхъ водъ царица (89)
Сидя надъ бездною, волшебствъ старинныхъ жрица,
Сирена хитрая спальнымъ своимъ жезломъ
Чаруетъ сонмы водъ, ихъ очершая кругомъ;
Наружной пишиной плывущихъ привлекаешь,
Приманишь корабли и, приманя, глошаешь.

А шамъ изъ подъ горы изхиясь исполинъ — (90)
Тифонъ, дерзая вспаръ низринуть неба чинъ,
Въ чершогѣ волнъ царя прозрачные сокрылся,
И въ шѣло жидкое и видъ преобразился,
Пучину грозную волнуешь великанъ;
На персяхъ у него лежишь густой шуманъ,
Какъ браненосная воипеля одежда;
Въ немъ возлещь къ звѣздамъ еще горитъ надежда.

Пусть кажется пловцамъ быспрь, понокъ съ низу онъ,
Широкая глава, какъ обращенный конь, (91)
Опъ водъ поверхности вокругъ себя клубишя,
Роснешъ и вдругъ шолбомъ кругообразнымъ зришя;
Съ огромнаго чела, какъ съ горъ, печешъ пошокъ,
Спремишя, пѣнишя, шумя, журча, лежокъ,
Средь бездны двигаясь, спалъ ключъ огнемъ кипящій
И безбоязненнымъ плышь далѣ препящій.

Иные корабли вступаюпъ съ Смерчемъ въ бой,
Разя въ прозрачный шолбъ жерль мѣдяныхъ пальбой;
Лишь повпоренные удары ядръ жестоки,
Сѣшь влаги расперзавъ, смиряюпъ волнъ пошоки.

Давно ли съ круга водъ сорващійся Тифонъ,
Крылатый, яроспный и дерзоспный драконъ,
При Фебъ вдругъ схвапя людей въ Севастополь,
Съ чудесной быспрошой и добычью опшоль,
Раждая по слѣдамъ смяшенье, ужасъ, крикъ,
Залива чрезъ пошокъ лепѣль на материкъ?
По счастью шуда свой грозный пушь направиль,
Безвредно плѣнниковъ на землю онъ поставиль;
Но самъ разсѣлся и обратился въ мглу,
Громадой влажною ударясь о скалу.
Раждаешъ много зла Тифонъ ожеспоченный,
Изъ хляби огненной изхишяся подземной.

Несчастливъ человекъ! себѣ онъ ждешъ бѣды
Отъ неба, воздуха, и суши и воды,
Коль мало бѣдствія въ неукропимомъ морѣ,
На сушь новыя онъ обрѣшаетъ вскорѣ;
По влагѣ и землѣ едва лишь ступишь шагъ,
И явный, тайный ли ему предстанетъ врагъ.
Тамъ огонь громовыхъ шучь и въпры просятъ дани,
Здѣсь люди спроятъ ковъ, вооружаютъ длани.
Другъ человѣчества, воспитанникъ наукъ,
Погибъ у берега Британецъ мудрый—Кукъ. (92)
Невѣдомой спрѣлой, направленною съ шылу
Безпренешный пловецъ низринулся въ могилу;
Отъ человѣческой пріемля смерть руки,
Онъ въ море палъ лицомъ, — не берега на пески,
Въ обитель хищныхъ чудъ, пучину водъ сокрылся,
Подобнаго себѣ бышь жертвою спыдился.

Кшо просвѣщенія, святыя вѣры чуждъ,
Тотъ видомъ человекъ, своихъ невольникъ нуждъ;
Онъ зришь и воздухомъ хощя себя пишаешь,
Но цѣли бышя, любви къ другимъ не знаешь.

Весь обитаемый обшекъ Васильевъ шаръ, (93)
Уже отечеству принесъ онъ славный даръ,
Который посвяшилъ въ музей Адмиралшейства,
Но мало ль прешерпѣлъ среди пучины бѣдства?

Не рѣдко плаваешь, смотря на дно морей,
Какъ пушникъ, брошенный въ лѣсахъ между звѣрей,
Подъ сводами небесъ, на хлябяхъ грозной бездны
Одинъ... и надъ собой зришь смерти персть желѣзный
Чужому воздуху онъ часно плашишь дань,
И тайную ведешь съ самимъ собою брань;
Внимая грусти гласъ и черныхъ думъ законы,
Пускаешь шаяккіе изъ сердца вздохи, снопы;
Горящій въ полдень лучъ, и ночью свѣшь луны,
И отраженіе сребристыя волны,
Чужаго берега шумящія попоки
Не могутъ испребитъ разлуки духъ жестокій;
Не забавляешь лугъ, ни пестрые цвѣты,
Коль милой сердцу нѣшь, знакомой красошы.
Трудами ближнему полезными гордишься,
Но самъ печалію, уныніемъ помился;
Ошь радостей души, ошь кровныхъ удалень,
Не зришь опечесшва, копорымъ воскормленъ.
Мечтаешь среди опасностей великихъ
Жизнь кончишь горькую въ шепяхъ народовъ дикихъ;
Въщаешь иногда, сугубя скорбь, поску:
„Пустаго берега я лягу на песку;
Кто миромъ оградить съ землею часъ разлуки,
Кто слабыя мои къ ушамъ приложишь руки,

Кто слышать припечатъ послѣдній разговоръ,
Кто наконецъ смѣжитъ мой упоженный взоръ?
Нѣтъ друга, мащери, и нѣтъ супруги нѣжной!
Кто, переплышь дерзнувъ чрезъ Океанъ безбрежной,
Пойдешь могилу зрѣшь въ непроходимый лѣсъ
И мореходца прахъ почпишь потокомъ слезъ?“

О Муза! возвѣспи погибель мнѣ Хрущова. (94)
Изъ Беринга уснешь не упуская слова,
Совѣшь начальника вмѣня себѣ въ законъ,
На малой островокъ пошелъ съ опрядомъ онъ,
Пошелъ немедленно, поспѣшно возвращался,
И мудраго вождя призывомъ восхищался;
Речешъ: „я спалъ шеперь дозорный, вѣрный глазъ,
Я повелѣнія въ одинъ исполнилъ часъ.“
Уже лешипъ къ судамъ, влекомъ надеждой леспной,
Гдѣ *Гавриль* споялъ, ему пришонъ извѣспной;
Что спалося? Увы! о небо, о земля!
Приходишь къ берегу, не видишь корабля:
„Вошь мѣсно между мной, начальникомъ условно,
Осиропѣвъ оно, и пусто и безмолвно.
Съ дружиной малою, безъ пищи, безъ судовъ,
Погибнешъ навсегда злосчастливый Хрущовъ!
Зачѣмъ на смерть меня въ пустынь ты оставилъ?
Сей островъ осмошрѣшь ты самъ меня опправилъ,

Людей и порохъ далъ, шы ждашь меня хошѣль,
Я въ срочной часъ сюда, не медля, прилешѣль.“
Такъ вопіяль Хрущовъ, шерзаясь въ люшой долѣ;
„О мысль ужасная! уже нѣшь судна болѣ,
Не лзя въ опечесшво любезное опшлышь,
На дикомъ оспровѣ пришлось смершь вкусишь.“

Гдѣ оспровѣ, гдѣ Хрущовъ, — и Берингъ самъ не знаешъ,
Сей кормчій среди бѣдъ помясь въ моряхъ, спрадаешъ;
Бурунь корабль его опъ берега схвашилъ,
Межъ ледовишыхъ скалъ изъ края въ край носилъ.
Тамъ Берингъ много дней по безднѣ водѣ скишался;
Доселѣ мракомъ скрышь Хрущова рокъ оспался.

Зима украшеннымъ морозами жезломъ
Весь полюсь оковавъ на Сѣверѣ кругомъ,
Назвавъ столицею безжизненные степи,
Просшерла въ Океанъ изъ водѣ замерзлыхъ цѣпи,
Взошла, любуясь сіяніемъ снѣговъ,
Въ черпогъ, изсѣченный изъ чистыхъ крѣпкихъ льдовъ;
Обычнаго времянь чуждаясь въ мѣрѣ хода,
Раждаешъ иней, ледъ къ концу съ начала года;
Украдкой сыплешъ Фебъ въ извѣспные часы
По обласшямъ ея лучей своихъ красы;
Вполнѣ ихъ распочашъ онъ власпи не имѣешъ,
Ни розу оживляшь ни рушишь льдовъ не смѣешъ

Она, пособіемъ своихъ лдяныхъ дверей,
Входъ къ Югу заперла изъ Сѣвера морей.
Сшеклообразныя зубчашыя шамъ лдины,
Сспрегутъ при знакѣ льва холодныя пучины,
Иль съ мѣсна иногда, покорсшвуя въспрамъ,
Соспуняшъ, кажешся, на вспрѣчу кораблямъ;
Иные зряшся лды споящіе какъ горы,
Иные движущся и ужасающъ взоры.
Пущъ въспрѣ дышишъ, мелькнешъ спруисшая спезя,
Но кораблю по ней пущи избрашъ не лзя.
Тамъ успарѣлыхъ льдовъ чудесныя громады
Коршецу, Куку плышъ успроили преграды; (95)
Васильевъ съ ними велъ средъ Океана бранъ,
День цѣлый жизнь предашъ онъ чайлъ смерпи въ данъ. (96)

Лишь Феба приняла въ свою обисель дѣва, —
Зима коварная, дочь люшая Эрева,
Упошребляя въ бой лдяныхъ силу глыбъ,
Корабль ссылаешъ въ глубъ, жилище хищныхъ рыбъ,
Или жестокія судамъ наносишъ раны;
Какъ злые, разъярся, коль шрупъ увидяшъ, враны, —
Въ ущелинахъ своихъ, неизмѣримыхъ льдахъ
Она, пиля корабль, преобращаешъ въ прахъ,
Не громомъ поразишъ, не вихремъ обезглавишъ,
Но добычу схващя, шѣспишъ, сжимаешъ, давишъ.

Пловцы безъ корабля еще плывутъ по льдамъ,
 Себѣ въ погибели спасенья ищутъ тамъ;
 Межъ влаги ломкихъ льдинъ, простря унынья вѣжды,
 Хватающъ жизни шѣнь на крыліяхъ надежды.
 Здѣсь смершныя косы никто не избѣжишь,
 Она въ безвѣспный часъ вездѣ людей разишь.

Гдѣ не являлись вы, богатыри Россійски?
 Не снѣжныя скалы Кавказскія, Алпійски
 Восхищя, поразя, мой удивляющъ взоръ, —
 Цѣпь Алеупскихъ я пою ледяныхъ горъ.
 Скала *Хозяйка* (97) есть, — Азіійскій край вѣчаетъ,
 Воздушныхъ перемѣнъ при степени вмѣщаетъ;
 Отважный Шпейнъ къ ней дорогу показалъ
 И *Александровой* ей имя *сопки* далъ.
 Взойши на высоту и сопки зрѣшь вершину,
 Пошребенъ цѣлый часъ науки смѣлой сыну;
 Никто изъ ревностныхъ и дерзостныхъ людей
 До верха не достигъ безъ помощи когтей.
 Съ когтями Шпейнъ самъ съ холма на холмъ взбирался,
 Близъ неба, на земли средь облаковъ осшался,
 И громъ и молнію, воздушныхъ рѣкъ берега
 Узрѣлъ, какъ съ Пулкова окрестныя луга, (98)
 Шагнуль . . . и въ ужасъ онъ внезапный погрузился, —
 Испочникъ огненный кругомъ его разлился,

Клокочешъ въ яроспи надъ льдиною жерло,
Ошполъ пламени сіяніе шекло;
Огонь, кипя внутри, изхипшясь, въ доль спремишся,
Ошъ лавы, камней прескъ, далече дымъ куришся,
Собранье яркое пылающихъ веществвъ
Велишъ ждашь общаго землетрясенья бѣдшвъ,
Теченье пламени по скапу глыбъ кашилось,
И царшво льдовъ въ огонь внезапно преврашилось;
Тамъ вѣковые льды, казалось, горяшъ,
И дальній Океанъ пожаромъ озаряшъ.
Споая на льду, себя видѣніемъ насышилъ,
Трофеевъ нѣсколько ошъ лавы лишь похипилъ,
Явленье новое, сходя съ горы, узрѣлъ:
Не огненный уже источникъ шамъ горѣлъ,
Но зеленую луга вспрѣчающя покрышы;
Тамъ на поверхности, какъ башни знаменишы,
Ходящими вокругъ представились холмы,
Подъ оспрїями горъ огонь, жилище шьмы,
Шумъ далѣ слышишъ водъ, грохочущъ водопады,
Со льдовъ кашяшся въ даль шекучихъ глыбъ громады;
Играя косвенно съ блѣднѣющимъ лучемъ,
Шумяшъ, и пѣняшся, и брызгающъ дождемъ;
Украсясь разными, какъ радуга, цвѣшами,
То съ солнцемъ рѣзвяшся, то борюшся со льдами.

Когда бь, *Шатобрианъ*, мнѣ сроденъ былъ швой даръ,
 Я славный описать дерзнулъ бы *Ниагаръ*,
 Тамъ выше рошъ вода, капяся къ низу вскоръ,
Являетъ не рѣку, не озеро, — но море. (99)

Изъ камня, дерева изсѣченный кумиръ
 На поклоненіе подвигнулъ древній міръ;
 Среди невѣжества коварное волшебство
 Въ погибель смершнаго сыскашь спремилось средство.
 Тогда, пишая гнѣвъ, злонравный чародѣй
 И въ камни и волковъ преобращалъ людей.
 Въ божницѣ льдисныхъ спрячь кумиръ имѣлъ Шаманомъ
 Свирѣпаго Козру, копорый жилъ обманомъ,
 Коварствомъ, злобою и местию дышалъ,
 Къ прелестной дѣвѣ спрасшь преступникъ ощущалъ;
 Смошрѣла на него любимая имъ дѣва,
 Примѣшно, съ чувствами презрѣнія и гнѣва;
 Базальша, можешъ бышь, любви познала власшь,
 Къ Мекензу милому уже пишала спрасшь,
 Взаимной нѣжностью уже сердца горѣли,
 И брака своего наспавшій часть узрѣли,
 Уже гошовились свяшый принесшь обѣшь,
 Уже въ божницѣ ихъ Шаманъ коварный ждешъ,
 Къ Базальшѣ спрасшию сгарающій безплодной,
 Возжегъ свои огни передъ толпой народной, —

Божница потряслась, ударилъ съ прескомъ громъ,
 Распространился мракъ ужаснѣйшій кругомъ,
 И всѣ поклонники, вострепешавъ, ницъ пали.
 Гдѣ обрученные, что въ жершву закалали,
 Въ какія скрылися безвѣстныя мѣста
 И брака шоржештво, и жершва, и чеша?
 Но вдругъ поклонники, возставъ, узрѣли ясно
 Лишь произшествіе печальное, ужасно;
 Козру и мспишель былъ и гнусный чародѣй,
 Считалъ забавой лишь безвинныхъ кровь людей.
 Онъ громко возопилъ: „Кумиру не угодно
 Свершитъ здѣсь двухъ сердецъ желаніе безплодно,
 Вы сами видѣли и дымъ густой и мракъ,
 Не вѣмъ, гдѣ скрылися и шоржештво и бракъ;
 Кумиръ, въ знакъ милоспи, чешу сію прославилъ
 И, въ камни обрашя, въ божницѣ жишъ оставилъ;
 Вошъ камни, не было кошорыхъ прежде здѣсь,
 Ихъ пользу огласишъ и шаръ проспранный весь;
 Доколѣ пошекушъ сіянія небесны,
 Базальша съ женихомъ останушся извѣстны.“

Мекензія поднесъ магнитомъ міръ зовешъ;
 Среди пучины водъ великъ его совѣшъ;
 Онъ плаващелей вождь, успѣха предсказашель,
 Возлюбленной своей нелестный почишашель.

Названье прежнее невѣста соблюла,
Базальша огонь любви въ Мекензіѣ зажгла,
И въ камнѣ жениха ей образъ сполько милой
Всегда манишь къ себѣ любви могущей силой.

Межъ ископаемыхъ являешся базальшъ (100).
Ошъ рода швердаго, не много ноздревашъ,
Ровень, цвѣшисшъ въ щеляхъ, наружно камень смуглый,
Слоями зеленъ, сѣръ, увѣсисшый и круглый,
Ошепенень вездѣ, но больше на холмахъ
При огнедышущихъ гнѣздишся онъ горахъ.

Лѣшъ древнихъ вишязи, пируя сѣчи бурны,
Образовали имъ ковши, сосуды, урны;
Великое число базальшъ имѣешъ чадъ,
Опалу, лейцишу и спекловашый шпаншъ;
Намъ изъ сполбовъ его могущесшвомъ природы
Нерукошворные ошались переходы.

Поэшу ль умолчашъ базальшовую вновь
Пещеру, гдѣ Фингаль, Моины зря любовь,
Послѣ кровавыхъ бишвъ неупомленной брани
Искаль ошъ нѣжныхъ усшъ себѣ взаимной дани?

Мы, вязкосшъ оцѣня базальша, крупный росшъ,
Имъ любимъ успилашъ и рѣкъ проводъ и мостъ;
Онъ можешъ укрѣпляшъ съ подошвы зданья разны,
И спавишъ при врапахъ сполпы кругообразны.

Природа щедрая на льдахъ расшишь цвѣшны;
Дерзну ли исчисляшь ея всѣ красоты?
Обильныя прехъ царствъ различныя явленья, —
Гумбольту славному предметы удивленья.

О человѣчества неупомимый другъ,
О Берингъ—нашъ Колумбъ! ты сблизилъ съ Нордомъ Югъ.
Когда бъ не льды, зимы оплошь и діадима,
Спознались бы давно съ Лаплашою Колыма; (101)
Морехожденію мы сократили бъ пушь,
Намъ въпры спали бы всегда пріятно дупъ.
Зря островъ Гвоздева, опшолъ брегъ Азіійскій,
Вдругъ зряшь въ Америкъ и брегъ и мысь Валлійскій; (102)
Мы изъ Камчатскихъ спранъ лишъ опрокинемъ льды,
Ближайшіе найдемъ въ Америку слѣды;
Пушь влажный обрѣспи шуда не будешъ дива,
Когда спезю нашли до Беринга пролива.

Кокрентъ, сей новый Кукъ, Бришанецъ, пѣшеходъ (103)
Дерзашъobelискъ у Ледовишыхъ водъ
На память Берингу изъ мрамора посшавишь,
Себя, учасшниковъ сей жершвою прославишь.

На въпрахъ спраншвуя по морю корабли
Ошъ нивъ опечешва, въ часъ новую земли,
Для звѣздословія полезное опшкрыли,
Видъ шара нашего они опшепенили,

Наишіе луны, сіянье дальнихъ звѣздъ
И распояніе по атмосферахъ мѣсць
На хартію вписавъ, намъ ясно показали,
Съ землею швердь, людей между собой связали.

Любовью, праздношью и нѣгою дыша,
Брадашый ловишь здѣсь веселіе Паша,
Сидя въ бесѣдкѣ онъ изъ пальмы соплешенной,
На кою солнце льетъ свой лучъ переломленной;
Тамъ воздухъ ароматъ, подножіе изъ розъ,
Тамъ кофе, шеколадъ, шамъ ананасъ, кокосъ,
И плодоносіе Америки обильно;
На Гурію свою Ахмешъ глядя умильно,
Забылъ, какихъ смершей намъ споило, шрудовъ,
Пріобрѣшеніе для прихоши плодовъ.

Такъ плаваніе водъ мѣну богапшвъ свершило,
Избышки запада востоку сообщило;
Всѣ жишели земли въ одинъ сошлися кругъ,
Спалъ Норду бурному знакомъ палящій Югъ,
Чужой срываемиъ плодъ, пьемъ воздухъ Атмосферы,
Любя вездѣ сыновъ ученія и Вѣры.

Въ Камчашкѣ все мершво, шамъ дико, солнца гнѣвъъ,
Тамъ нѣшъ людскихъ слѣдовъ, медвѣдей слышенъ ревъ,
И опзывающа ошъ глыбъ удары громки,
Когда кашаща внизъ съ горъ ледяныхъ обломки;

Тамъ спай южныхъ птицъ, лепя изъ теплыхъ мѣстъ,
Не могутъ обрѣсти приспанища для гнѣздъ,
Замерзлый брегъ лѣса глухіе освѣняютъ,
И льды высокіе до неба достигають;
Но просвѣщенный Россъ чего не побѣдишь?
Природа рабствуетъ, лишь онъ ей повелитъ;
Гдѣ жили моржъ, тюлень, гдѣ ужасали льдины,
Тамъ спроютъ города, тамъ мирныя долины.
Кадыкъ съ подошвы льдовъ уже вознесъ главу, (104)
Заспавя о себѣ давно гремѣшь молву;
Тамъ пашни, тамъ луга, Христовой церкви нравы,
Тамъ промышленности безхитросной уставы;
Всѣхъ прежде Рускіе, развѣя бѣлый флагъ,
На льдиспомъ Сѣверѣ нашли Архипелагъ.
Довольно острововъ безвѣстныхъ иль забытыхъ,
Украсясь именемъ героевъ знаменитыхъ,
Невольно огласяшь въ грядущіе вѣка,
Чья воскресила ихъ на бышіе рука. (105)
Тамъ обитатели киновъ спокойно ловятъ,
Избытки ошъ шрудовъ себѣ, своимъ гошуютъ,
Тамъ Старшины-Цари, тамъ распорядокъ сель,
Тамъ гласъ хвалы дикарь Создателю воспѣлъ.

Посмотримъ ли на ихъ домашніе обряды, —
Увидимъ щегольство, опрятность и наряды,

Тамъ юный Алеушъ, оставя свой байдаръ, (106)
Несешь красавицъ сто раковинокъ въ даръ;
Хваляся узкими и черными глазами,
Прельщаешь милую изъ корольковъ серьгами.

На Алеушскихъ въ вѣкъ угрюмыхъ островахъ
Пребудешь незабвенъ, о Шелеховъ! твой прахъ; (107)
Создавъ промышленность искусною рукою,
Тамъ общежитія ты первый былъ виною;
Подвласный дикому невѣжеству народъ
Ты къ христіанскому привелъ пошоку водъ.

Торговли нашихъ странъ прямые Аргонавты, (108)
Ерміи новые опъ опдаленной Кяхты
Избытки Сѣвера въ край южныя земли
Искусвомъ и умомъ волшебнo принесли;
Американское сословье знаменило
Въ чертогахъ истины не будешь позабыло.
Уже Смоленскій Князь, Суворовъ — мой орелъ (109)
Летали по морямъ въ полуденный предѣлъ;
Тамъ всѣхъ Суворовымъ всѣхъ прежде оглашена,
Что гидра люшая въ Европѣ низложена.

Оставя грозную съдыхъ валовъ молву,
Склоняю жадный взоръ на славную Неву.
Опечесво мое рубежъ свой проспираешь,
Всѣ климаты въ себѣ различные вмѣщаешь:

Въ немъ горы льдовъ, моря и непомѣрный зной,
Иль чувствво нѣжишь Фебъ пріятной теплошю;
Ошъ незабвеннаго великими дѣлами
Мы ознакомились съ широкими морями;
Скипались прежде мы, по маніемъ Петра (110)
Доснигли Каспія, съ водъ Бѣлыхъ до Днѣпра.
Родишельскаго знавъ сіяніе завѣша,
О плаваньи въ моряхъ пеклась Елисавета.
Давно ли видѣли,—премудрая въ женахъ
Дерзала въ ледяныхъ искашь пущи моряхъ?
Тамъ земли новыя усердіемъ ошкрышы,
Съ коралломъ ошрова, камней, гранишовъ плишы;
Къ обоимъ полюсамъ всѣхъ далъ Рускій плылъ,
Куда ни въ Нордъ, ни въ Югъ и Кукъ не доходилъ. (111)
Усилья ревностныхъ не могутъ бышь забвенны,
Которыя въ моряхъ свершали Крузенштерны,
Которыя свершалъ почтенный Головинъ, (112)
Искусный плавашель и моря смѣлый сынъ.
Но подвигъ геніевъ, шрудомъ, усердьемъ славный,
Не можешъ Царскому бышь предпріятшю равный.
Ты, Беллинггаузенъ, шы видѣлъ цѣлый міръ; (113)
Васильевъ, Шишмаревъ съ шобой шекли на пиръ; (114)
Вы пальмовыхъ деревъ вкушали сошъ подъ шѣнью,
На Югъ быспрыхъ водъ дивилися паденью,

Вы зрѣли въ Сѣверѣ звѣздистые снѣга,
 Вездѣ оленями богатые брега,
 Вы подѣ Эквапоромъ домъ солнца посѣщали,
 Обоихъ полюсовъ по грознымъ льдамъ спускали,
 Вы повелѣніемъ премудраго Царя,
 Не медля, обшекли безвѣспныя моря;
 Подобно какъ орлы шумящими крылами
 Паря надъ безднами, ушесами и льдами,
 Въ опечесшво свое обратно привели
 Богатые *святой* добычей корабли. (115)

Лишь слово Царь речешъ иль проспираешъ руки,—
 Являющся къ нему и кормчій и науки,
 Лешашъ шуда, гдѣ ледъ съ зубчатою спрѣлой,
 И просвѣщенье льюшъ широкою рѣкой.

Злоумыслишелей преодолѣвъ подкопы,
 Успроилъ Александръ спасеніе Европы;
 Брань грозную шворя, щадилъ подобныхъ кровь,
 Не разлучалась съ Нимъ средъ поля бишвѣ—любовь;
 На посѣченныя жестокимъ Марсомъ лозы
 Онъ щедро посыпалъ и лиліи и розы;
 Но благости его не оскудѣлъ пошокъ,
 Кошорый послѣ спалъ и болѣе широкъ;

Геройствомъ, кротостью нашъ Царь себя прославилъ,
Прозритель благъ — Онъ флотъ въ концы морей
оправилъ

Не золото снискивать, алмазы, серебро,
Но въ дикихъ племенахъ укоренишь добро;
Достойное Царя на свѣшъ попеченье —
Въ безвѣстныя страны пролишь благошворенье,
Источникъ радостей невѣдущимъ открышь,
Въ санъ человечества сонмъ дикихъ посвяпишь,
Имъ, книгу развернувъ богатая природы,
Открышь и Вѣры лучъ и просвѣщенья воды,
Дашь чувство новое, дашь новой силы рѣчь
И къ ближнему любви священный огонь возжечь,
Заспавишь ихъ, вкуса земное жизни благо,
Сердцами воспаришь въ чертоги Всесвятаго.

О знаменитые среди морей пловцы!

Не мной дадутся вамъ лавровыя вѣнцы;
Пѣснь мирную мою и слабую внемлите,
Не дарованія, но ревность оцѣните.
Я пѣлъ опечесшву полезныя шруды,
Зрѣлъ въ морѣ кораблей горящія слѣды,
Гласилъ Хрущова рокъ, неистовство Тифона;
Но мнѣ прилично ли, о Муза! съ Геликона

Къ преемнику Петра усердный гласъ вознесшь?
Глашу попомсшву въ слухъ я истину не лесшь;
Пусшь Вѣнценосца пѣль на лирѣ упомянутой,
Люблю хвалишь Царя хвалимаго вселенной. (116)

КУМУ - ПОЭТУ

НА СМЕРТЬ МОЕГО КРЕСТНИКА.

1822 года.

Лишился сына ты? пошерю оцѣня, (117)
Рыданіе швое, родишель, не виия,
Боялся раздражишь швой слухъ моимъ совѣшомъ,
Не призываль къ шебѣ въ посредники Парнассъ;
Коль вяшентъ уже спаль разсудка чистый гласъ,—
Опѣ, озаря вновь небесной правды свѣшомъ,

Покажешь не полынь, не мрачный прахъ могилъ,
Но созданный оплошь Всевышняго рукою
Младенца швоего въ обители покою.

Ты возразишь,—швой сынъ зеницы лишь открылъ,
Въ безвѣстный, дальній міръ опъ бышя сокрылся.
Сей міръ, съ копорымъ онъ внезапно разлучился,
Для всѣхъ ли шшелешъ путь изъ благовонныхъ розъ?
Печали, бѣдшвія, дыханье бурь, морозъ,
Бышь можешъ, жизнь его скорбями бѣ справили;
Онъ къ чашѣ горешей приблизилъ лишь уша;
Коль долгу бѣ жизнь ему судьбы опредѣлили,
Бышь можешъ, чаша бы ошталася пуща.
На лонѣ суешы, въ предѣлахъ наслажденья,
Увидѣлъ бы швой сынъ, достигнувъ позднихъ лѣшъ,
Волненіе спрасшей, мечшу предубѣжденья,
Корышполюбіе, роскошной нѣги пиръ;
Тамъ золопо—земли единшвенный кумиръ,
Предъ коимъ человкѣ чело свое склоняешъ,
А шамъ нешповешво законы, разрушаешъ
И просвѣщеніе съ развратомъ сопрягаешъ.
Бышь можешъ, взоръ проспря на ошвлеченный міръ,
На жипелей луны, на царшва силъ безплошныхъ,
Сущешвъ ревнующихъ о счастья подобныхъ,
Твой сынъ несчастливый въ напашти времена,
Въ копорья межъ чувшвъ и правоты война,

Въ храмъ умозрѣнія невольно привлеченный,
Рѣшился бѣ тайнъ опкрыть покровъ запечатлѣнный;
Не руководствуясь спасительной рукой,
Оспавя правды путь, утрашилъ бы покой.
Кто можешь изъ людей похитишь огонь небесный,
Посстигнушь путь судебъ, для смертныхъ неизвѣстный,
Завѣсу вѣчныхъ дней кичливо приподняшь?
Повѣдай мнѣ, скажи, кто можешь здѣсь узнать,
Когда теченіе Сатурна прекратится
И промысла въ предѣлѣ безсрочный погрузится?
Какой назначенъ тамъ для человѣка край,
Въ копорой изъ планетъ его селенье — рай?

Безвѣрья на земли дыханіе опасно,
Равно небытіе, безсмертіе ужасно;
Зря бездны человѣкъ и вѣчности предѣлъ,
Опскочишь — и языкъ его окаменѣлъ.

Счастливъ, кто, истиной святою вдохновенный,
Обѣтованный зрѣть удѣлъ среди небесъ;
Кто, свѣще на земли лучами озаренный,
Паришь въ чертогъ любви къ источнику чудесъ;
Кто дерзкаго ума пареніе смиряешь
И вѣрой окриленъ, на Бога уповаешь.
Безбожникъ знаешь ли, души гдѣ чистый свѣтъ?

Младенца своего между живыми нѣтъ!

Ты плачешь, вопія, что прямо опъ купели,
Опъ персей мапери, опъ нѣжной колыбели
Спустился шихо онъ въ глубокій смерти ровъ.
Пора тебѣ, пора унынья снятьъ покровъ,
Свершай назначенно судьбъ опредѣленье;
Взявъ лиру, ты воспой Творцу благодаренье
За даръ, копорый Онъ тебѣ здѣсь низпослалъ;
Ты взоръ на свѣшлыя склоняя міріады,
Творенья опиши чудесныя громады, (118)
Упѣшь себя и знай, что крапкою спезей
Твой сынъ уже достигъ до приспани своей.
Пускай, не зря его, твоей духъ о немъ спрадаешъ,
Увѣрься, что онъ живъ, и мирно почиваешъ.
Скрываешъ прахъ его гусная ночи тѣнь, —
Узришь, когда взойдешъ духовный свѣшлый день.

СЕРГѢЮ ИВАНОВИЧУ

ПОДОБѢДОВУ.

На смерть Высокопреосвященнѣйшаго Аверосія, Митрополита Новгородскаго, 1818 года Маія 21 дня.

Мѣдь прижды грозная не спѣшно ударяешь,
Молву печальную уныло повшоряешь.
Помедли, вѣспникъ бѣдъ, умолкни, *вечевой!* (119)
Ты звономъ возродилъ рыданіе и вой.
Спремисся Новгородъ обипели къ оградѣ,
Терзаясь вопіешъ: „нѣтъ Пасшыря при спадѣ!

Давно ли мы его узрѣли между насъ, —
 Прошекъ въ мгновеніе давно желанный часъ;
 Давно ли мы его съ хоругвями сръшали,
 Давно ль ему цвѣшны привѣшсшвія мешали,
 Давно ли передъ нимъ украсили пужи, —
 Теперь стеклись сказаць Амвросію: просши!
 Вошъ намъ средъ горесши упѣха и опрада;
 Непошемѣнное свѣшило Новаграда
 Сюда склонило пужь, чшобъ блескъ своихъ лучей
 Въ зыбяхъ самихъ небесъ опъ нашихъ скрышь очей.“
 О Паспырь бодрспвенный, спасенія ревнишель!
 Ты Новгородъ былъ по доблести Свяшишель;
 Неупомимый духъ проспрашсшва обшекаль,
 Лжеревносшь на Москвѣ громами усшь сражалъ; (120)
 Ты, вѣрой озаря слѣпошсшвенныхъ на Камъ,
 Средъ бурныхъ міру дней Хрисшовыхъ шайнспвѣ
въ храмъ
 За Церковь при Невѣ опмщенія просиль,
 И Богъ гониселей Свяшныи поразиль.
 Теперь, когда они съ дружиной фурій злобныхъ
 Сокрылись въ пропасяхъ подземныхъ спранъ без-
водныхъ,
 Теперь, когда уже въ обуреванья міръ
 Слешѣль упѣшишь насъ небесный гостъ Зефиръ,

Когда опрадныя блаженства дни приспѣли,
И волны въ берегахъ спокойно зашумѣли,
Когда здѣсь испина, открывъ свои уста,
Благодаренья дань приносишь въ день Христа, — (121)
Печаль, склоня главу, по Волхову вѣщаетъ:
„Приходишь Пасхырѣ къ намъ, и снова ославляешь.“
Или предписано жестокою судьбой
Не въ жизни, въ небесахъ ему имѣшь покой?
Пріавъ съ младенчества завѣшь Творца — кадило,
Ославя на земли духовное кормило,
Идешь безпрепешно, гдѣ неприспущный свѣшь,
За паству и себя отдашь въ дѣлахъ опчешь.

О НАВОДНЕНИИ ПЕТРОПОЛЯ.

Екатери́нинъ брегъ сокрылся вънутрь валовъ.

См. Томъ II-й стр. 110.

К ъ Н. Н.

О НАВОДНЕНІИ ПЕТРОПОЛЯ,

бывшемъ 7-го Ноября 1824 года.

О златоспрунная дѣяній знапныхъ лира!
Воспламени пѣвца безвѣстнаго средь міра,
Гласи изъ устѣ его правдивую ты рѣчь.

Я волнь свирѣпшво зрѣлъ, я видѣлъ Божій мечъ; (122)
Владыка бурь воспалъ и сѣлъ на колесницу,
Въ Европѣ славную и первую споллицу (123)

Облекъ въ уныніе, неизъяснимый страхъ;
 Къ могиламъ близкіе и Граціи въ цвѣсахъ
 Всѣ видяшъ смерть и зряшъ косы ея размахъ.

Вдругъ море челюспи несышья открыло
 И быспрую Неву, казалось, окрило;
 Вода пещешъ, бѣжашъ, какъ жадный въ спадо волкъ,
 Ведя съ собою чадъ ожесоченныхъ полкъ;
 Спрямяся въ дерзоспи къ оплошамъ знаменишымъ,
 И лодки и суда мчишъ по хребшамъ сердишымъ;
 Росшя въ мгновеніе приливная гора,
 Крушишъ водовики, сшибаетъ кашера (124)
 И одалъ брызгами разгнѣванная хлещешъ,
 На камень, и чугушъ безпереспанно плещешъ.
 Екашеринишъ брегъ сокрылся внутрьъ валовъ; (125)
 Мы зримъ, — среди Невы стояшъ верхи домовъ,
 Непримиришья, буншующія волны,
 Изъ ложа высшуня, порабошашъ спогны; (126)
 Въ часпицахъ мелкихъ пыль опъ влаги надъ рѣкой
 Слилася въ воздухъ гущою вскоръ мглой;
 По каменной спезъ, внезапно многоводной,
 Судамъ шяжелымъ пушъ успавился свободной.

Тамъ въшры буйные, союзники рѣкъ,
 Съ порывомъ ухващя плывущихъ на доскъ,
 Скрывая опъ очей предметы имъ любезны,
 Въ предѣлы мрачные свергаюшъ люшой бездны;

Все шопешъ, плаваешъ по улицъ, рѣкамъ,
 Спасенья нѣшъ коню, пощады нѣшъ воламъ; (127)
 При бурь владычествѣ лишъ вѣпры грозно свищущъ,
 Они среди проспраншвъ за добычею рыщущъ
 И уловя ее, бросающъ на угадъ;
 Обломки опъ шолбовъ и корабля снарядъ,
 Хоромы, съ родины снесенныя вѣпрами,
 Сшояшъ на пусшыряхъ съ окошками, шрубамн.
 Решеткѣ Бецкаго дивился Альбїонъ; (128)
 Черезъ гранишъ съ Невы нависнувъ плоскодонъ,
 Какъ вихрь, нахлынулъ вдругъ и заперъ мосшовую;
 Волнуюшъ вѣпры мѣдъ и ушваръ золошую.
 Свободѣ радуясь средъ накопленныхъ водъ,
 Лешаетъ огненный, шумливый парашодъ;
 Дерзая черезъ мосшъ и срѣшя пушъ спѣсенный,
 Ударился — и спалъ къ нему какъ пригвожденный.

Опважншся ли кто, чей можешъ сильный духъ (129)
 Пошопомъ огласншъ пошомшва позднїй слухъ?
 Цвѣшущїя красой шри юныя дѣвнцы
 Опъ спраха мершвыя лежали вдоль свѣшлицы,
 Хошя въ нее еще не ворвалась рѣка;
 Одна въ своей рукѣ держала голубка,
 И смерти вмѣспъ съ нимъ подсѣчена косою.
 Тамъ спарецъ мрачный — живъ — шерзаяя шоскою,

Средь разрушенія блуждаешъ, будто тѣнь,
 Пуская вопль: „гдѣ ты, любезная мнѣ сѣнь?
 Гдѣ дочь и сыновья, гдѣ ты, моя супруга?
 Безъ дома, безъ дѣшей, лишенный силъ и друга,
 Среди печали злой, опчаянїя сынъ,
 Связь съ міромъ перервавъ, скишаюся одинъ.“

Прїятность острововъ Петрополь украшала,
 Окресности его и Муза возглашала;
 Всѣ быстрое стекло любили Невскихъ водъ
 И Феба изъ морей торжественный восходъ.
 Являсь свирѣное тогда опустошенье,
 Опягающая мысль, не угнѣшаетъ зрѣнье.

Предъ днемъ молитвеннымъ бесплошныхъ гор-
 нихъ силъ,
 Въ твой навечерній день, Архангелъ Михаилъ!
 Съ Петрополемъ въ полдни событіе ужасно,
 Повсюду виднѣся скопленье водъ опасно.
 Всѣ кинулись къ судамъ, опринувъ страхъ, бѣгутъ,
 И жизнь, жизнь ближняго, какъ жизнь свою брегутъ,
 Спряжась съ влагой въ брань, призвавъ на помощь Бога;
 Самъ сердобольный Царь отъ высоты чершого,
 Покорности къ Творцу, любви къ народу полнъ,
 Послалъ исхишнѣ жершвъ изъ успѣ свирѣныхъ волнъ.
 Наперсникъ воинъ былъ и близъ Царя въ сраженье,
 Зрѣлъ смерть лицомъ къ лицу, зрѣлъ ужасъ, изстребленье,

Спущя на бурный валь, до кашера доспигъ,
Схвапиль его, лепѣль, въ часъ гибельный и въ мигъ
Доспигнулъ судна онъ, на коемъ ушопали;
Пущь волны злобныя къ нему не допускали, —
Мужаясь въ подвигъ, усердіемъ горя,
Спасъ погибающихъ, и спасъ въ глазахъ Царя.

Коль злополучіе Пешпрополя извѣстно, (130).
То изцѣленіе, по испинѣ, чудесно
Ты, лира, огласи на крыліяхъ молвы
По краснымъ берегамъ и Волги и Москвы.
Бышь можешь, возвращаясь изъ океановъ дальнихъ,
Иной услыша вѣспъ объ испинахъ печальныхъ,
Къ рѣчамъ свидѣтелей не преклоня слухъ,
Вѣщаешь: „не былъ здѣсь явленій бурныхъ духъ,
Къ лучамъ Пешпрополя мракъ не касался ночи,
Меня обманываешь мои не могутъ очи, —
Порядокъ царшвуешь въ Исакьевской, Морской;
Всѣ зданья осмошря, я былъ и за рѣкой, —
На спогнахъ чисшопы и дивныя громады,
Мосты всячїе, узорныя ограды,
Весь градъ движенія, заняпій мирныхъ полнъ;
Гдѣ наводненья слѣдъ и гдѣ свирѣпоспъ волнъ?
Кшо спогны очищаль, гдѣ опъ хоромъ обломки?
Вулкана древняго, по прежнему, попомки,

Съ желѣзомъ рапуя, взялись за крѣпкій млатъ;
Я вижу въ мастерскихъ орудія снарядъ,
Здѣсь вижу кораблей различныхъ странъ собранье;
Иль Бельша лютое на градъ обуреванье
Такъ скоро въ немъ могло цѣленье пріобрѣсть,
И госпи за моря опрадную шлюпъ вѣсть,
Или проспранство мѣсть, покрытое водами,
Возобновилося волшебными руками?
Петрополь осушилъ стремленье злыхъ водъ,
Зефира кропосью, сіаніемъ щедрошъ.

Кто помощи другихъ себѣ въ напаси проситъ,
Благошворителю мольбы свои приносишъ;
А здѣсь несчастному не слезы должно лишъ,
Чтобъ соспраданіе въ соопчицей вселишъ, —
Благошворенія великое здѣсь дѣло
Текло прямой спезей, конца доспигнешъ смѣло;
Въ бѣдахъ не надобно предспашеля искашъ,
Здѣсь ищущъ тѣхъ, кому пошребно помогашъ. (131)

Умолкъ на Бельшѣ ревъ, и онѣмѣли споны,
И быстро сыплюшя съ престола миллионы;
Среди Петрополя опъ гнѣва ярыхъ водъ
Пусть есть погибшіе, но вѣрно нѣшъ сиротъ. (132)

Любовью чистою, небесною согрѣшы
Всѣ у пристанища, воспитаны, одѣшы,
Всѣ, благоспи пріавъ священнѣйшій залогъ,
Рекушъ: „средь тяжкихъ золь есть милосердый Богъ.“

ПЯТИКОЛОСНЫЙ КОЛОСОКЪ.

Н. С. МОРДВИНОВУ. (133)

1825 года.

Трудолюбивый мужъ мой колосья распложаешь,
Лелъешь какъ родню и право заключаешь,
Что колосокъ не еси случайности игрой;
Не даромъ, говоришь, онъ выросъ надъ Куброй,
И, зрѣя, соками земли родной питался,
И на одномъ корню пышкрасно размешался.
Коль пахарь бороной очистишь плевель родъ,
Благошворящій лучъ согрѣешь нивы плодъ.

Любовь къ ученію — источникъ наслажденій,
Вина земныхъ утѣхъ, вина благошвореній.
Свидѣшельство любви являешъ здѣсь пчела,
Ей роза свѣжая, фіалка ей мила;
Пускай между цвѣшовъ она избышка проситъ,
Добычу не себѣ, но въ улей свой приносишъ.
Душа — безплотное средь міра существо,
Душа, копорую вдохнуло Божество,
Копорой долгъ — Творца благодаритъ и славитъ,
Пріобрѣшеніе свое должна предсавитъ,
Когда, оставя персть и жизнь въ земныхъ краяхъ,
Ошселъ воспаритъ на пламенныхъ крылахъ.

Цари, копорымъ власть низпослана ошъ Бога,
Вельможи — Царскаго созвѣздіе чершого,
Пекушя благо здѣсь народовъ утверждашъ
И пользу подвига пошомство передашъ.

Природа мудрая — чершого обильный пира;
Ея огромныя шри обласи средь міра —
Свяшаго Промысла незыблемый завѣшъ —
Повсюду сѣютъ жизнь и невечерній свѣшъ.
Сводъ неба голубый — горящихъ солнцевъ царство —
Пріосѣняетъ шранъ обширное пространство,
Гдѣ мощный человекъ, издревль покоря
Вершены дикіе и сушу и моря,

На цѣль творенья взоръ несытый просшираешъ,
И подашь опъ лѣсовъ, полей и водъ собираешъ;
И воздухъ, и огонь, и левъ, и кипъ не чуждъ
И нашихъ радостей и нашихъ въ мѣръ нуждъ.

Любовь взаимная — природы доброхощество —
Рѣками благо льешь въ позднѣйшее попомство;
Посредствомъ разума, искусствомъ хитрыхъ рукъ
Сподвижникъ ревностный вступаешъ въ храмъ наукъ,
Удвоя знанія Египтянъ чрезвычайны,
Доселѣ новыя вновь похищаешъ тайны.
Изчадѣ черныхъ тучъ — громовая стрѣла
У колокольни верхъ Нагорнаго села
Осѣпя мраками, уже къ мѣшъ приблишишь,
Спустилась, свиснула, — но Физикъ громъ опводишишь; (134)
Бьешъ жашву сильный градъ, — съ соломой шеспишь
проспой
Уничтожаешъ власъ холодной бури, злой;
Нѣмые говоряшь, глухіе тайны слышущъ,
Не древа на коръ гласъ лиръ попомству пишущъ;
Машинъ обиліе — для земледѣльца пиръ;
Колумбъ и послѣ Кукъ сыскали новый мѣръ; (135)
Въ даръ человѣчеству уже опкрыли средство,
Ядъ оспы умершва, пресъчь ея свирѣщество.

Россія, веселись! наспалъ желанный часъ:
Твой Царь грядущій родъ опъ ранней смерти спасъ, (136)

Пресѣклося родныхъ спраданіе и горе,
Умолкли вопли женъ, или умолкнушъ вскорѣ;
Опшъ Невскихъ свѣшлыхъ спруй проспранн ыхъ царспвѣ

въ концы

До Ледовишыхъ водъ, въ Кавказъ и Крымъ гонцы
Съ щедрошой, врачевспвомъ, не медля, полешѣли
И змія уловишъ среди пещеръ успѣли.
Гдѣ съ ушромъ вечера сливаешся заря,
Тамъ исполнишели, усердіемъ горя,
Сугубя подвиги, упошребляюшъ силы
Закрышъ, призвавъ любовь, младенцамъ ровъ могилы.

Пѣвецъ преклонныхъ лѣшъ — не долго проживу,
И славу подвига увижу ль на яву?
Но чувспвую,—Поэшъ и мой преемникъ въ мѣрѣ
Младенцевъ шоржесшво провозгласишъ на лирѣ.
Или нѣшъ болѣе въ опечесшвѣ спелей?
Вездѣ веселое собраніе людей
Приносишъ съ радосшью полезныя въ мѣрѣ дани;
Тошъ рало въ руки взялъ, тошъ мечъ оспришъ для брани,
Тошъ Шуберша слѣдомъ спремисся въ небеса,
Гдѣ въ вихряхъ пламенныхъ сіяешъ звѣздъ краса,
Законодашельсшва проникнувъ тошъ пучину,
Подъ сѣнью Царской зришъ свяшую правъ причину,
Тошъ наблюдению здѣсь посвяшя часы,
Природы усмошря чудесныя красы,

Трудишься—неба сынъ—теперь для лѣтъ грядущихъ,
Не ждавъ себѣ наградъ и злата рѣкъ текущихъ.

Внемлю народовъ гласъ,—Герой и мудрый Царь,
Который крошески былъ на земли олшарь,
Европу мужесшвомъ ошъ тяжкихъ узъ избавилъ,
Говарду памятникъ за доблески поставилъ. (137)

Родъ будущій по насъ, какъ въ лѣтній день заря,
Пируя, празднуя день славный возрожденья,
Вѣщаетъ, кажется, исполненъ умиленья:

„Среди младенчесшва мы смерти ковъ презря,
Оспались въ свѣтѣ жишъ по благоски Царя;
Мы дѣтсшва въ пеленахъ опринувъ прахъ могилы,
Вкушаемъ запахъ розъ и зримъ небесъ свѣшилы.“

Къ подобному себѣ любовь — сердцеъ законъ,
Добро шворишъ другимъ не вспрѣшишся препошъ;
Орашай и пасшухъ, когда сердца ихъ чесшны,
Найдушъ для подвиговъ обширноски не шѣсны.
Не уже ли одинъ богашый, гордый Крезъ
Благошворишелемъ поставленъ ошъ небесъ?
Исканье новыхъ благъ и мыслей безпокойство.
Въ чувствившельныхъ душахъ—любви прямое свойство;
Коль, зря изящное, волнуешся чья кровь,
Пишашетъ на земли пошъ къ ближнему любовь.
Пусть чадо роскоши, забывъ о другѣ, брашъ,
Срѣшая солща лучъ, не мыслишъ о закашъ;

Ему среди временъ *жизнь плоти* дорога,
 Алчною пресыщенъ онъ прихопи слуга;
 Пусть въ жизни оградишь селеніе любимо,
Но палъ, какъ не было, речетъ идуцій мимо.

Мордвиновъ! яль дерзну обмѣряшь кругъ прудовъ?
 Тебя на лиръ пѣлъ наперсникъ Музъ—Пешровъ. (138)
 Зрѣшь свѣтлостъ ясныхъ звѣздъ—одно мое искусство;
 Къ Царю, опечесиву любви пиная чувство,
 Не мною оспепенишь Поэша скудный даръ,
 Достоинъ похвалы къ наукѣ чистый жаръ;
 Онъ—плодъ святой любви, разумныхъ тварей свойство,
 Онъ кажетъ здѣсь души высокой благородство.

Любовью вдохновенъ, внемлю изъ успѣ любви,
 Къ младенцамъ Рускимъ гласъ, священный гласъ: *живи!*

Майское гулянье

ВЪ ЕКАТЕРИНГСФЪ. (139)

1824 года.

ГРАФУ МИЛОРАДОВИЧУ.

Источникъ радостей — цвѣшень! (140)

Я — швоего участникъ пира ;

Тебѣ хвалу бряцаешъ лира,

Твой воспѣвая красный день.

Уже зима поспѣшнымъ бѣгомъ,

Почуя Феба заговоръ,

Лешипъ въ ущелья дальныхъ горъ

Съ своимъ дворомъ — морозомъ, снѣгомъ.

О Май! — владычество весны! —
Наперсникъ милый древней Лады! (141)
Тобою вновь дышашъ опрады,
Цвѣпки въ подножіе даны.
Весна! . . . пиръ цѣлыя природы,
Весна! . . . наспали хороводы,
Весна! . . . и зашумѣли воды.
Весною пшички по ушрамъ
Поюшъ съ воспоргомъ пѣснь Аврорѣ,
Поюшъ, какъ Фебъ, спускаясь въ море,
Ввѣряешъ лучъ злапый водамъ.

Зефиры нѣжные, крылашы,
Въ торжественный гулянья день
На воздухъ сыплюшъ аромашы,
Качая бѣлую сырень.

Петрополь, въ мѣръ знаменишый,
Волною царственнѣй омышый, — (142)
Широкыхъ множество просвѣкъ,
Въ границѣ почивальни рѣкъ,
И подвиговъ профей ясны,
И храмы, зданія прекрасны,
Гдѣ воцарились миръ и вкусъ,
Гдѣ при Невѣ селенье Музъ,

И въ свѣшѣ первая сполнца
На Майя первое число
Пуста, какъ въ жашвы день село;
Сокрылись всадникъ и возница,
Не слышно спуга опъ карешъ,
Все шихо, спишъ на перспективѣ;
Сшарикъ, ошброся вихрь суешъ,
Съ подругою не юныхъ лѣшъ,
Унылой жизни при опливѣ
На канаве самъ-другъ сидишъ,
И, шускло видя все, глядишъ.

Нева, богашая судами,
Плѣняешъ восхищенный взоръ;
Лучъ Феба, какъ алмазъ, фосфоръ,
Горитъ, сливаясь съ водами;
Толпишся къ приспани народъ,
Слѣша на яликъ и элошъ.
Иной лепишъ подъ парусами,
Иной съ сѣдыми волосами,
Иная двухъ дѣшей — сынковъ
Сажаешъ въ кашеръ съ собою,
Иная, плышъ боясь водою,
И глазъ не спусшишъ съ береговъ.

Я мню, — съ Триптонами Наяды,
Смѣся, по рѣкѣ шекушь,
Ударомъ весель глубь сѣкушь,
Спѣша на свѣшлый праздникъ Лады;
Всѣ возрашны изъ всѣхъ земель
Въ одну веселья мѣшяшъ цѣль.
Свой плащъ съ киспями золопными
Изволилъ щеголь развернушь,
Буквальникъ рядомъ съ запяшными,
И всѣ къ Екашрингофу въ пушь,
Коль шихо вѣперъ шанешъ душъ.

Еще осшалось мнѣ прославишь
Волканъ, плывущій по зыбямъ,
И любопышнаго глазамъ
Дней нашихъ выдумку представишь.
Огнемъ богашая гора,
Крушя пучину волнь сребра,
Въ мигъ силой пламени прибавишь,
Непокоренная вѣшрамъ,
Умѣешъ скорый бѣгъ судамъ;
Поднявъ на рамена громады,
Въ рѣкахъ не опасаясь бѣдъ,
Цешрополю даря опрады,
Клокочешъ, опѣняя слѣдъ;

За нею скоро въспрѣ стремишся,
И дымъ, несясь столбомъ, куришся,
Когда лепишь равниной водъ
Полезный Берша пароходъ.
На быспроогненное зданье
Спѣшатъ и *дама* (*) и герой,
А съ палубы и на гулянье,
Любуясь видовъ красошой.

Кашаешься быспрою Невою
Пишомцамъ бурь не запрешимъ,
Къ Фоншанкѣ вечера порою
На сушу взоры обратимъ.
Тамъ пыли облака гусыя,
Коляски мчашся щегольскія,
Толпою всадники — и въ мигъ
Спѣшишь чепверка вороныхъ,
Въ нарядной съ бронзою карешъ
Блеснушь упряжкой въ модномъ свѣшѣ.
Тамъ дрожекъ, одноколокъ спрой,
Какъ рѣзвыхъ пчель игривый рой
Душистымъ веселишся лугомъ;
Всѣ, озабошясь недосугомъ,

(*) Слово *дама* — иностранное; но здѣсь употреблено по
чрезвычайной его каждому извѣстности.

При поропливости хопяшъ
Перепрыгнушъ изъ ряда въ рядъ;
По мосшовой и мухи съ жукомъ
Пресъклась разговоръ связь,
Молчишъ купецъ, молчишъ и Князь,
О камень слышенъ спукъ за спукомъ,
Колесъ и шопошъ ошъ коней
Средь хлопощливыхъ създа дней.

Бѣда, коль скоро повернешя
Съ размаха колесо, кашясь,
Иль ось въ мигъ лопнешъ, разнесешя,
Подъ шягошою сокрушася.
Жандармы на гуляньи спроги;
Но много имъ забошъ, шревоги.
Богачъ, бѣднякъ спѣшатъ въ пуши;
И звѣздочешу и невѣждъ,
Всѣмъ хочешя другихъ бышъ прежде,
Порядокъ нѣкогда блюсти.

Враша за шрудъ, спяжанный кровью,
Тѣлохранишелямъ Царя
Сооруженныя любовью, (143)
Пушъ невозбранный ошворя,
Съ восхода Фебова до ноци
Ведущъ Екашрингофа въ роци.

Лишь вождь свѣшилъ свернешь коней
На Западъ скромно опъ полдней, —
Свершилось общее желанье,
Явился городъ на гулянье;
Колясокъ зелень иль янтарь,
Карешь красивое богатство,
Коней упряжка и убранство
Дивншъ народъ и шѣшишъ Бартъ.

Иной, забывъ очарованье
И радость живошворныхъ дней,
Мечшаешъ . . . съ милою свиданье . . .
Какъ молнія спремншся къ *ней*. (144)
Прекрасный юноша собою,
Прижавшись къ дереву спиною,
И наблюдаешъ каждый часъ,
И съ неперпѣньемъ ожидаешъ,
Вдругъ шляпу вѣжливо снимаешъ,
Мечшавъ, — *еще продетъ разъ*.
Усердный счастья искашель,
Аглаи пѣжный обожашель,
Невинности прелесный взглядъ
Вездѣ безъ упоменья ловишъ,
Ушѣхи брачныя гошовишъ
И множешво въ любви опрадъ.

Средь Емельяновки веселье,
Всѣ шоржествуюшъ новоселье;
Природной прелестью даря,
Разнообразно все, красиво,
Съ избыткомъ вкусъ сплелись счастливо
Рукою щедрою Царя; (145)
Съ весны до осени раздолье,
Тамъ запахъ розъ и благоволье. (146)

Народовъ дальнихъ вижу сонмъ,
И льещя звукъ за звукомъ громко,
Безпереспанно слышенъ звонко
Одинъ въ дубравѣ гулъ кругомъ.
Тамъ Финны, Греки и Ташары,
Дымяшя прубки, самовары;
Поэты, Писатели, Журналисты
Глопающъ пыль и слышащъ свистъ, —
Свистъ дудочекъ и губъ проворныхъ;
Овечекъ сопи шамъ покорныхъ,
Медвѣдей больше и лисицъ,
Разнообразныхъ много лицъ.

У роши почный праздникъ Лады,
Топъ на конѣ, иной пѣшкомъ,
Тамъ музыки военной громъ,
Напѣвъ Романса иль Баллады;

Вошъ здѣсь Тироольскіе пѣвцы,
Иль, пѣсню полюбя просную,
Гремятъ, и дружно, веселую
Всѣ удалые молодцы.

Въ свободномъ праздничномъ народѣ

И поселанки не по модѣ

Свои зашѣяли игры:

Въ шубейкѣ, леншѣ, сарафанѣ,

Съ дышиной въ голубомъ кафтанѣ,

Спуня на мягкіе ковры,

Услыша звукъ рожка, свирѣли

И милья издавна шрѣли,

Съ Разульниковъ пошли плясашъ. (147)

Такъ ловко, живо, спройно, плавно,

Съ Огюстоль Колосова славно (148)

Одна лишь можешъ восхищашъ.

Бюрманъ, ремесленникъ извѣспной, (149)

Погодой пользуясь прелеспной,

Работу ошлога на срокъ,

Избравъ подъ деревомъ лужокъ,

Съ супругой, дочкой, самоваромъ,

Со всѣмъ домкомъ, и фракъ шаромъ,

Изволишъ подчивашъ госпей,

Иль шумишъ съ дочкою своей.

Женихъ ея, сидящій рядомъ,
Ласкается угрюмымъ взглядомъ
И пошупленіемъ очей;
Невѣстѣ въ знакъ любви и жару,
Куришь и подъ носомъ цигару.
А збишеньщикъ, спѣша тайкомъ,
Поетъ: „иду гулять съ улюлюль;“ (150)
Онъ провожаешся толпою,
Лимоновъ, апельсиновъ въ рядъ;
А шамъ спаринныхъ лѣшъ нарядъ,
И кумъ цѣлуешся съ кумою.

Среди веселья и пировъ,
Среди пріятныхъ ручейковъ,
Изъ рѣкъ искуснѣйшихъ проводовъ,
Въ дали элбошовъ, пароходовъ,
Наперсникъ думъ, печали сынъ,
При многолюдствѣ, но одинъ,
Какъ погруженный въ мракъ ночи,
Блуждаешъ, пошупляя очи,
И внемля волнъ Балшійскихъ ревъ,
И шопощъ струй, и шумъ деревъ,
Не зришь прелесшнаго, не слышишь,
Окамененный, шяжко дышешъ;
Средь общей радости — здѣсь онъ
Лишь слезы льешъ, пускаешъ стонъ;

Несчастный! разлучился съ милой!
На долго разлучень могиллой!
Супруги нѣшь! земля пуста,
Изчезла видовъ краса,
Ничто не шѣшишь глазъ и слуха,
Онъ сердцемъ мершвъ, унылосшь духа
Твой свяшо чнишь законъ, весна!
Ты будишь еспешво опъ сна,
И здѣсь—въ убѣжищѣ чудесномъ,
Въ саду красивомъ и прелесшномъ
Болѣзни сердца прекрапишь
Уловкою свободной, гибкой,
Сспрадальца къ счастью возврапишь
Проспой, невинною улыбкой.

Уже вечерняя заря,
Дубравы, горы озаря,
Лучи просшерла пурпуровы
На зданья сшарыя и новы;
Нева, кичась богатшвомъ водъ,
Въ заливъ пируешъ мирный входъ;
Раскинувъ смѣло рукавами,
Какъ лебедь чистая, плывешъ,
На берегъ моряковъ зовешъ,
Хвалясь сполѣшними древами.

Уже открылися очамъ
Свѣшилъ ночныхъ по небу блески,
Гласили слуху и сердцамъ
Балшійскихъ волнъ и шумъ и плески.
Я сильный чувствовалъ воспоргъ,
Казалось, Муза мнѣ предспала,
Сама на лирѣ заиграла,
Ея огонь мнѣ сердце жогъ,
Глаза горящіе блиспали,
И перспы по струнамъ бѣжали;
Ея внимаю почно рѣчь:
„Хвала Царю, она вѣщаетъ,
Копорый славу воскрешаетъ
Великихъ предковъ и предспечъ;
Хвала Царю, чей грозный мечъ
Блеснулъ съ Невы на берегъ Рейна,
Чьей крошоспи дивилась Сейна,
Кшо меспи отвращая пиръ,
Принесъ на Югъ Лилею, миръ,
Поспигнувъ блага превосходспво,
Щедропой дышетъ на помспво.“

Здѣсь Петръ рукой, мепавшей громъ,
Супругъ въ честь, себѣ для славы
Успроилъ игры и забавы,
Елисаветъ, Аннѣ домъ. (151)

Вошъ мѣсто, Россамъ незабвенно,
Трудомъ Петровымъ освященно;
Онъ здѣсь ошъ Переславльскихъ водъ (152)
Впервые къ Бельшу успремился,
Пожалъ средь моря первый плодъ,
Онъ здѣсь побѣдой веселился.

Гуляя въ вѣковомъ дворцѣ,
На флосъ Кишайскій поселюся;
Здѣсь вижу духъ Петра, лице,
Колешу бранному дивлюся; (153)
Здѣсь Досканъ—Барсуковой въ даръ (154)
Ошъ щедрой Царскія десницы;
Тамъ канане Императрицы,
И на мѣди врагамъ ударъ.
Пусшъ спарина не очень въ модъ,
Она мила у насъ въ народъ;
Пріятно вспомнишь о Петръ!
И суша и моря, лиръ звуки
Вѣщаюшъ громко о добрѣ;
Воздвигли намъ Алкида руки
Пешрополь, ремесла, науки,
Гражданскій чинъ, военный спрой;
Нашъ Петръ — спроишель, Царь, герой!

Опть разъяренной въ бурю влаги
На славномъ берегу Невы
Крупяшъ хвостами, лежа, львы,
Спругушъ у павильона флаги. (155)

Я не Вернешъ, не Апеллесъ,
Перомъ не описашъ чудесъ,
Кошорья меня прельщающъ,
Взоръ уловляя, разхищающъ,
И часпо маняшъ каждый разъ
Несышый прелесшями глазъ.

Злашый напоминаешъ вѣкъ
Къ деревнѣ близкій домъ хозяйства, (156)
Гдѣ сельской просшопы убрانشва,
Гдѣ шучныя спада у рѣкъ
Суляшъ намъ пищу и богашства, —
Кудрявое овецъ руно
Гошовишъ мягкое сукно, —
Изъ разныхъ спрашъ, въ виду шполицы
Пасушся славныя шелицы,
Кошорыхъ молоко и сыръ
Ошкрыли на гулянѣ пиръ.

Найдешъ любишель просвѣщенья
Среди лѣсовъ, уединенья,
Въ бесѣдѣ мудрыхъ и пѣвцовъ
Пріашныхъ нѣсколько часовъ.

Въ библиошеку лишь всшупаешъ, (157)
Онъ Ломоносова встрѣчаешъ,
Хемницеръ, Богдановичъ шамъ,
Княжнинъ и Озеровъ съ кинжаломъ,
Съ Донскимъ, Моиной и Фингаломъ,
Херасковъ, брань воспѣвшій намъ;
Но всѣхъ названъ не только трудно, —
Среди гулянья безразсудно
Великихъ исчисляшь мужей.
Забывъ суешь градскихъ досаду,
Я радъ, коль вечера въ прохладу
Мнѣ попадешся соловей.

Готической Архитектуры

Огромный замокъ возсіалъ,
Что при Невѣ зовушь Воксаль, (158)
Гдѣ рѣзвоскромные Амурь
Гоповы Граціямъ дашь балъ,
Гдѣ подъ смычкомъ искусной скрипки
Попребуюшь однѣхъ наградъ —
Привѣшливой себѣ улыбки
И ласковой Харишмы взглядъ.

Подалѣе — въ лѣсу срѣшаю
Крещьянъ зажищочныхъ избу, (159)
И по тропинкѣ я гульбу
Напрасно окончаю мечшаю.

Тамъ оконъ спворчашыхъ стекло,
Сшолы, скамейки шесовыя,
Салфешки браныя, проспыя;
Не уже ли забрель въ село? —
Пріюшъ проспюдиновъ славный,
И полдникъ повспрѣчалъ исправный.

Взгляни, — средь рощицы пришворъ,
Прозрачный маленькій заборъ;
Тамъ бѣгошня пшенцовъ, игранье,
Въ забавахъ собспвенный обрядъ,
Тамъ крошечный и милый садъ, (160)
Ошколъ видипся респанье,
Но гдѣ не можешъ Буцефалъ
Копышомъ къ дѣшямъ прикоснушься,
Ни грубо дрожки повернушься,
Лешя въ сосѣдспвѣ близъ забралъ.
Вопъ точно выдумка на диво!
Изобрѣшеніе счасшливо —
Беречь и забавляшь дѣшей.
Руссо чрезмѣрно бѣ любовался,
Когда бѣ угрюмецъ сей дождался
Сшоль попечисельныхъ запшѣй.
Качели, кегли, панорамы,
И съ куполомъ высокій домъ, (161)
Сквозные входы гдѣ кругомъ;
Тамъ горы, карусель, и дамы,

Извѣстный объѣзжая кругъ,
Взяшь могущъ призъ, иль много вдругъ.
Скакунъ, рысакъ, Кабриолеты,
Гошове на каждый вкусъ;
И Англичанинъ и Французъ
Любимые найдутъ предметы.

Здѣсь Флоры юныя живутъ,
Ясины, лиліи цвѣшутъ;
Смогрише, — розовое поле, (162)
Добыча пчель, и гдѣ по волѣ
Онѣ собираютъ чистый медъ;
О роза, счастья предметъ!
Блаженны шѣ, кто въ жизнь пріятны,
И въ осень даже ароматны,
При блескѣ нѣжной красоты,
Срываютъ Майскіе цвѣты.

Угодно если забавляться
Ловленьемъ вкусныхъ рыбъ въ садахъ,
Къ тому на взморьѣ и прудахъ
Въ мигъ случай можешь повспрѣчься.
Климъ въ городъ можешь возвращаться,
Какъ вихрь, столбами пыль крутя,
По славному шоссе лешя; (163)
Въ деревнѣ ль у Мольво оспашься,

Гдѣ на сполбахъ чугунныхъ вновь
Надъ аркой вижу мостъ богатый, (164)
Хвалю, привѣщивуя расказы,
Я, Музы, вашу къ намъ любовь,
Здѣсь вкуса торжество прекрасно;
Пускай Екапрингофа Бардъ —
Я пѣлъ, и чужь ли не напрасно,
Что Рускій запѣвалъ Баярдъ. (165)
Трофеемъ новымъ, мирнымъ, яснымъ
Онъ въ Петроградъ славень спалъ;
Графъ Милорадовичъ подъ Краснымъ
Быспрѣе молніи лепалъ,
На Альпа гордыя вершины,
По бурнымъ облакамъ спупалъ;
Герой въ черпогахъ Мнемозины,
Носишель мирнаго вѣнца,
Петровою у подножья славы,
Устроилъ при Невѣ забавы
И всѣхъ обрадовалъ сердца.

С О В Ъ Т Ъ
ЮНЫМЪ ПИТОМЦАМЪ МУЗЪ.

П О С Л А Н І Е І-е.

*Мильтоны, существо уразумльвъ природы,
Въ волнени предъ собой зрятъ лугъ, и лѣсъ и воды.*

Томъ II-й стр. 145.

С О В Ъ Т Ъ

ЮНЫМЪ ПИТОМЦАМЪ МУЗЪ.

ПОСЛАНИЕ 1-е.

*Опредѣленіе Поэзіи, древность оной, о дарованіи Поэта;
Поэзія Грецеская и Европейская. (166)*

Одинъ воспоргъ пѣвца удобенъ озаришь
И лавръ безсмерсія въ попомсшвѣ подарить;
Проспранный слышалъ міръ средь бури и шумановъ
Въ скалахъ Шопландіи чудесныхъ Оссіановъ;
Давно ль у Бѣлыхъ водъ священный сердца жаръ
Намъ Ломоносова опкрылъ высокій даръ? (167)
Онъ духа силою и чувства быспрошою
Явился какъ орелъ надъ шумною Невою.

Склоняся къ вечеру моихъ послѣднихъ лѣтъ, (168)
 Осмѣлюсь вамъ подашь, Пишомцы Музъ, совѣтъ;
 Пусть образца въ стихахъ Парнассу не оставилъ,—
 Забогился внушилъ я пользу древнихъ правилъ;
 Когда о Кришикѣ у Попе мысль словилъ,
 Едва ль опечесиву не первый говорилъ; (169)
 Природы мудрыя храня уставы строги,
 Любилъ не покидашь знакомой мнѣ дороги;
 Чуждъ любочеснiя, при скудоси даровъ,
 На Пиндѣ чувствъ искалъ, а не опборныхъ словъ.

Поэзія не дщерь искусства и раченья, —
 Пошокъ высокихъ думъ, плодъ сердца, вдохновенья; (170)
 Вкупая быше, желаетъ жизни вновь;
 Она къ высокому, къ изящному любовь
 Среди суешъ мірскихъ и зависи питаетъ,
 Дыша невинностью, спрощивыхъ просвѣщаетъ,
 Возноситъ къ небесамъ наперсниковъ своихъ,
 Въ десницѣ съ лирою сугубитъ славу ихъ.

Найдемъ въ созвѣздіяхъ мы древнихъ Музъ обитель;
 Поэтъ среди земли — предѣловъ горнихъ житель.
 Онъ тамъ, гдѣ первый былъ изящесивъ образецъ,
 Гдѣ возгорѣлся огонь пылающихъ сердецъ,
 Гдѣ, умиленные склоня чело и взоры,
 Гласъ лирный съ шрепешомъ внимали Пифагоры;

Онъ въ шверди слышишь спукъ, движеніе круговъ
И плавнозвучную гармонию міровъ;

Онъ жаждешь уловить небесное блаженство,

Разнообразное творенья совершенство;

Любви пышительной и вдохновенья полнь, (171)

Не видишь въ осень бурь, не слышишь моря волнь.

Поэты первые воспѣли намъ вселенну,

Чудесно Божіей десницей сотворенну.

Мы въ Нордѣ чувствуемъ священныхъ пайнь потокъ,

Которыя открылъ въ началѣ дней Воспокъ.

Горя любовію и къ правдѣ и къ свящынѣ,

Просперъ Пророкъ и вождь побѣдный гласъ въ пущынѣ;

Исайя, усмопря спрасшей тернистый путь,

Спремился къ Вѣрѣ страхъ въ несповыхъ вдохнуть;

Онъ, видя, гдѣ лежишь въ черпогъ свѣшилъ дорога,

На грѣшника гремѣлъ изъ устъ живаго Бога.

Тамъ Иессея сынъ — благословенный Царь,

Сердечный ѳиміамъ нося передъ олшарь,

Свяшой премудроспи плѣняся красошами,

Давидъ воспѣлъ Творцу хвалы ея ушами;

При ушренной зарѣ и при вечерней вновь

Къ Создателю пылалъ, глася къ Нему любовь;

Благоговѣнія исполненный и жара,

Онъ лиры образецъ и образецъ Пиндара. (172)

Пророка и Царя достойный въ міръ плодъ —
Гремящій Соломонъ у Іорданскихъ водъ
Построилъ Богу храмъ величества и славы,
На арфѣ возвѣщаль самихъ небесъ успавы.

О лавроносные Мильтоны, Оссіаны! (173)
Вѣщайше, Клопштоки, и Тассы, и Бояны!
Ошколъ дивный даръ похищили вы свой?
Иль, пыдкаго ума сіяя ошропой,
Лешали, какъ Икаръ, въ селенія надзвѣзды,
И съ нимъ свергалися въ моря и ада бездны?
Иль дверь ошкрыли въ храмъ чудесный Божества,
Таинственнѣйшій покровъ сорвали съ ешества?
Иль шонкой мыслию, блистательной опъ вѣка,
Проникли внутрь сердце и спроси человѣка?

Нося зеленый лавръ близъ шридаши вѣковъ, (174)
Предсталъ передъ меня Поэшь средъ облаковъ —
Гомеръ, вѣщающій Агамемнона брани,
Гласишь: „попомешво мнѣ похвалъ приносишь дани;
Я въ мысляхъ ошущя воспорга бышрошу,
Воспѣлъ Ахилла щишь, Венеры красоту;
Но сердце, внявъ любви, внушило мнѣ уроки,
Исполня внутреннимъ богатымъ чувствомъ спроки;
Оно погибельный обрисовало часъ,
Когда супругу зрѣлъ въ послѣдній Гекпоръ разъ,

И сердце мнѣ изъ успѣ Героя возгремѣло,
Когда Тиндара дочь я обличая смѣло,
Предсказавъ горькую любви порочной страсть;
Оно, въ погибели пріемля скиптръ и власть,
Зря побѣдителей поруганну порфиру,
Учило грозные вѣщаешь укоры Пирру;
Въ черпогѣ видя огонь, склоняся на олтарь,
Пріямъ, срѣшая смершь, являлъ, что былъ онъ Царь.

Безъ посмиженія и цѣли и закона,
Напрасно шлагошимъ мольбою Аполлона;
Игривосшь разума, обиліе цвѣшовъ —
Забава для дѣшей и суешныхъ умовъ. (175)

У Грековъ жизнью все и свѣжесшью дышало, (176)
Въ лицесвореніяхъ искусство возсіяло.
Тамъ эхо (звукъ просшой), познавъ любви законъ,
Вѣщаешь по лѣсамъ спраданіе и спонъ;
Прозрачный ручеекъ, по камышкамъ бѣгуцій —
Сосудъ, изъ Нимфы рукъ попоки водъ ліющій;
Мидасъ уродливый — невѣжесшву урокъ,
А Флора средь весны — прелесшныхъ розъ пучокъ;
Живыя сущесшва дубравы населили,
И камни двигались и кедры говорили.
Эзопъ живошныхъ родъ образовашь умѣлъ,
Имъ спрасши далъ, языкъ, и царсшво — льва удѣлъ.

Поэты юные! не льстишеся напрасно
Въ долинахъ ошыскашъ воспорги самовласшно.
Пусть камень ринешся съ высокихъ въ доль холмовъ,
И съ прескомъ дубъ падешъ опъ яросни въпровъ,
Или Нева, свое распроспраня свирѣпешво,
Грозя изящное пожрашъ Адмиралшейсшво,
Опъемля смерпныхъ жизнь, съ мосповъ срывающъ цѣпъ,
Въ сподицѣ кажешъ намъ лишь царсшво вихря,
сшешъ; (177)

Пусть шихо ручеекъ по камышкамъ спруишся,
Цвъшокъ, склоня лиспки, съ Зефирами дружишся;
Воображенію въщяя эшо въ слухъ,
Скажише, можешъ ли насыпишъ сердце, духъ?

Поэша дивный даръ — врожденное искушво —
Огонь самихъ небесъ, избышокъ сердца, чувсшва;
Очамъ представишся пылающій эфиръ,
По голубымъ зыбямъ лучей текущихъ міръ.

Мильшоны, сущесшво уразумѣвъ природы,
Въ волненьи предъ собой зряшъ лугъ, и лѣсъ, и воды;
Все жизнь, все движешся, свою имѣешъ цѣль;
Вселенная — вещесшвъ большая колыбель.
Спупаешъ ли Поэшъ на вѣковыя горы,
Гдѣ ледъ, бугры снѣговъ окаменяюшъ взоры, —
Онъ Аполлона Музь волшебный жезль пріявъ,
Цѣпъ настоящаго съ прошедшимъ сочешавъ,

Внезапно дѣйствіемъ непостижимой силы
Изводишь тѣни въ міръ изъ мрачныя могилы;
Среди паренія, порывомъ мыслей, словъ
Зришь таинства живыхъ и таинства гробовъ;
Лучами озаряешь безплодныхъ силъ небесныхъ,
Безбѣдно спранспвуетъ въ обителяхъ безвѣстныхъ;
Спремленіемъ души и сердца полношны,
Разнообразныя похитя красоты,
Вливаешь ихъ въ сердца; коль счастливо предспавишь,
Попомковъ величашь, свои дары заспавишь.
Вотъ истинный воспоргъ, природы чистый жаръ!
Не размышленья плодъ, — любви высокой даръ, —
Даръ живо оцѣняшь геройскихъ душъ спремленье,
Даръ мудрость полюбишь и съ ней благошворенье, —
Неугасимый огонь, таинственныи обѣщъ,
Отселъ въ небеса невидимый полетъ.
Въ чертогахъ Промысла не льстился дерзновенно (178)
Поэпъ взялъ таинство судьбою сокровенно;
Уловкой хитрою не обольстиа сердцецъ,
Онъ чпипъ свяшый олшаръ, и скипешръ, и вѣнецъ;
Другъ человѣчества — онъ ищешь блага смершныхъ
Средь бури на моряхъ и въ рошицахъ завѣшныхъ;
Волнуемый внутри, забывъ спихіевъ споръ,
Невольно къ истинѣ свой просшираешь взоръ;

Ему всѣхъ рѣкъ милѣй изящнаго попоки,
Онъ славитъ доблесни и гонитъ въ адъ пороки.
Корнейль, едва возникъ, звѣздою міра спаль, (179)
Законы *кротости* священной возглашалъ.
Любя невѣспу, въ бой спремится *Куріацій*;
Вопль крови позабывъ, идешь на брань *Горацій*;
А *Цидъ*, въ душѣ храня къ Хименъ спрасъ и чесъ,
Свершаетъ надъ ея опцомъ надмѣннымъ месъ.
Сей Цидъ есть образецъ души высокой правилъ,
Корнейль прямыхъ Римлянъ на зрѣлищѣ представилъ;
Французовъ озаря, опвергнувъ къ жизни спрасъ,
Павлина, Поліевкшъ, свяшую кажущъ власъ.
Пускай, вооружасъ Парнасскими спрѣлами,
Мечшая завладѣшъ Пермесскими водами,
Вельможа Трагику за шрудъ гошовишъ спыдъ, —
Парижъ съ Хименою Родригу лавръ даритъ; (180)
Тишуль великаго за мыслей превосходство
Корнелию придастъ и позднее попомство.
Расинъ, Корнелия спупая по слѣдамъ,
Высокихъ, нѣжныхъ чувствъ примѣры кажетъ намъ.
Средь гнѣва и любви изящная природа,
Блюдя лучъ разума, порядокъ быспрый хода,
Спезею плавною спремительно печешъ,
Къ воспоргу зришелей рыдающихъ влечешъ. (181)

Власшлюбивая на сценѣ *Агриппина*

Опѣ изверга людей пріемлешъ смерть — опѣ сына;
 Тамъ *Федра*, возропшавъ на смершнихъ, на боговъ, (182)
 Клянешъ въ опчаянши коварства гадъ—льстецовъ,
 И поколенію земныхъ владыкъ вѣщаешъ,
 Чшо гнѣвъ небесный въ даръ Царямъ ихъ посылаетъ.
 Давно ль мы видѣли, лія попоки слезъ,
 Чшо ирошивляся вельнію небесъ,
 Пророчій внемля гласъ, опшверзшыя зря двери,
 Опѣ Грековъ яросши жизнь охраняя дщери,
 Царица гордая, презря супруга власшъ,
 Не постыдилася предъ Ахиллесомъ пасшъ?
Ахилла видѣли, мы *Клителместру* зрѣли,
 Съ родившей, съ женихомъ о дочери жалѣли,
 Спѣшили у жреца ножъ жершвенный опняшъ,
 Мы не *Семенову*, — мы шочно зрѣли машъ.

Природа красная — цѣль на земли Поэша;
 Онъ силу черплешъ въ ней и лучъ полдневный свѣша.
 Природной мудросшью Расинъ всегда великъ,
 Въ немъ дышешъ духъ ея, и спрасши, и языкъ;
 Но превосходное Расиново шворенъе —
 Небесной истины свяшое вдохновенъе —
Гоолия, вѣнцемъ кичливая жена
 Терзаніемъ души среди шоржесшвъ полна.

Опшупникъ олшаря, поклонникъ, другъ коварный,
Одной корысти жрецъ — *Мафанъ* неблагодарный
Порочной дерзосшью, наипіемъ спрасшей
Являетъ нагубу злочеснїя сѣшей.

Премудрый *Иодай*, воспорженъ силой духа,
Гремишь, не убоясь Царицы гордой слуха;
Подъ сѣнью олшаря пророчесшвуешь онъ,
Коль высокó, взнесетъ главу свою Сїонъ.

Искусшво рисовашъ спрасшей различныхъ свойсшво
Въ Гоооли кажешъ намъ Поэша превосходсшво;
Ни побѣдишель Римъ, ни просвѣщенный Грекъ,
Подобнымъ зрѣлицемъ не славились въ свой вѣкъ. (183)

Поашы—мудрецы, друзья искусствъ просшые,
Ліуютъ прекраснаго испочники живые;
Родоначалники попомсшвенныхъ умовъ!
Пишаютъ смершнаго воспоргомъ мыслей, словъ.

Какой являетъ ся богатый садъ, священной,
Среди различныхъ странъ Европы просвѣщенной!
Тамъ выше звѣздъ соколь, тамъ соловей въ лѣсахъ,
Тоскуешь горлица о другъ на кустахъ,
Поютъ пернашые согласнымъ духомъ, хоромъ
Величіе Творца вселенной передъ взоромъ;
Тамъ Попе, Камоэнсъ, Торквашо и Мильшонъ,
Тамъ Геше съ Шиллеромъ, тамъ Галлеръ и Байронъ, —

Всѣ вдохновенныя небесной свыше силой,
Свой разливая огонь, поюшь и за могилой.
Пусть у героевъ смерть опъемлешь мечъ изъ рукъ, —
По смерти громкихъ лиръ не умолкаетъ звукъ.

Искашель испины, наперсникъ доброй славы,
Чуждаяся спраспей и прихоши оправы,
Благополученъ здѣсь, коль сердцемъ и перомъ
Сдружаетъ ближняго и съ правдой и съ добромъ;
Доколь видишь взоръ, уста не онѣмѣли,
Въ десницѣ съ лирою лепишь онъ прямо къ цѣли.
Цѣль пѣснопѣнія единая всегда —
Упѣха въ горести, — не гибель, не вражда.
Трепещешь духъ въ пѣвицѣ, и кровь въ немъ замерзаетъ,
Коль кровожаднаго изобразишь дерзаетъ;
Узрѣль, почувствоваль среди густыхъ лѣсовъ,
Что озирая шигръ, добычу жрашь гошовъ;
Онъ краской мрачною, невольникъ сильной спраспи,
Рисуешь злобный взглядъ и въ слѣдъ его напаспи.
Коль озарился вновь опрадою Парнасъ,
То снова сладостный опъ лиры слышимъ гласъ.
Пѣвецъ, слѣдя въ поляхъ грабежъ пчелы пріятной,
Съ ней вмѣстѣ соки пьешь изъ розы аромашной,
Иль въ красный лѣпній день, являясь мошылкомъ,
Съ пасушкой рѣзвился, вѣясь надъ ручейкомъ;

Тогда исполненный, безъ всякаго искусства,
Веселаго любви и пламеннаго чувства,
Не покоряся вишійсшву и уму,
Гласишь, что сердце пѣшь совѣшуешь ему;
Насмѣшкой низкою себя не опечалишь,
По чувству бодрсшвуешь, по чувству доблестъ хвалишь;
Печашь сердечныхъ думъ — его стиховъ предметъ,
Желая міру благъ, онъ чувствъ, любви Поэшь. (184)

Достоинно славимый Французскихъ спранъ писатель,
Другъ звучной плавности и вкуса наблюдашель,
Не давно сочинилъ науку о стихахъ, (185)
Искусно помѣсшя въ зашѣйливыхъ словахъ
Полезныхъ множесшво для стихотворства правилъ,
И роды всѣхъ стиховъ искусно намъ представилъ.
Сплешашель Эпиграммъ, Эпическій шворецъ,
Находяшь въ ней равно урокъ и образецъ.

Сшремьясь Французскаго Саширика слѣдами,
Я пѣль его усшавъ Россійскими стихами.
Чшобъ Муза не могла лешашь въ чужой предѣль,
Духъ, силы испышашь онъ дерзосшнымъ велѣль,
Велѣль зашѣйливымъ оспришь на ближнихъ колкостъ,
Слезливымъ клясшь любви несносную жесшпокосшь; (186)
Сухаго букваря безплодныя спраны
Въ прекрасный у него цвѣшникъ превращены;

Но въ славномъ образцѣ пустьъ мысль ошра и нова,
О Баснѣ, по грѣхамъ, не сказано ни слова;
Забыли Локмана и Буало и Флаккъ, —
Я не забуду васъ, орель, лисица, ракъ.

ПОСЛАНИЕ II-е. О БАСНѢ.

*Не будь высокъ надутъ, но простъ и благороденъ
Безъ всякой низости затѣливъ и свободенъ.*

Томъ II-й стр. 158.

П О С Л А Н І Е II-е.

*О Баснѣ, Сказкѣ, Локманѣ, Бидпатѣ, Эзопѣ
и о другихъ славныхъ Баснописцахъ.*

Безсмертный Буало! вдохни о Басняхъ слово, (187)
Чтобъ правило мое всѣмъ показалось ново;
Повѣдай мнѣ шеперь, Поэшовъ образецъ,
Какъ можно получаешь за Басенки вѣнецъ,
Скажи, какъ надобно осмѣиваешь пороки,
Какъ Басней подслащаешь невкусные уроки,
Какъ пустословіе отъ рощей удалишь,
Какъ разговорами проспыми веселишь,
Театра малаго распроспранишь предѣлы,
И рѣчи сильныя звѣрямъ внушая смѣлы,

Велѣшь порочному въ счастливые часы
Уроки принимаешь опѣ волка и лисы.

Воспокъ! ты — колыбель всегда иносказаній;
Тамъ люди подѣ ярмомъ неволи и спраданій,
Когда въ свирѣпости пираны угнѣли,
Двуличный уголокъ для правды обрѣли;
Всѣ припесненные оковами, кинжаломъ,
Являя истину подѣ Басни покрываломъ,
На помощь приглася пернатыхъ и звѣрей,
Велѣли имъ учить жрецовъ, Вельможъ, Царей;
Языкомъ, разумомъ живописныхъ одарили,
Что люди думали, то звѣри говорили.

Обилень Припчами воспочный древлѣ край,
Гремѣли долго шамъ и Локманъ и Бидпай. (188)
Эзопъ у Грековъ былъ за правду рашоборецъ, (189)
Въ Аѳинахъ славимыхъ онъ первый Басношворецъ,
Одно подобіе разишельнымъ являлъ,
Побочной никогда прикрасы не мѣшалъ;
Безсмертными его остались небылицы, —
Ты самъ и видишь льва и слышишь рѣчь лисицы.
По честности, уму обрѣлъ почтенье онъ,
Его любили Крезъ, Поэшовъ врагъ — Плашонъ;
Онъ славенъ крапкосью и точностию правилъ,
Нравоученіе всегда у Припчей спавилъ.

Свободой одолженъ Федръ Августа рукъ, (190)
Эзопа на своемъ представилъ языкъ;
Онъ менѣе его замысловапъ и силенъ,
Но плавленъ, нѣженъ, чиспъ и мыслями обилень;
Пуспъ часшо вмѣшивалъ прелеспные цвѣшы, —
Упомня Басенокъ и родъ и красопы,
Онъ близоспъ, вѣрноспъ свойспвѣ, еспеспвенноспъ

завязки

Умѣлъ всегда хранипъ, рассказывая сказки.
Случилось съ нимъ, какъ шо не рѣдко на земли,
Чшо нѣсколько вѣковъ лежа зарыпъ въ пыли,
Онъ вновь сподобился пріясныя свободы;
Почпили даръ его различные народы,
Сспрожайшіе судьи безспертный Федре спрудъ
Поднесъ сокровищемъ въ среднемъ родѣ чшупъ,
И думающъ, — его рассказъ шолико плавленъ,
Чшо въ царспво Августа никто ему не равенъ.
Урокъ еспъ въ Басенкѣ, начало и конецъ
Къ единой цѣли свеспъ спарайся шы, пѣвецъ,
Чшобы спвоя была завязка мнѣ понятна,
Нравоучисельна, запѣйлива, пріясна.
Какъ роды всѣхъ спиховъ, и Припча шакъ равно
Имѣешъ дѣйспвіе и мѣспо дѣйспвѣ одно,
Поэму малую собою соспавляешъ,
И разговоры лицъ и дѣйспвія являешъ;

Подъ видомъ Басенокъ въ собраньи небылицъ,
Иносказательныхъ приводишь много лицъ,
Которыя людей всечасно поучаюшь,
Природныя красы и свойства сохраняюшь;
Въ Поэмъ таковой свирѣный волкъ — Геронъ,
Лисица — льсонецъ его, а вишнякъ — левъ и слонъ.
Писатель — образецъ, искусно сладя часпи, (191)
Возбудишь спящія въ умахъ холодныхъ спраспи,
Подобіемъ разишь, украся связь узловъ
Любезной простопой и сладостью стиховъ;
Тогда забаву онъ полезную приносишь,
Спалъ испиный Поэпъ,—зеленыхъ лавровъ просишь.

Нравоученіе гдѣ хочешь ты включай,
Въ началѣ иль въ концѣ, какъ еспь тому случай; (192)
Но можешь и совсѣмъ опсѣчь или убавишь,
Коль хипростно умѣль свой узелокъ соспавишь;
Для насшавленія не шрапъ напрасныхъ спрокъ,
Знай, — само по себѣ подобіе — урокъ;
Намъ въ Федръ кажешъ волкъ вельможества насиль-
носшь,

Ягненокъ у ручья — шеснимую невинность.

Ты пусшословія прилѣжно избѣгай,
И оспраго словца за диво не счишай,
Ослу въ рошъ не вложи разумныхъ разговоровъ, (193)
Совѣ и филину не дай прекрасныхъ взоровъ,

Смотри, чшобъ выходилъ изъ Припчи намъ урокъ, (194)

Вънчалась испина, осмѣянъ былъ порокъ.

Угодно ли? — рисуй, разсыпь по волѣ краски,

Однако не вреди узламъ своей завязки;

Иносказаніе — изъ золоша руно —

Пусть будешь у тебя всегда соблюдено;

Рисуй, какъ Лафоншенъ, коль дубъ намъ предспавляешь,

Опъ ада до небесъ онъ росъ его являешь;

Когда у пѣшуха горишь опъ спроси кровь,

Примолвишь, что Пергамъ разрушила любовь;

Изъ шелка вьешь слова для угожденья лесни,

И кусомъ Королей зовешь отправу месни.

Чудесный Лафоншенъ — Поэтъ и Философъ — (195)

Хотя и не умѣлъ двухъ къ стапи молвишь словъ,

Но Припчу ли прочтешь, иль Сказочку расскажешь,

И сердцемъ и умомъ чинапелей привяжешь;

Пусть Федра менѣе о крапкоси рачиль,

Пусть Припчу съ Сказкою онъ рядышкомъ пусшилъ, (196)

Прикрасы распочаль пригоршнями обильно, —

Разказомъ всѣхъ умѣлъ обворожать насильно.

Невинность, проспоша, свободный разговоръ,

Запѣйливая мысль, различносшей наборъ,

Сіяюшь въ Басенкахъ безе умысла всечасно;

Все льется у него естешвенно, согласно,

Все дышетъ истиной, нигдѣ запинки нѣтъ,
Все Музы говорятъ, а самъ молчишь Поэтъ.

Средь милыхъ вымысловъ упошроби искусство,
Пожалуй, украшай и мысль свою и чувство,
И помни каждый часъ, сведя кша съ осломъ,
Что долженъ насъ учить ты подъ чужимъ лицомъ;
Шуши и забавляй, рѣзвись съ звѣрями смѣло,
А насшавленіе швое прямое дѣло,
Которое умѣй искусно такъ сокрыть,
Чтобы всѣ думали, что ты хопѣлъ смѣшишь;
Не будь высокъ, надупъ, но проси и благороденъ, (197)
Безъ всякой низости запѣйливъ и свободенъ;
Ты знай, — приличная естъ въ каждомъ родѣ шѣнь,
Безъ солнца иногда пріятенъ лѣпній день;
Смотри, коль соблюдешь разнообразье плавно,
Тогда и безъ прикрасъ шворенье будешь славно.
Ламонъ сто Пришчей вновь усердно подарилъ, (198)
Которыя умомъ холоднымъ начинилъ;
Но шѣмъ Парижъ, себя нимало не прославилъ.
Пускай де-Лафоншенъ чужое лишь представилъ, —
Въ чужомъ онъ вымыслѣ былъ самъ всегда шворецъ,
И сталъ единственнй попомшву образецъ.

Медузина глава все превращала въ камень, —
Спроси подражанія природный гасишь пламень.

Не будешь никогда пошль испиннымъ пѣвцомъ,
Кто богашишь себя привыкъ чужимъ умомъ, —
Сшапейку милую безъ смысла выбираешь,
Въ горнилъ разума и чувствъ не сошворяешь, —
Поймавъ, не осмопрясь, словечко лишь одно,
Включаешь въ стихъ, хопя не къ шапи шупъ оно.
Что само по себѣ естественнo, прекрасно,
То вновь перерождашь и украшаешь опасно.
Для подражанія славнѣйшій намъ примѣръ —
Виргилій, Лафоншень, Расинъ и Моллиеръ,
Которые, пускай чужую мысль швердили,
Но образцовъ своихъ едва ль не помрачили.
Ты содержанію и мыслямъ подражай;
Угодно, — стихъ чужой въ свои стихи мѣшай,
Приладь зашѣливо, искусно и свободно,
Чтобъ самому тебѣ казалось природно,
Чтобъ видѣли тебя, чтобъ всякой заключалъ,
Что до тебя родясь, Федръ у тебя укралъ.
Чужаго разума искусное сіянье

На Геликонъ чье умножишь дарованье,
А больше въ Басенкахъ, гдѣ съ милой проспошой
Не соглашающся ни даръ, ни слогъ чужой?

Нѣшь нужды въ Припчахъ намъ искашь чужихъ

уроковъ,

Довольно кажешь ихъ для Рускихъ Сумароковъ; (199)

Осель его — гордецъ, а жадный волкъ — нахаль,
Шупливый, легкій слогъ всѣ Басенки вѣнчалъ.

Хемницеръ простопшой своей меня прельщаетъ (200)
И сокрушеніе изъ сердца изпоргаетъ;
Хоть рокъ успѣлъ его безвременно скосить,
Однако въ Басенкахъ онъ будетъ долго жить.

Языкъ прекраснѣйшій, копорый мы имѣемъ, —
Поэшу ключъ богатствъ, коль имъ владѣшь умѣемъ;
Онъ въ плавной легкости бышь можешь образецъ,
Что ясно доказалъ намъ Душеньки творецъ.

Любезность, простота, — хоть Басней превосходство!
Заставь меня забыть вишевъ стихотворство,
Увѣрь, что звѣри всѣ передъ моимъ крыльцомъ,
Что вижу въявь то, что пишешь ты перомъ.
Иначе, признаюсь, и подвигъ твой напрасенъ;
Пусть будетъ твой рассказъ игривъ, и быспръ, и ясенъ, —
Природы я ищу и въ дѣйствѣ и словахъ;
Не вздумай по небу капаться на ослахъ.

Вамъ, Федры Рускіе, открыто славы поле!
Вѣнцы приобрѣташь, повѣрьте, въ вашей волѣ;
Пріяшной выдумкой и прелестью стиховъ
Заставьте позабыть всѣхъ Басенныхъ творцовъ,
Которые поднесъ Европу удивляющъ,
И честь опечесству и роду сославляющъ.

ПОСЛАНИЕ Ш-е. ОБЪ ОПЕРѢ.

*Языкѣ Италіи и звучный и прелестный
Среди Европы сталъ для Музыки чудесный.*

Томъ II-й стр. 161.

П О С Л А Н І Е Ш-е.

*Объ Оперть и Балетть, о Поэтть и Музыкантиь,
объ Оперть Колиикъ. (201)*

Когда невѣжесшво, опринувъ смыслъ и вкусъ,
Двуходмныхъ славныхъ горъ лишило чистыхъ Музь, —
Онѣ, чешвуя прахъ Горація, Марона,
Избрали въ жишельсшво, по волю Аполлона,
Сшрану, кошорой мѣръ дивился сполько лѣшть, —
Римъ воспрославленный сіяніемъ побѣдъ,
Гдѣ благошворнѣйшимъ свѣшпиломъ озаренны,
Безсмершьемъ праощевъ пошпомки оживленны,
Сшарались ревностно, оспавя грозный мечъ,
Чрезъ сладкозвучную свой край возвысипшь рѣчь.

Чудесный Аріостъ, запѣями обильный,
 Высоко-думный Дантъ, воображеньемъ сильный,
 Торквашо больше всѣхъ богашствомъ лицъ, каршинъ
 Увѣрилъ свѣтъ, что былъ Виргилій не одинъ;
 Петраркъ, Гварини спрасъ любовную гласили,
 Стихами нѣжными Тибулловъ воскресили,
 Наборомъ сладостнымъ пріятныхъ, милыхъ словъ
 Сліяли вымыселъ съ согласіемъ стиховъ.
 Языкъ Испаліи, и звучный и прелестный,
 Среди Европы спалъ для Музыки чудесный, —
 Умѣешь слогами такъ ловко управляшь,
 Что можешь къ чувству ихъ легко принаровляшь,
 Съ словами шѣсно такъ Мелодія сцѣплена,
 Что шамъ едва ль нужна и рѣчь обыкновенна;
 Онъ можешь, какъ ручей, журчащій средь лѣску,
 Для слуха выражать печаль, воспоргъ, шоску.
 Вселенной въ образецъ, лишь въ прежніе намъ вѣки
 Согласной рѣчи звукъ одни явили Греки,
 Которыхъ сладостный языкъ всегда гремѣлъ,
 Одними звуками стихи на лирѣ пѣлъ.

Уже Полимнія ревнуя Мельпоменѣ

И первенству ея опъ древнихъ лѣтъ на сценѣ,
 Съ приспойной кропосшью къ сестрѣ своей пришла
 И говорила ей: „шы чувства въ плѣнь взяла,

По хитрымъ вымысламъ и ощущеньямъ спраснымъ,
По выраженьямъ высокихъ словъ прекраснымъ
Царица громкая и мыслей и сердець!
На пышномъ зрѣлищѣ ты Музамъ образецъ;
Твой скипетръ въ руки взяшь, и вмѣстѣ съ Мельпоменой,
Позволь распоряжатъ украшенною сценой,
Позволь съ Эвперною мнѣ неразлучно быть,
Изящесствъ новый ключъ Европѣ въ даръ отккрыть.“
Легко богиня слезъ на просьбу согласилась,
И къ намъ Полимнія въ ея вѣнцѣ явилась.
Здѣсь безпредѣльная Царицы новой власть,
Здѣсь все покорно ей, здѣсь дышетъ чувствво, спрасъ;
Свиданья радости, печали отъ разлуки,
Мысль сердца оглася, шомаясь, изводяшь звуки.
Полимнія себѣ вмѣняетъ часпо въ честь
Безъ рѣчи объяснятъ любовь, шоску и месъ;
Безжизненная вещь чрезъ дивное искусство
Живнися звуками и возбуждаешъ чувствво.
Тамъ громаы ярые, лешя сквозъ черный боръ,
Трещатъ, и рушатся, и рвущъ вершины горъ;
А шамъ волнуяся, уныло море ноешъ,
Удвоя валомъ валъ, ревешъ, кипишь и воешъ;
Иль крошоспный Зефиръ, вѣясь надъ ручейкомъ,
Съ спруями нѣжнися и рѣзвишя съ пескомъ;

Иль дождикъ часпилькой, живошворя цвѣшочки,
Спучишь по цвѣшнику, озеленя листочки.
Умѣрень въ Оперѣ, Поэшы, вашъ полешъ,
Имъ правишь звучности плѣшительный совѣшъ;
Не всѣ единшва Драмѣ Полимніи извѣшны,
Но свойшва лицъ и узлъ завязки ей совмѣшны.
Творецъ Лирической! на дѣшшвіе смолри;
Объявь его красы, по звукамъ говори;
Свой узелъ воспріавъ въ чершюгахъ Мельпомены,
Закошь ея блюди безъ всякой перемѣны.
Пусшь носишь въ Оперѣ Россини скишпръ, вѣнець;
Однако и Поэшь — сошрудникъ и шворецъ.
Музыку Люллія Французы позабыли, —
За нѣжносшь Аписа безсмершьемъ подарили,
За чувштво спрасшное и звучныхъ спощъ число
Кинольшовы спихи шакъ чисшы, какъ спекло;
Напрасно Буало о немъ въ Саширѣ пишешъ,
Сама любовь изъ ушшь Кинольша сладко дышешъ.
Вѣроподобіе и спрасшный разговоръ (202)
Равно принадлежатъ богинямъ свѣшлыхъ горъ;
Открыше въ любви прелесшной Сангариды,
Доспойное шворца Монимы, Ашалиды, (203)
Съ Зевесомъ Нимфы спрасшь, спремленіе сердець
Бышь можешъ Трагику искусный образецъ;

Два сердца нѣжныя, пылая чувства естрасны,
Должны, при звучности, съ разсудкомъ бысть согласны.
Медея въ ярости мнѣ ревность изъясляй,
Невѣрнаго кляни, по звукамъ умерщвляй;
Да будешь рѣчь швоя исполненная силы,
Не вопль Вахханки злой близъ мрачныя могилы.
Ринальдъ въ неисповсвѣ, любовію помимъ,
Охващивъ дубъ, рванешь, на землю грянешъ съ нимъ;
Представя шаковымъ ты зрѣнія къ опрадъ,
Мнѣ живо опиши вину его къ досадъ.
Пускай щекошишь слухъ пріятной пѣсни ладъ;
Писатель Оперы! будь чувствами богашъ,
У Метаспазія учися рѣчи звуковъ;
Онъ будешь говоришь попомсшву нашихъ внуковъ:
Мысль сердца объясни ты другу своему,
Про тайну Кесарю не молвию твоему. (204)

Лирическій творецъ отверзшее зришь поле,
Онъ можетъ зришелей переселяшь по волъ;
Лешая дерзосно средъ милыхъ небылицъ,
Въ смесненнѣ мѣспомъ кругъ не заключаешъ лицъ.
Тамъ видишь средъ лѣсовъ непроходимыхъ, дикихъ,
Грозящій водопадъ съ вершениковъ, скалъ великихъ;
Онъ быспро покашясь, раждаешъ грохошъ, шумъ,
И къ шрепешу влечешъ и сердце въ насъ и умъ;

А далѣе — мѣста пусшынныя унылы,
Гдѣ предспавляешся видѣ древнія могилы.
Велишь, — со дна морей, въ едва примѣшнѣй мигѣ,
Олимпа свѣшлаго шы на верхи досшигѣ;
Умолкла рѣчь, — гласяшь нѣмые шолько звуки.
Волшебный скипешрѣ свой пріавѣ Эвперпа въ руки,
Тѣлодвиженіемѣ намѣ ясно говоряшь,
Безмолвная, но взорѣ полнѣ спрасшю горяшь;
То преклоня главу предѣ зришелемѣ уныло,
Свой обращаешъ взглядѣ на пышное свѣшило,
То звуку рабсшвуя, лешаешъ къ небесамѣ,
Любовѣ живописаешъ велишь нѣмымѣ словамѣ.
Амуры — крошечки, и съ ними игры, смѣхи
Пекушся вымышляешъ для Душеньки пошѣхи,
Вьюшъ плешеницы розѣ, вскоча на *туалетѣ*;
Герои празднуюшъ сіяніе побѣдѣ;
Тамѣ Нимфы сельскія играюшъ въ хороводы,
Паспушки на площахѣ переплываюшъ воды.

Поющій въ Оперѣ — несчастливый Орешѣ —
Среди лица земли подземныхѣ жишелѣ мѣсшѣ —
И Алекшону зришъ и внемлешъ воя слухи;
Шумливымѣ шопошомѣ безжалосшные духи
Раба спрасшей, и сна лишенаго опрадѣ,
Тряхнувѣ свѣшильникомѣ, влекушъ поспѣшно въ адѣ.

Медлипельной стопой, тяжелыми прыжками
Такъ злая Фурія спремится за грѣхами.
Печальной звучности унылый, скорбный спонъ
Раждаешь въ сердце страхъ, шумя со всѣхъ сторонъ;
А шамъ согласіе внемлю огромно, пышно,
И пѣніе вдали прелестное мнѣ слышно;
Оно льещъ сладости, восшорги опъ небесъ,
Рѣдя въ воздухъ, скрывается за лѣсъ;
Приближась къ зрителю, поспѣшно умолкаешь,
Иль звуки удаля, зашихнешъ, умираешь.
Вошъ сладкозвучія побѣда и законъ!

Освирѣпѣвъ Непшунъ, изрыгнешъ звѣря вонъ,
Зришь пѣло у него покрыто чешуями,
Ушесистый хребешъ съ повислыми борами,
А пасшь несвятая — огнями пещъ полна;
Ты слышишь, какъ подъ нимъ спенящая волна
Невольно движется на пагубу Царевны;
Ты видишь предъ собой въ сіи часы плачевны,
Что доблестный Персей, безпрепетный герой
Казнишь чудовище Медузиной главой,
И шумъ и дикій ревъ швой вмѣстѣ слухъ внимасшь,
Какъ моря грозный валъ со страхомъ отступаетъ.
Ты сладкозвучю, Поэшь, покорень будь,
И жалость и любовь умѣй въ сердца вдохнушь;

Представь, когда простря могущество Музыки,
Орфей нисходишь въ адъ для милой Евридики,
Какъ Фурія падешь на одръ желѣзный свой,
Густаго сумрака покрывшись пеленой,
Бояся пѣсни вняшь любимца Музъ гремящи;
Представь, какъ на власахъ у ней змѣи шипящи,
Своей суровости природной измѣня,
Склубяшся разомъ, слухъ къ Орфею преклоня.
Пускай слова рекушь и грусть и сердца рану,
И жалость въ грудь вселяшь подземныхъ мѣстъ тирану;
Оледенѣлую Орфей вспаля кровь,
Заспавишь грозный адъ почувствовать любовь.
Кто пламенемъ богащъ, чьи чувства, сердце спрасшны,
Пѣвецъ пошь обрѣнешъ красы разнообразны;
Онъ пѣсню съ голосомъ умѣетъ соспавлять
И вдругъ два голоса, какъ два ручья, сливашъ;
Иль сложнымъ хоромъ онъ, поржеспвеннымъ, со-
гласнымъ,
Вниманье привлечетъ напѣвомъ громкимъ, спрасшнымъ.

Большія Оперы родилися у насъ,
Не будешь присвоашъ ихъ Греческій Парнасъ;
Подъ голосъ пѣніе, подъ звуки разговоры,
Не то, что въ шарину у Грековъ были хоры.
Лице наперсниковъ они играли шамъ,
А не касалися узлу, завязкѣ Драмъ.

Безъ хоровъ способъ естъ Трагедію сосставишь
И полношны ея нимало не убавишь.
Имѣлъ въ Трагедіяхъ у Грековъ мѣсто звукъ,
Но ихъ Трагедія, какъ у шворца изъ рукъ,
Въ опдѣлкѣ вылилась безъ всякой перемѣны,
Являлася тогда для Музыкальной сцѣны.
Въ Европѣ напрошивъ другой совсѣмъ законъ:
У насъ Полимніи покоренъ Аполлонъ,
Готовъ ей угождашь, какъ женщинѣ прелестной,
И уступишь вѣнецъ, сокрывъ свой даръ чудесный.
Поэзіи восшоргъ, порывъ ея спрасшей
Всѣхъ *Лолли* упомишь величіемъ рѣчей.
Былинку гордому не уподобимъ кедру;
Кто звуковъ Промешей, вѣщашъ заставишь *Федру*.

Увидя Талія между сестеръ союзъ,
Изволила приспашъ къ числу поющихъ Музъ;
Полимній не любя, къ веселому собору
Звала поохошашъ Эрапу, Терпсихору,
Насмѣшку съ звуками запѣйливо слила,
Веселость оспрую сестрицамъ принесла.
Такое зрѣлище запѣйливо, пріятно,
Готовы зрители сморѣшь его спокрашно.
Счастливъ въ Комедіяхъ пѣвцовъ поющихъ даръ;
Въ Парижѣ славились Коле, Пиронъ, Фаваръ.

Любимцы Талии, забывъ, что здѣсь морозы,
Въ семь родъ принесли цвѣщущія намъ розы.
Нашъ *Мълъникъ* пусть Русакъ, однако смѣло онъ, (205)
Кто что ни говори, зошелъ на Геликонъ;
Лукавый *Збитеньщикъ* ловче за носъ водишь, (206)
Спенанъ съ баклагою, съ уломъ птшежколъ ходитъ;
Чудеснымъ зрѣлищемъ плѣняетъ *Богатирь*, (207)
И веселишь меня пронырливый *Слдьирь*, (208)
Крича подземныхъ мѣстъ спененному бояршву:
„Поставлю чертенятъ на вгучку коварству!“
Завязку оспрую кто будешь соспавляшь,
Въ шупливыхъ Операхъ шопъ можешь забавляшь.
Свергая съ неба въ адъ по распорядку свиспа,
Писатель! ты не будь рабомъ у машиниспа;
Для пользы собственной принаровляй къ нему,
И вмѣстѣ угождай запѣйливо уму.
Заспавишь панцовашъ медвѣдицу исправно —
Ни мало не оспро и даже не забавно;
А Ломоносова заспавъ пожалуй вновь
Гремѣшь опечеспа и славу и любовь.

П О С Л А Н І Е IV-е.

*Движеніе страстей, объемъ творенья цѣлый
Искусства мудрый плодъ и Музы плодъ созрѣлый.*

ПОСЛАНИЕ IV-е.

*Объ излишней природѣ, о единствѣ узла, о томъ,
что есть собственное (Originalité) въ пльвицѣ,
о различныхъ родахъ Поэзи, о правильности
языка и вкусѣ Поэта.*

Надеждой юноша и чувствомъ окриленный, (209)
Волненьемъ внутреннимъ внезапно пробужденный,
На все твореніе бросаешь алчный взоръ,
На ложе мирныхъ рѣкъ и цѣпи дикихъ горъ;
Онъ въ розовыхъ кустахъ, въ густыхъ дубравахъ
темныхъ,
Подъ громомъ грозныхъ бурь, въ ущелинахъ подземныхъ,
Въ борьбѣ ли съ вѣтромъ дубъ, падешь ли, преснувъ, ель,
Онъ видишь, чувствуешь движеніе, жизнь и цѣль. (210)

Торквашо, шаинсшва проникнувъ Геликона,
Зришь въ каждомъ сущесшвъ скипшръ вѣчнаго закона;
Единсшво чершежа и превосходсшвъ черпогъ,
Всѣ добродѣтели, безплошныхъ сонмъ и Богъ
Являюшъ передъ нимъ величесшво ээира.
Избранникъ Музъ, едва рукъ коснешся Лира,
Соблазны изгоня, опвергнешъ зависть, леспь,
И жаждешъ испину и доблеспь превознесшъ.

Похипя зришелей вниманіе свободно, (211)
Поэшъ, рисуи спрасшей спремленье благородно;
Развращаго лица неисповый порокъ
Безсилень огласишъ чинашелю урокъ.
Огромносшъ подвиговъ, души высокой спраспи,
Гоненіе судьбы, и мужесшво въ напаспи,
И чувсшвъ обиліе, и рѣчи плавный звукъ
Раждаюшъ въ зришелъ слезъ шокъ, плесканье рукъ.
Ты благо нравія священною спезею
Опкрой безсмертъя пущь Ираклу и Тезею.

Попомсшвенный пѣвецъ, Гомеръ или Маронъ,
Единсшво обрѣнешъ сквозъ ужасы препонъ;
Предмешы удаля съ узломъ несообразны,
Въ одну приводишъ цѣль природы виды разны.
Писашель дерзосшный, вишійсшвомъ воскичась,
Въ недѣпныхъ вымыслахъ разсудка рушишъ связь;

Сугубя дѣйствія и случаевъ завязку,
Предсавишь пеструю безъ цѣли почной сказку; (212)
Царя ли въ храмъ ведетъ съ Царевной въ день вѣнца,
Отскочишь на сно верснь гробницу зрѣшь опца;
Побѣдоносецъ ли на вражьи спушишь силы,
Поэщъ, на зло другимъ, велишь копашъ могилы;
Иль пламенной любви оспановя успѣхъ,
Шушь блюдо поднесешъ съ колечками на смѣхъ.
Не спанешъ никогда въ чипашелъ шерпѣнья
Вспрѣчашъ въ одномъ узлѣ и бракъ и погребенья,
Объ лицахъ попуспу убишыхъ слезы лишъ
И душу пиршесствомъ средь Драмы веселишь.

Клишь, мрачношь полюбя, мышей лепучихъ норы,
Поспавишь съ Вакхомъ въ рядъ пророчество Де-
воры; (213)

Нашуры дикіе онцупавъ уголки,
Мѣшаешъ иль и грязь съ пескомъ злапой рѣки;
Несообразности въ шяжелый слишокъ сплавилъ,
Изящностъ позабывъ, безсмыслицу предсавишь;
Лишь случайбы словишь иль жалкой, иль смѣшной, (214)
Не думаешъ о шомъ, каковъ его герой;
Онъ сына въ игрокъ рукой опца сражаешъ,
И хижину зажечъ опнюдь не забываетъ.
Пусть чувствомъ озаренъ разбойникъ иль кузнецъ,
Уже ли будешъ онъ для сцены образецъ? (215)

Эпическихъ Поэмъ иль слезныхъ Драмъ герои
 Къ высокимъ подвигамъ ведущъ попомковъ спрои;
 Волчець, колючій шернь — въ числѣ природы чадъ,
 Искусство съ розой ихъ въ одинъ не сводишь садъ.

Злокозненныхъ духовъ не выславляй мнѣ роды;
 Опъ зримыхъ тварей къ нимъ опасны переходы.
 Когда хочу любитьъ учишься опъ людей,
 На что мнѣ общество Русалокъ и чершей? (216)
 Смѣюся часто въ слухъ (нимало я не спорю)
 Французскихъ Трагиковъ *подбору словъ и горю.* (217)
 Тамъ Мельпомены рѣчь — жеманный Мадригалъ,
 И часто погружень въ ручей шоски кинжалъ;
 Къ опечеству любовь, героевъ мудрыхъ спраспи
 Преобращаюся въ паспушечьи напаспи. (218)
 Согласень, — нужды нѣшь эклоги жалкій спонъ
 Сажашъ въ Трагедіяхъ на *Антиоховъ* пронъ. (219)

Въ угодность испинѣ, разсудку, Мельпоменѣ,
 Единство узла, спраспъ и вкусъ — Цари на сценѣ.
 Пуспъ Герміона мечъ, опмщеніемъ горя,
 Подымешъ въ бѣщенствѣ на милаго Царя,
 Иль въ *Родогунт* машъ коварнымъ сердцемъ, взглядомъ
 Готовишь сыновьямъ, невѣспкѣ чашу съ ядомъ,
 И въ злобной ярости лишенная ума,
 Для кровныхъ пагубы, отправу пьешъ сама. (220)

Иные жалуютъ пожары, кровь, безчинство;
Въ завязкѣ Драмъ, пѣвецъ, всегда блюди единство.
Слѣща увѣчнаго напаси жалко зрѣшь,—
Въ искусствахъ должно ихъ принаровишь умѣшь.
Знай, — бредишь и во снѣ запрещено Поэшу;
Нашуры мудрой онъ послѣдуя совѣшу,
Одно изящное предметомъ изберешь,
Безскладныхъ небылицъ не выпустишь на свѣшь.

Коль объ искусствѣ рѣчь,—хвала и честь Французамъ,
Что Греческимъ они не измѣнили Музамъ;
Пускай оковами ослабили полешъ,—
Къ воспоргамъ, ужасамъ не поперяли слѣдъ; (221)
Пускай приличіемъ нашуру крѣпко сжали, (222)
И часто *ахъ! увы!* не къ спашу распочали,—
Избравъ изящныя природы красоты,
Избѣгли дикія на сценѣ песноты.
Тамъ могутъ зришеля, завязкою владѣя,
О добрыхъ слезы лишь, гнушаяся злодѣя,
И сожалѣніе, благодаря пѣвцу,
Склоняшъ къ достойному въ несчастіяхъ лицу.

О подражаніяхъ и правилахъ ни слова; (223)
Коль Авшоръ чувствомъ полнъ, — Трагедія гошова.
Разнообразія многоцвѣтисный узлъ
Для сердца и ума чинашелева шусклъ.

Представь мнѣ бышіе въ случаѣ вѣроятномъ,
Безъ напыщенія высококомъ, но понятиномъ;
Коль хочешь, съ лицами въ окрестностяхъ гуляй,
Петра на *Клешино* съ *Москвы* переселяй; (224)
Забывъ Великаго, не мчися на долины
Узрѣшь свиданіе съ *Разстригою Марины*;
Къ единому Петру любовію гори,
Въ Кремль между спрѣльцовъ его опасность зри;
Коль пягопишь себя часовъ коропкихъ бремя,
Прибавь для дѣйствія еще на суши время. (225)

Пусть Аристошеля виняшь, сугубя рѣчь, (226)
Что правилами онъ опвергъ Поэша мечъ,
Что правила пѣвцамъ пвердя одно и шже,
И Драмъ, какъ рѣкамъ, ошпепеняющъ ложе;
Твоя Трагедія, пусть въ правилахъ она,
Коль безъ огня и чувствъ, окажется дурна.

Какъ Волга мощная изъ берега выпшупаетъ,
Въ знакомыхъ ей мѣсшахъ вновь опрасли раждаетъ, —
Поэшь, воспоргами одушевленъ, пари,
На зрѣлищѣ искусствъ изобрѣшай, швори.

Такъ, Аристошель былъ наперсникъ Музъ, Минервы,
И въ Драмахъ правила ушановишель первый;
Пусть славень и премудръ, — обрѣль не первый онъ
Единшва спрогаго въ Трагедіяхъ законъ,

Который не мечта Платона, Эпикура,—
 Родила прежде лишь сама его натура,
 И вечно царствуя въ превыспреннихъ мірахъ,
 У челоѡковъ онъ напечатлѣнъ въ сердцахъ.

Безсложность узла, чувствъ въ Поэзіи прелестной—
 Для всѣхъ родовъ законъ съ природою совмѣстной;
 И Аристоклель самъ свои уставы ввелъ,
 Когда на зрѣлищахъ уже единство зрѣлъ.

Порядокъ дѣйствія, объемъ творенья цѣлый—
 Искусства мудрый плодъ и Музы плодъ созрѣлый;
 Для соблюденія законовъ естества
 Къ узлу принарови ты лицъ своихъ слова.

Олимпа ль горняго, въ чертогъ ль Мельпомены,
 Въ Комедіяхъ, гдѣ зримъ прослододимовъ сцены,
 Сцѣпленью узла, свойствъ дай полную ты власшь, (227)
 Одна господствуетъ у Музы каждой спрасшь;
 Свободы буйственной не пользуйся закономъ,
 И сарца дряхлаго не дѣлай Купидономъ,
 Мопашь и щегольству не научи скупца,
 Въ Обжоркиныхъ не зри поспящихся лица.

Пѣвцу завязки ходъ не сошворишь препоны,
 Любовью окриленъ, онъ пишетъ самъ законы;
 Для челоѡчества Омиръ въ стихахъ прольешь
 Священный идеаль, воспорга чистый свѣтъ.

Пѣвецъ грядешъ въ свой пупъ съ избыткомъ
размышлений;

Подъ сѣнью чистыхъ дѣвъ и въ подвигъ вдохновеній
Онъ знаетъ, чувствуетъ по сердцу и уму,
Все къ цѣли клонится, къ началу своему.

Поэтъ — премудрости высокій исполнишель — (228)

Не будетъ никогда чужихъ слѣдовъ блюститишель,
Гнушается оковъ могучій исполинъ,
Въ столичныхъ городахъ, при шумѣ водъ одинъ,
Одинъ и прежде былъ, и будетъ самъ собою,
Онъ счастливъ, и рожденъ восшорга подъ звѣздою;
Невольникъ пламенный владыки своего,
Опрочь изящнаго, не видишь ничего,
Ни Аришотеля не знаешъ, ни Марона;
Доспигнувъ съ Лирою на холмы Геликона,
Самъ видишь, чувствуетъ, своимъ огнемъ горишь,
Природой вдохновенъ, онъ снова самъ творишь;
И Ломоносовъ нашъ, въ одной съ пѣвцами сферѣ
Паря, гремишь вѣкамъ безъ справки о Гомерѣ.

Но собственность пѣвцовъ — гдѣ гнѣздишься она?

Различныхъ ли родовъ создателямъ дана?

И такъ не многіе владыки шалисмана?

Иль имя Визина, Мольера, Шеридана

Между великими не можетъ возблистать?

Ошличнаго пѣвца гдѣ вывѣска, печашъ?

Иль подражатели, ты мыслишь, Мольеры,
Расинъ, де-Лафоншенъ, и Шиллеръ, и Волперы?
Изобрѣшательми не могутъ естли бышь,
Впороспешенныхъ въ рядъ уже ли имъ вступишь?
Ахъ, нѣшь! изящнаго, подобно предкамъ, слуги;
Искусства мудраго для нихъ сіяютъ круги;
Открывъ въ себѣ самихъ блескъ новыя зари,
Поспигли собственность сердецъ своихъ внутри. (229)

Для подраженія пославлены законы.

Коль нравящся инымъ и Гете и Байроны, (230)
Не должно запрещать Софокла полюбишь
И подражашелемъ ему, Расину бышь.

Въ искусствахъ, гдѣ воспоргъ и красота природы,
Объ формахъ рѣчи нѣшь, спраны исчезли, годы; (231)
Забывъ о временахъ и превосходствѣ правъ,
Поэшы — чада Музъ — храня даровъ уславъ,
Безъ прешкновенія приносятъ Фебу дани,
Алцей — Элады сынъ, Державинъ — сынъ Казани;
Въ безсмертномъ поприщѣ они равно текутъ,
И съ лавра одного листокъ зеленый рвутъ.

Гдѣ съ Музою Маронъ, — умолкъ глаголь искусства,
Воспоргъ внушаетъ рѣчь и сердце силу чувства.
Поэшь шворишь, ему природа идеаль;
Пускай Горация, Расина прочитай,

Свое богатство онъ съ потомствомъ раздѣляешъ,
И мысли новыя и рѣчи оживляешъ;
Донскаго кажешъ мнѣ разящаго враговъ,
Являешъ мужество опечеснѣва сыновъ;
Разврата злобнаго пріявъ Мазепа нравы,
Падешъ въ пучину золь, увидя лучъ Полшавы.
Природную красу своей земли родной
Писателъ огласишъ, возвыся голосъ свой.
Герои были, есмь въ Аѳинахъ и Парижѣ, (232)
Но къ сердцу Рускаго Пожарскій, Мининъ ближе.
Любя опечеснѣво, буквальныйкомъ не будь,
Не преринай пѣвцамъ искусствъ свободный пушь,
Рисуй, коль даръ въ тебѣ, писателецъ Аполлона,
По волѣ, Регула, Сократа иль Капона,
Къ великимъ именамъ присвой духъ сродный имъ,
Веди чисташелей въ Аѳины или Римъ.
Герои всѣхъ земель даряшъ вѣнцы Поэту;
Прелестныя стихи не бросаешъ Музы въ Лету.
Знай, — собственность пѣвца чисташелямъ ясна,
Коль свѣшлой мыслию и чувствъ огнемъ полна;
Поэшь, намъ славныхъ дѣлъ являя благородство,
Своихъ душевныхъ чувствъ покажешъ превосходство;
Не имя громкое роднаго мнѣ лица (233)
Воспламенишъ умы и умягчишъ сердца.

Пускай Аблесимовъ себѣ вѣнецъ доставилъ, (234)
И Рускій Водевиль для Рускаго представилъ;
Онъ подлинникъ не шѣмъ, что взялъ съ крестьянъ покрой,
Но придалъ дѣйствіе, языкъ, обычай свой.

Поэша цѣль—обрѣспь изящную природу,
Искусно землю намъ представилъ, швердь и воду,
Счастливо выразилъ желаемый предметъ,
Безъ розыска, кто онъ, домашній или нѣтъ;
Зачѣмъ чинашелю брашь справку мѣстъ и чина?
Въ Донъ-Карлосѣ являй Царя—опца и сына.
Пускай Филиппъ Впорый—Гишпанскій былъ Король, (235)
Ревнивымъ, мрачнымъ ты его писашь изволь.

Высокихъ вымысловъ обогащаясь дарами,
Плѣняй умомъ, рази стиховъ своихъ стрѣлами.
Кто собственнo Поэшь? гдѣ онъ?—зря мѣръ въ борьбѣ, (236)
Пуешь далеко парилъ другъ Музъ,—онъ самъ въ себѣ.
Высокимъ образцомъ Маронъ одушевленный
Не будешь подлый рабъ, ничтожный и презрѣнный;
Онъ самъ единственный, самъ мужъ, свой носишь мечъ,
Въ чинашеляхъ сердца умѣешь самъ зажечь.
Не въ формахъ, правилахъ полещь—душа искусства;
Вопросъ, коль ты Расинъ,—являй свои намъ чувства;
Желая сблизиться къ позднѣйшимъ временамъ,
Ты къ лицамъ громкій стихъ присвой,—не къ именамъ;

Коль Рускому въ урокъ пріятна предковъ слава,
Великостъ опиши подъ именемъ Синава, (237)
И коль тебѣ не миль за *Дарія* вѣнецъ, (238)
Да будешь швой Синавъ попомству образецъ;
Вели и дѣйствовашь, и мыслишь благородно,
И рѣчь высокую пролишь въ сердца свободно.

Горацій съ Музою бесѣдуя своею,
Уже ли подвиги героевъ и Царей
На лирѣ громкой пѣшь безъ успали обязанъ?
Однообразіемъ среди прудовъ не связанъ;
Онъ зришь на тронѣ звѣздъ величіе Творца,
Проникнешь смершнаго и шайны и сердца,
Фіалку съ розою среди полей срѣшаешь,
Зефира съ Флорою при Фебѣ сочешаешь,
Въ разлукъ милую и чувствуешь и зришь,
Не видя предъ собой, *съ ней сердцець говоритъ*. (239)

Поэшь, проникнувъ духъ и Тасса и Мильшона, (240)
Шекспира, Шиллера, Расина и Марона,
Безъ страха призраковъ грядешь среди ночей,
И мнишь: „вошь зарево сіяющихъ лучей!“
Онъ духа полнъ, гошовъ. . . . средь голубаго свода
Предшала предъ него шворенья машь—природа,
Онъ ждешь орудія, внимая сердца кликъ,
Орудіе его, печашь даровъ — языкъ. (241)

Въщаетъ Флаккъ: „шалантъ безъ опыта наскучишь,
Высокій даръ пѣвца Грамматики не учишь; (242)
Чишашель разсуждашь не пушишься о томъ,
Что думалъ ты, но какъ написано перомъ.“

Ты спросишь: кто законъ писателямъ пославилъ?
А я примолвишь радъ: искусства нѣтъ безъ правилъ.
Угодно ли, — и рѣчь не сочешай въ стихахъ,
Иль Дакшили одни разсышь въ своихъ сполахъ,
Но правильно склоняй всѣ падежи, глаголы;
Бѣда пѣвцу, коль онъ ударится въ расколы;
Не будешь никогда писатель шомъ великъ,
Кто дикій, песпрый ли создасъ для насъ языкъ. (243)

Богащій чувствами и мысли красою
Виргилій славился и слога чистотою;
Поэтъ — мудрецъ, спремясь попомнива духъ привлечь,
Умно и правильно располагаешь рѣчь, —
Чтобъ слово мѣсто взявъ свое, а не чужое,
Сокровище лило далече золошее,
Чтобъ звукъ, похища смыслъ, предметы рисовалъ,
Поняшью ясному цвѣшь жизни придавалъ.
Чредою времена сполѣшья сокрушающъ, —
Сіяя прелесшью, стихи не умирающъ;
Народовъ многихъ блескъ не избѣжалъ гробовъ,
Но живъ, плѣняешь насъ духъ пламенныхъ пѣвцовъ;

Въ различныхъ племенахъ поднесъ плодящся спроки,
Копорья вѣщаль Флаккъ Римлянамъ въ уроки.
Когда природою воспитанный пѣвецъ
Не будешь, въ гробъ сойдя, воспламенять сердца,
Не будешь прелестью потомковъ позднихъ міра;
Онъ самъ въ томъ виновашъ, — не Музы и не Лира.
Искусство въ языкѣ лишь можешь право дать
Поэту мудрому вѣками обладашъ. (244)

Ловя случайные въ госпипныхъ разговоры,
Съ запасомъ новыхъ словъ иной лепя на горы,
Кричишь: „не надобенъ Грамматики законъ,
Мнѣ свѣпскій разговоръ здѣсь вождь и Аполлонъ;
На что кудрявыя искашь въ рѣчахъ зашѣи?
Чишающъ иноки пусть Свящцы и Миней;
Я щегольскимъ пишу *Советы* языкомъ,
Я сладостраспныхъ Музъ привыкъ владѣшь перомъ;
Мнѣ междометія, союзы и предлоги
Къ соблазну чистыхъ дѣвъ не заградяшь дороги;
Я проповѣдникъ спалъ пріятныхъ свѣпскихъ думъ,
Я милыхъ и друзей ловлю, осѣпша, умъ.
Смотрише, — славные писательми Французы,
Копорыхъ лаврами давно вѣнчали Музы,
Рисуюшь ли Амуръ, паспушку, поржесшва,
Все шѣже и однѣ кладушь въ спихи слова;

Они *чела, крамоль, или коня* не слышуть, (245)

Изъ почки въ почку вѣкъ и говоряшь и пишуть.“

Какъ горь владыка, царь—безмѣрный Чашырдахъ, (246)

Копорый внемля гласъ, гремящій въ небесахъ,

Надзвѣздной арфы звукъ передаетъ опшюль,

Съ вершины грозныя на золотое поле:

И *книжный* нашъ языкъ такъ ясенъ, быспрь и чиспъ,

Подземныхъ сводовъ вой и наглый вѣпировъ свиспъ,

Разнообразя шѣнь игривыхъ словъ, надменныхъ,

Умѣешъ посшавляшь въ каршинахъ перемѣнныхъ,

Научишь, гдѣ слова укладывашъ подъ спашъ

И сколь ихъ мудрено Поэшу сочешашъ.

Слогъ описательный, слогъ хипрый зубоскаловъ,

Слогъ спрасши, разговоръ, слогъ нѣжный Мадригаловъ,

Приличіе, законъ, языкъ имѣюшъ свой;

Писашель, пользуйся опливомъ словъ, игрой.

Крыловъ нашъ говоришь, что Фока самъ въ охапку, (247)

И опъ уши бѣжишь, схватя кушакъ и шапку.

Еспешивень, милъ и проспъ у Баснописца спихъ;

Поэшь, шы рѣчи лицъ прилади къ нравамъ ихъ.

Когда суровый Пирръ въ охапку *шлемъ* ухватитъ,

Поэшь насмѣшнику не дешево заплашишь.

Въ досаду правды, слогъ безъ шолку не песпри,

Согласно съ Музою на лиръ говори;

Должны еспешвенно бесѣдовать всѣмъ лицы,
У слога каждаго свой образъ и границы.

Смотри, не презирай и корня языковъ,
Изслѣдуй въшвы ихъ, роспки старинныхъ словъ,
Поспигни первыхъ лѣтъ зародокъ, блескъ поняшій, (248)
И правилъ надобность, и времена изъясшій;
Коль мудрость испышалъ и силу языка,
На Геликона верхъ шебъ спезя легка.
Невѣжда иногда объ мудрости мечтаетъ,
И въ языкѣ одномъ два языка считаешъ;
Ты смѣло утверждай, — у насъ одинъ языкъ
И звученъ, и легокъ, и ясенъ, и великъ;
Славянскій, Рускій ли, — корни пустилъ глубоко,
Въшвь плодоносную распространилъ широко,
И поздней смерти чуждъ и старости морщинъ,
Упешъ недвижимый, споишъ, какъ исполинъ.

Когда внимаемъ рѣчь Филлидъ своихъ въ уборной,
Обыкновенный по языкъ и разговорной;
Онъ наглъ, свободенъ, быспрь подобно какъ молва,
Онъ часто подхвапня чужихъ земель слова,
Безъ размышленія поймавъ, въ печашъ посшавилъ,
Спѣша все высказашъ, не наблюдаешъ правилъ;
Имъ сосполянъя всѣмъ и полы говоряшъ,
Толкуя, хвасшаюшъ, моля, благодаряшъ;

Какъ молнія изъ усь въ уста перелепаетъ,
Подъ часъ хромаешъ онъ, — нервѣдко вырастаетъ;
Непостоянства рабъ — ошь множества убранныхъ
Не можешъ пробѣгать безчисленныхъ про-
странствъ. (249)

Пѣвецъ — воспорга сынъ, сынъ щедрья природы,
Поспигнувъ разныя въ искусстввахъ переходы,
На Геликонѣ свой укореня слѣдъ,
Духъ слова книжнаго свѣшльникомъ берешъ;
Не только звучности и слога почишашель,
Склоненій правильныхъ онъ спрогій наблюдашель,
Печешся, чшобы мысль приличіемъ рѣчей
Украсилась, какъ день сіяніемъ лучей,
Чшобы швореніе простое, благородно,
Съ начала до конца текло рѣкой свободно,
Чшобъ громкій, пламенный, шупливый, быспрый слогъ
Въ надушость, низость ли переходить не могъ, (250)
И каждое въ стихахъ обдуманное слово
Чишашелю всегда казалось мило, ново,
Которое другимъ не можно замѣспить;
Умѣй, плѣняя смыслъ, бышь яснымъ, слуху льспить.

Пѣвецъ! опвергни шолкъ старинный и облыжный,
Что будешъ шаръ языкъ и коренный и книжный.
Расинъ уже писалъ едва ль не двѣсти лѣтъ,
Но въ слогъ у него морщинъ старинныхъ нѣтъ;

Европа цѣлая дары Расина знаетъ,
И наизустъ стихи вседневно вспоминаетъ.
Когда природой данъ пѣвцу опличный даръ,
Не можетъ охладѣшь его въ Поэзии жаръ.
Употребленіе Царь; безспорно это, ясно,
И опровергнешь легко сомнѣніе напрасно.
Изъ разговорнаго ты въ книжный слогъ лови
Слова знакомыя тебѣ, и обнови; (251)
Но слога книжнаго, Поэтъ, блюди основу,
Въ Бояновъ плащъ свою не наряди обнову;
Въ ней крапкосъ, правильность коль хочешь показашь,
Умѣй два языка въ одинъ пучокъ связашь, —
Чтобы читатели, стихи купя охотно,
Могли ихъ понимать легко и беззаботно.

При дарованіяхъ, при знаньи языка,
Пусть не спрашивъ себя забвенія рѣка,
Пусть не чуждаенся предсечь своихъ и правилъ, —
Все мало, если Фебъ таланта не доставилъ
Любимцемъ искреннимъ бышь современныхъ Музъ;
Узнай соотчичей привычки, духъ и вкусъ. (252)
Коль обществу описашь намѣренъ ты забавы,
Блуди приличіе, блуди языкъ и нравы;
Коль хочешь нѣсколько потомство приласкашь,
Пекись языкъ у Музъ прелестныхъ опыткашь;

Пріюпть вездѣ найдешь, и въ повѣспяхъ старинныхъ,
Но *прелести дворецъ* въ уборныхъ и госпниныхъ.
Анакреонъ, и Флаккъ, Волперъ, и Шолію,
Нашъ Душеньки пѣвецъ ей въ очередь свою
И благовоніе и жершву приносили,
Улыбку за шаланшъ въ награду изпросили.
Пиши красавицѣ привѣспшіе, любовь,
Ошнюдь не предспавляй гробá, убійспво, кровь, (253)
Ты прелесшъ милую, ревнуя, напугаешь;
Коль рѣзвосшъ иногда спихами предлагаешь,
Не заспавляй своей Филиды покраснѣшъ,
Смотри, не выдавай за бриліаншы мѣдь;
Пусшъ Музы въ праздники порой играюшъ *въ фантъ*,
Ихъ забавляешъ Фебъ, не площадные *франтъ*. (254)

Но мнѣ ль о вкусѣ пѣшъ, давашъ другимъ урокъ?
Фернейскій оспрословъ, насмѣшливый пророкъ —
Волперъ посспроилъ храмъ для вкуса, какъ извѣспно;
Его швореніе пускай умно, прелеспно, —
Учишеля пѣвцовъ названья не прощу,
Что долго думалъ я, — при спаросши пишу;
Пишомцамъ юнымъ Музъ законовъ не вѣщаю,
Послѣдній лиры звукъ имъ въ жершву посвящаю. (255)

ПРИМЪЧАНІЯ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я

К О В Т О Р О М У Т О М У.

1. *Свѣтило наше къ намъ отъ Юга возвратилось.*

Благоденшвіе Европы было сочинено по случаю избавленія ошъ ига Наполеона въ 1814 году. Оно въ первый разъ напечатано при возвращеніи Императора въ Петрополь послѣ вшоричнаго покоренія Парижа, въ 1816-мъ году. См. Оду: *АЛЕКСАНДРЪ I-й въ Парижѣ*, Т. I-й, стр. 200. Пошомъ находилось въ изданіи 1818 года, а въ послѣднемъ изданіи 1821 года прибавлено описаніе Кульмскаго сраженія.

2. *И плодъ свой принести Твоей улыбки ждутъ.*

Авторъ разумѣлъ бракосочетаніе вдовспвующей Принцессы Олденбургской, покойной Великой Княгини Екатерины Павловны съ Королемъ Виршембергскимъ,

см. Посланіе на смерть Ея въ 3-мъ Томѣ, и въ то же время бракосочетаніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анны Павловны съ Ею Королевскимъ Высочествомъ наследнымъ Голландскимъ Принцемъ.

3. *Тебѣ спасать одинъ остался Сіонъ.*

Сей спихъ въ свое время могъ опношиться къ войнѣ съ Турками для освобожденія Греціи; но Благословенный, не взирая на вѣроломство чада Агари (см. Манифестъ 1827 года) усмирилъ, шолько послѣ низложенія Наполеона, Персіанъ.

4. *Праздникъ Благости* совершился при Дворѣ Февраля 4-го дня 1822 года. Императрица Марія Теодоровна, по случаю нахождения здѣсь Государыни Великой Княгини, владѣтельной Великой Герцогини Веймарской Марии Павловны, соблаговолила дать въ присушствіи Императорской фамилии въ зимнемъ Дворцѣ великолѣпный праздникъ, на который приглашены были всѣ чужезспранные Министры, обоого пола знанѣйшіе особы и придворные чины до пяписотъ человекъ. См. описаніе онаго въ газетѣ *le Conservateur Impartial* No 14 и въ особливомъ изданіи опъ Высочайшаго Двора *la Representation de la fête donnée par Sa Majesté l'Impératrice Marie Theodorowna le 4 Février etc.*

5. *Пѣль Богдановицъ намъ любви божество.*

Ипполиппъ Теодоровичъ Богдановичъ, Россійской Академіи членъ, сочинилъ образцовой Поэмы: *Душенька*.

6. *Дерзаю праздникъ пѣть единственнѣй, прелестнѣй.*

Le Conservateur No 14 придаетъ имя единственнаго шоржесшву Февраля 4-го.

7. *Предъ выходомъ Двора всѣ гости собирались.*

Приглашеннымъ госпямъ повѣщено было имѣшь прїѣздъ съ Дворцовой площади, бышь въ маскарадномъ платьѣ и съ маскою въ рукѣ.

8. *А это съ Сейны Парижанки!*

Супруга бывшаго тогда Французскаго Посла, Графиня Ла-Фероне одѣша была Рускою Ярославскою поселянкою.

9. *Я видѣлъ внука Екатерины.*

См. въ сочиненіяхъ Державина сшихошвореніе его къ Харитамъ.

10. *Ногами бурными илз терный попирая.*

Выраженіе: *ногами бурными*, почерпнушо у Ломоносова. См. 6-ю его Оду.

11. *Супруга нѣжная лукаваго Царя.*

Авшоръ, описывая здѣсь живыя каршины, коихъ содержаніе большею часшю историческое, соображался съ предспавляемыми въ оныхъ произшешіями. Онъ руководспвовался Программою на сей случай опъ Двора раздаващеюся и не осмѣлился помѣсшишь именъ знаменишѣйшихъ обоого пола особъ, сосспавлявшихъ купы (группы) въ каршинахъ, шѣмъ болѣе, что они уже поименованы въ газетѣ и въ вышеозначенномъ изданіи *La Representation de la fête.*

12. *Тамъ ловко Теніеръ намъ ярмонку являетъ.*

Каршина Теніерова, изображающая ярмонку, была удачно предспавлена аршисшами Имперашорскаго Двора. См. *La Representation de la fête*, и проч.

13. *Вновь тудеса узрѣтъ, въ извѣстный бѣлый залъ.*

Такъ называется комнаша, гдѣ въ шоржесшвенные дни даюшся придворные балы.

14. *Покрѣты небеса*

Ночною темнотою.

Предъ Флоріановымъ Романсомъ была пѣша на Русскомъ языкѣ изъ Анакреона Ода нашего Ломоносова.

15. *Хвалили Флоріана.*

Извѣстный Французскій писатель XVIII столѣтія, сочинитель Басенъ, Повѣстей и Романсовъ.

16. *Возможно ль лирнаго мнѣ не возвыситъ гласа?*

См. Программу. Послѣ ужина предсавлялась аршисшами Императорскаго Двора Шарада: *Перистиль*, въ коей аршисшы, зачавъ ходъ свой, изображали въ разныхъ лицахъ заслуги нашихъ знаменишыхъ пѣвцовъ, уже на свѣшѣ не сущесивующихъ.

17. *И въ прозѣ Лафонтенъ, всѣ знаютъ, что усталъ.*

Безсмершный Французскій Баснописецъ описывалъ при Людовикѣ XIV Версальскіе праздники, прозою съ присовокупленіемъ индѣ стиховъ изъ повѣсти Апулея о Душенькѣ.

18. *Тебѣ вся похвала: Суворовъ побѣдихъ.*

На медали въ честь Суворова, по повелѣнію Екатерины II-й, выбишой, находящая надпись: *Побѣдихъ*. Изображеніе сей медали награвировано въ 1827 году. См. въ одной книжкѣ издаваемаго *Славянина* и также письмо къ издашелямъ *Невскаго Зрителя*, напечатанное въ 5-й кн. сего Журнала 1823 года.

19. *Достойное себя тебѣ онъ имя далъ.*

Смиреномудрый военачальникъ Принцъ Кобургскій послѣ побѣды при Рымникѣ, въ коей онъ имѣлъ участіе, всегда называлъ Суворова своимъ Учишелемъ.

20. *Пусть нѣкогда судьба его изсушитъ токъ.*

Извѣстно, что Генераллиссимусъ скончался 1800 года 6-го Маія. Судьбѣ угодно было, чтобы сынъ сего великаго героя въ мирное время пощонулъ 1805 года весною въ рѣкѣ Рымникѣ, кошорый лѣшомъ бываешъ очень мѣлководенъ. Англичане писали въ газетсахъ, что *Генералъ-Маіоръ Князь Италійскій потонулъ въ славу своего отца*. Авторъ сочинилъ на кончину сего родственника своего слѣдующее надгробіе:

О смертнаго предѣлъ! о таинство! о страхъ!

Гдѣ лавръ отцу возросъ, тамъ гибнетъ сынъ въ волнахъ!

21. *Что шагъ, то торжество, то бой, то лавръ побѣдъ.*

Сочинишель имѣлъ удовольствіе видѣшь подражаніе сему стиху въ одномъ Посланіи ошличнаго стихошворца, напечатанномъ въ 1815 году:

Стѣною рать; то шагъ, то бой, то бой, то течь.

22. *Великимъ подвигомъ возвышенный, — не рокомъ.*

При жизни безсмертнаго героя, завистники его славы приписывали большую часть его побѣдъ, особливо первыхъ, слѣпому случаю или счастью. Онъ доказалъ, что всѣ огромныя шипла, имъ полученныя при *Екатеринѣ II-й* и при *Павлѣ I-мъ* за *Ишаланскую кампанію*, суть досшойныя и справедливыя для пользы ошечесшва и славы вѣнценосцевъ награды.

23. *Не должно Критики Поэту избѣгать.*

Правила въ шрехъ Посланіяхъ о Кришикѣ почерпнушы большею частью изъ глубокомысленнаго *Попіева шворенія: Essai sur la critique*, кошорое стихами переведено почшеннымъ сочленомъ моимъ по *Россійской Академіи*, *Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ Шихмашовымъ*.

Сочинишель, зная всю важность сей части, необходимой для усовершенствованія вкуса, изложилъ главные оной предметы и показалъ различіе между справедливымъ и несправедливымъ судіею о произведеніяхъ словесности. Пѣвецъ Кубры при самомъ появленіи своемъ на Парнассъ началъ заботиться о Кришикѣ, кошорой тогда совершенно не было. См. стихотвореніе: *Совѣтъ питомцамъ Музъ*, въ первый разъ напечатанное въ концѣ сего 2-го Тома, гдѣ въ 1-мъ Посланіи Авторъ говоритъ, что онъ первый спалъ заботиться о Кришикѣ.

24. *Не опаляетъ лицъ, не тяжело для очей.*

Словесность наша имѣетъ довольно знаменитыхъ писателей. Въ сочиненіяхъ Ломоносова есть такая мѣста, кошорыя силою и красотою равняются съ произведеніями древнихъ и новѣйшихъ образцовыхъ Поэтовъ, на примѣръ:

*Тогда со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно Океанъ;
Тамъ огненны валы стремятся,
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.*

Г. Маршосъ, славный ваятель памятника Ломоносову, кошорый оплилъ въ мѣди, въ С. Пешербургѣ 1828 года, избралъ минушу, когда Ломоносовъ сочинялъ сей куплетъ и предсхавилъ Сѣвернаго Лирика погруженнымъ въ задумчивость и воспоргъ при сочиненіи онаго. Вошь, кажешся, доспашочное доказательство, что знаменитый Поэтъ, знающій основательно свой языкъ, никогда не

соспарѣется. Я въ сихъ 8-ми стихахъ, копорымъ, по ишинѣ, удивляюсь, могу шолько замѣшишь одну небреж-носшь: *борющисъ*. См. въ семь Томѣ Посланіе 3-е о *Критикѣ*.

25. *Съ богами говоритъ не должно безтолково.*

Нѣкопорые Зоилы сей стихъ замѣчали, спраши-вая: *естьли не съ богами, такъ не уже ли съ людьми дол-жно говоритъ безтолково? Какъ будто съ кѣмъ нибудь необходимо?* Пускай и съ шѣми и съ другими, даже въ подобныхъ сужденіяхъ, всякой говоришь какъ хочешъ. Здѣсь разумѣющся шѣ шолько превыспренніе Шипшы, копорые, наслышась о Поэзіи, какъ о языкѣ боговъ, мечшаюшъ съ ними шакъ бесѣдоваши, чшо къ посшиже-нію мыслей ихъ не доспаешъ силъ человѣческихъ. Впро-чемъ мысль сего Посланія заключаешся въ шомъ, чшо намъ, при шоликомъ богашсшвѣ образцевъ, *пора*, шо ешъ, насшало время для пользы прекраснаго языка нашего разобрашъ кришически Ломоносова, Державина, Пе-шрова, Косшрова, Богдановича и другихъ, моихъ знаме-нишыхъ современниковъ.

26. *Витійственную мысль толкуетъ на алвонѣ.*

См. Лицей Лагарповъ подъ спашьею Jean Baptiste Rousseau.

27. *Снѣгами, мразами, мятельми ополтенну.*

Россіяда Хераскова, пѣснь VII.

28. *Порфирородному предъ колыбель дары.*

Ода: на рожденіе Порфиророднаго отрока на Сѣверѣ; соч. Г. Державина, Т. 3, и на шомъ же случай Г. Пе-шрова, гдѣ находяшся слѣдующіе стихи:

Вы, Граціи, дитя повеите,

Катайте Музы колыбель.

29. *Какъ свой Фелица взоръ съ молитвой возносила.*

Фелица, соч. Г. Державина, Т. I-й.

30. *Тамъ водопадъ горы алмазной видъ приеѣмлетъ.*

Водопадъ, соч. Г. Державина, Т. I-й. Кришика рано или поздно скажешь же, что гора, особливо алмазная, сыпашься не можешь.

31. *Тамъ лѣдъ клокогетъ, ржетъ.*

Ода Ломоносова.

32. *А тамъ Петрополь дремлетъ!*

Видѣніе Фелицы, соч. Г. Державина, Т. I-й. Авшоръ весьма сожалѣешь, что выбранные имъ въ образецъ стихи знаменишаго Державина подвергающяся справедливой Кришикѣ. Уже сказано было, что гора, особливо алмазная, сыпашься не можешь; шожѣ самое повшоряешя и о Петрополѣ, кошорый у Авшора съ башнями дремлетъ. Неоспоримо, что у Поэша городъ дремашь можешь, но придашочное (съ башнями) совсѣмъ не нужно, ибо зашмѣваешь мысль; цѣлое при какомъ нибудь дѣйствіи не шребуешь исчисленія часшей.

33. *Нитто, какъ во златомъ окладѣ истуканъ.*

См. *Оду: Князю Потемкину*, соч. Г. Пешрова 1775 года.

34. *Оскольдъ и Ростиславъ и гордая Селира.*

Можно ушвердишь, что *Селира* не шолько между Трагедіями Г. Сумарокова, но и сама по себѣ еспь хорошее швореніе по завязкѣ и по харакшерамъ своимъ; въ ней слогъ меньше сосшарѣлся, нежели въ другихъ его швореніяхъ. Впрочемъ Авшору сего Посланія скучно повшоряшь, что онъ не полагая Г. Сумарокова въ числѣ образцовыхъ писашелей, признаешь его за Поэша, оказавшаго большія услуги нашей Словесности и особенно нашему

Театру; относительно же изобрѣшенія, вкуса и языка сего знаменишаго Поэта, заключаешь словами:

Гремѣла на зарѣ его въ Россіи лира.

35. *И новылъ Бавіалъ даритъ вѣнцы лавровы.*

Бавій, имя одного дурнаго стихотворца, котораго *Виргилій* вывелъ изъ забвенія симъ стихомъ:

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi.

то ешь:

Пускай, *Мевій*, пошь любишь швои стихи, кшо не ненавидишь *Бавія*.

36. *Омира своему питомцу подарилъ.*

Ариспощель первый разсмошрѣлъ швореніе *Омира* и показалъ въ ономъ красоты.

37. *Изъ лавровъ или миртъ приобрѣли вѣнцы.*

У *Французовъ* нѣшь почти ни одного стиха, который бы не былъ раздробленъ (*analysé*), опредѣленъ и оцѣненъ. Ошь сего-шо всегда были и будушь въ великой честии нѣкошорые удачные стихи *Бребефа* и даже *Кощина* и *Прадона*.

38. *Нелѣпный приговоръ твердятъ по всей земли.*

Подобные *Кришки* — изъ всѣхъ золь самое опаснѣйшее для словесности. Не смысла оцѣнишь сочиненіе, не умѣя обратишь на оное вниманія публики, они разносящъ повсюду кривые и вредные свои шолки; и сколько ошь сего погибло сочиненій досшойныхъ? сколько, по крайней мѣрѣ, на время находишся въ забвеніи, и сколько молодыхъ писателей, усшрашенныхъ сими ядовитыми эхиднами, оставили поприще *Поэзии*? Злоба съ безуміемъ похищаешь славу или извѣстность — единственную награду таланшовъ и преграждаешь успѣхи словесности.

Эпо, смѣю сказашь, преступники, достойные всеобщаго омерзенія.

39. *А на угадъ судить легко, но безразсудно.*

Между Пасквилемъ, заключающимъ личность, и Кришикою шакая же разница, какъ между ядомъ и цѣлебнымъ лѣкарствомъ. Авшоръ дополнишь имѣешь, что Кришика ешь оцѣнка сочиненія, предспавляющая красоты или недоспашки онаго, и никогда не заемлешь орудія у злословія или клеветы. Покойный Гаврило Романовичъ шакъ полюбилъ сей стихъ за его легкостъ, что къ чесши Авшора всегда швердилъ оный въ бесѣдѣ и въ приугошовишельныхъ оной чшеніяхъ.

40. *Чье право на Парнасѣ — десятокъ острыхъ словъ.*

Само собою разумѣешь, что сей стихъ ошно-сисся къ шѣмъ особамъ, кошорыя за оспрыя слова собирая себѣ лавры въ госпиныхъ, думаютъ, что они сдѣлалися писателями, или, по крайней мѣрѣ, судьями.

41. *Не рѣдко, смѣлости прекрасныя виня,*

Вѣнчаютъ часто рѣтъ безчувственнаго пня.

Не прошиворѣча правилу Г. Буало о чиспошѣ языка, можно заключишь, что смѣлостъ великаго Поэша шребуешь иногда извиненія. Вошъ примѣръ: *корабль какъ ярыхъ волнъ среди.* Сіе прекрасно, хошя смѣлая красота никогда не обращается въ правило и не можешь служишь предлогомъ къ извиненію подражателей смѣлости.

42. *Безъ нужды перенесъ для риѣмы на Россія.*

Сшоль ужасный приговоръ о Ломоносовѣ случилосъ сочинишелю слышашъ ошъ одного оспряка. Конечно, сія нелѣпостъ совершенно не заслуживала бы вниманія; но какъ подобные шолки не рѣдки, шо въ семъ Посланіи

казалось не бесполезнымъ помѣспишь оную. Сверхъ того см. *Телеграфъ* 1828 года No 16 или 17, гдѣ напечатано о семъ предметѣ безъизвѣстное доселѣ Посланіе стихами покойнаго Элагина. Чрезъ 12 строкъ ось сего стиха въ примѣръ надушосши посшавленъ стихъ:

Гдѣ, въ бездны опершишь, грелитъ на громѣ громъ.

Сей стихъ находишь у одного изъ знаменишихъ нашихъ Лириковъ, см. Каншашу: *Цирцея*. Онъ и здѣсь помѣщается не для укоризны доспохвального Поэша, но для предоспереженія молодыхъ пишомцевъ Музъ, шакже и стихъ, близко ось сего находящійся:

Заставятъ Ангеловъ съ тертями цѣловаться,

мѣшишь на стихъ безсмершнаго Ломоносова:

Цѣлуйтеъ громы съ тишиною.

43. *Цѣвтуцій самый слогъ инате будетъ сухъ.*

Еспьли содержаніе сухо, духъ сочинителя слабъ, и сочиненіе не занимаешъ читателя, шо непременно самый красивый слогъ (flegi) уму и сердцу ничего не скажешъ.

44. *Поэзія страстей по всѣмъ вѣкамъ летаетъ.*

Примѣчаніе на сей стихъ очень сближаешся съ предыдущимъ о разноши, едва ли примѣшной, книжнаго и разговорнаго языковъ. Въ дополненіе Авшоръ присовокупляешъ шолько, что обыкновенный или даже плавный и красивый слогъ сочинителя не дѣлаешъ его Поэшомъ. Поэшъ все видишь и чувспвуешъ самъ собою, и еспьли заимспвуешъ извѣсныя и общія мысли у предшечъ и современниковъ, шо выражаешъ ихъ свойспвеннымъ ему одному образомъ. Безспорно, что каждому писателю слѣдуешъ сохранитъ шочность мыслей и правильность

языка, но это не препятствует ни смелости духа, ни оригинальности мыслей, ни оригинальности в самом слогѣ; ибо оригинальный стихотворецъ есть поэтъ, который каждую мысль и каждое слово, упишавшись идеею своего содержания, дѣлаетъ новыми, чуждаясь заимствования и, такъ сказать, повторенія чужихъ мыслей и чужаго языка. Онъ общее съ другими содержание силою своего дарования дѣлаетъ своимъ собственнымъ. См. 4 Писаніе стихотворенія, называемаго: *Совѣтъ пифолцамъ Музъ*, гдѣ въ примѣчаніяхъ еще съ бѣльшею точностію и усиленіемъ говорится объ оригинальномъ Поэте.

45. *Нашъ долгъ — отъ мудреца Марона разлитать.*

Поэтъ есть проповѣдникъ; швореніе его прославляетъ добродѣтель и посрамляетъ порокъ. Мудрецъ доказываетъ послѣдствіями, — пѣвецъ научаетъ изображеніями. Языкъ перваго есть языкъ книжный; втораго — поэтъ же самый, но, по множеству искусствомъ налагаемыхъ цѣпей, допускаетъ въ оный и языкъ разговорный. Вошъ что и называется *стихотворческая вольность*. Логика и Грамматика необходимы каждому человеку, — еще болѣе писателю. Выше сказано: *съ богами говоритъ не должно безтолково*. Домолвлю, что вкусъ научитъ удачному употребленію вещей и обвѣщальныхъ словъ, и покажетъ едва примѣшную границу между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ, который не иное что есть, какъ поэтъ же самый языкъ, которымъ Мудрецы, Висіи и Стихотворцы пишутъ свои превосходныя шворенія; они, избѣгая невѣжественной и безвкусной вольности прошивъ правильнаго словосочиненія, иногда въ разговорномъ языкѣ допускаемой, основываютъ свой языкъ на языкѣ книжномъ, позволяющъ, для ближайшаго подражанія при-

родѣ, своимъ лицамъ, почерпашъ выраженія изъ языка употребительнаго, кошорымъ лучшее шого времени общество говоришъ въ госшиныхъ.

*46. Я Попе славнаго дерзаю по слѣдамъ;
Пускай онъ Лондону усыноеилъ Омира.*

Попе перевелъ на Англійскій языкъ Гомера и переводъ его многими почишаешся на равнѣ съ подлинникомъ. Авшоръ къ сему примѣчанію прежнихъ изданій съ удовольствіемъ присовокупляешъ, что переводъ Иліады гекзаметрами Н. И. Гнѣдича печашаешся въ Типографіи Россійской Академіи и будешъ вскорѣ или вмѣстѣ съ изданіемъ сего шомъ, къ чести нашего времени, украшашъ книгохранилища нашихъ чипашелей.

*Такъ, Гнѣдичъ, истинно Минервы ученикъ
Со вкусомъ соглашашъ свои труды привыкъ.*

Переводчикъ Иліады ешъ мужъ богатый просвѣщеніемъ. Сверхъ глубокаго его знанія древней и новой словесности, онъ обилуешъ мыслями, соединяемыми съ шонкимъ вкусомъ. Авшоръ за истинное удовольствіе себѣ посшавляешъ сказаши, что онъ ему много одолженъ за совѣшы и поправки, кои онъ дѣлалъ при появленіи переведенной имъ Андромахи Расиновой на публичный Театръ. Кромѣ многихъ стиховъ, кои переводчикъ Андромахи за честь себѣ вмѣнилъ оставиши въ печашныхъ своихъ переводахъ, въ роль Герміоны ешъ прекраснѣйшій стихъ, кошорый не находишся въ изданіяхъ переводчика, и кошорый шочно принадлежишъ Г. Гнѣдичу:

„Ты залилъ кровію пылающую Трою.“

47. Съ Корнеллемъ возносясь, преступника прощашъ.

Въ Трагедіи: Цинна, дѣйствіе 5-е, гдѣ Августъ прощашъ своихъ враговъ.

48. *Съ Расиномъ — Гектора супругу защищаетъ.*

См. Расинову Андромаху, и Ломоносова славный куплешъ:

*Спѣшитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
По холмамъ грозный исполинъ.*

49. *Покровъ, природою сотканный, хитро снять.*

Часно случается, что въ стихахъ Виргилія Марона, по чрезвычайной ихъ простотѣ и естественности, только одинъ пышный значокъ можешь открыть красоты.

50. *Намъ доле — образовать въ обителяхъ священныхъ
Олимпя жителей межъ смертными рожденныхъ.*

Кришикъ обязанъ показашъ пѣ мѣста, кошорья въ сочинилъ истинно достойны похвалы и укрылися ошъ современниковъ по приспращію или невѣжеству.

51. *Такъ, Гнѣдитъ, истинно Минервы утеникъ, и проч.*

См. примѣчаніе 46-е.

52. *Кто дарованье слилъ писателя-творца.*

Сочинилъ при употребленіи однознаменательныхъ: *писателя-творца*, слѣдовалъ правилу Горація, кошорое безусловно принято Французскою словесностію. См. Методической Энциклопедіи Т. II, стран. 659, сшашью: *Ecrivain, Auteur*, гдѣ сказано:

Ces deux mots s'appliquent aux gens de Lettres, qui donnent au public les ouvrages de belles lettres, ou du moins il ne se dit que par rapport au Style. Le second s'applique à tout genre d'ecriture indifferement, il a plus de rapport au fond de l'ouvrage qu'à la forme, de plus il peut se joindre par la particule de aux noms des ouvrages. См. Т. IV Автора при наукѣ стихотворной прим. 1-е.

„Voltaire etc. sont d'excellents écrivains. Descartes et Newton sont des auteurs célèbres: l'auteur de la recherche de la vérité est un écrivain du premier ordre.“ *Par Mr. D'Alambert.*

53. *Попроситъ зло пресѣтъ искусныхъ Оливетовъ.*

Аббашъ Оливешъ, членъ Французской Академіи. Перо его, какъ говоришь де Моншель, было при Расинѣ и Буало самое краснорѣчивое. Онъ много дѣлалъ примѣчаній ошносишельно языка на сшихи безсмершнаго Расина и находилъ въ шрагедіяхъ его погрѣшишельные сшихи.

54. *Гоѳолю тамъ зреть лежащую въ пыли.*

Извѣсно, что Расинова Гоѳоля нѣкошорое время имѣла учасшь нашей Телемахиды. По напечатаніи ея, нѣсколько молодыхъ людей и барынь въ дружеской бесѣдѣ забавлялись различными играми. Одинъ изъ нихъ въ чемъ-шо проспунился и былъ осужденъ къ примѣрному наказанію. По довольномъ разсужденіи о выборѣ онаго, опредѣлили, чшобы онъ прочель первое дѣйсшвіе изъ Гоѳоли. Виновашый, возвращаясь домой, взялъ шрещущими руками роковую Трагедію, прочель ее и былъ пораженъ несказаннымъ удивленіемъ. На другой день осудившіе не преминули спросишь его, въ шочности ли онъ совершилъ эписимію, на него возложенную. Изумленіе объяло всѣхъ, когда услышали, чшо онъ никогда не чувсшвовалъ шакого удовольсшвія, какъ при исполненіи сего наказанія; чшо сія піеса ешь самая лучшая на Французскомъ Театрѣ. Для доказашельсшва онъ началъ чишашъ сшихи изъ оной. Всѣ приведены были въ восхищеніе, и забышая Гоѳоля нашла множесшво обожашельей.

55. *Я пламенѣю весь, услыша звукный гласъ.*

См. эшу же самую идею въ I-мъ Томѣ сего издаанія, во 2-й кн. Ода: *Потомство*, стр. 90.

56. *Народа славнаго пѣвецъ рожденный къ гести!*

Сіе Посланіе: къ *М. В. Ломоносову о рудословіи*, 1819 года 7-го Января въ годовомъ собраніи Минералогическаго С. Пешербургскаго Общества при посѣщителяхъ было читано и напечатано особою книжкою; также и переводъ онаго на Французскій языкъ Графа Григорія Алексѣевича Салтыкова.

57. *Писалъ къ Шувалову о красотѣ стекла.*

Посланіе: къ *Ив. Ив. Шувалову о пользѣ стекла*. См. соч. Ломоносова. Преданіе говоритъ, будто въ рукописяхъ Поэша найдено, что онъ начиналъ свое Посланіе слѣдующимъ образомъ:

Не право мнятъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

58. *Такъ Требра дерзостный, внявъ мудрости законъ,*

Оберъ-Берггаупшманъ во Фрейбергѣ, почешный членъ С. П. Б. Минералогическаго Общества, умершій въ 1818 году.

59. *Такъ Рудословъ Гаю, природы собесѣдникъ.*

Гаю, членъ Парижской Академіи Наукъ, скончался 1822 года. Авторъ нашъ, избѣгая иносманнаго и сложнаго рѣченія *Минералогія*, упошребляешь *Рудословіе* и *Рудословъ*.

60. *Одна лишь кислота родъ оный растворяетъ.*

Плавиковая кислота.

61. *Другой, смокаяся текутей мокротою, и проч.*

Вшорый глинишый.

62. *Среди пространства звѣздъ, зыбей млетныхъ въ рѣку.*

Есшешвоиспышашели полагаюшъ, что камни, съ воздуха падающіе на землю, находяшся въ огнедышущихъ горахъ луны. Иные ушверждаюшъ, что ихъ происхожде-

ніе опыскивашь должно въ системѣ пути млетнаго, а прешьи, что мешаллическія часпицы кобольша, никкеля и другихъ, въ самыхъ шонкихъ видахъ подымаяся, доспигаюшъ въ превыспреннюю и свергаюшся вновь на обишаемый нами шаръ при шумномъ шрескѣ ужаснаго грома. Англичане изъ шаковаго воздушнаго камня обдѣлали мечъ и поднесли Имперашору Александру. См. Газешы цѣлой Европы 1819 года мѣсяць Іюнь.

63. *Вѣщаетъ спутникъ лнѣ :*

Г. Кладни.

64. *На Сѣверѣ Потозъ обильный обрѣтутъ.*

Городъ Американскій въ обласпи Перу, славящійся серебряными рудниками.

65. *Утесы, кои зрятъ въ Веймарѣ у Маріи.*

Минералогическое Общешво въ Іенѣ, сущешвующее болѣе 25 лѣшъ, занимаешъ Кабинешомъ своимъ въ Іенскомъ Дворцѣ Великаго Герцога одиннадцашъ покоевъ.

66. *И рудословія и домоводства гленъ.*

Адмиралъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Гавріиль Андреевичъ Сарычевъ, членъ Имперашорской Россійской Академіи, извѣспенъ въ опешешвѣ и ученомъ свѣшѣ многими пушешешвїями своими въ разныхъ моряхъ и полезными сочиненїями, кои сущъ :

1-е. Пушешешвїе по Сѣверной Сибири 1785 — 1793. 2 Vol. in 4-to, и ашласъ in folio, С. П. Б. въ Морской Типографїи.

2-е. Правила Морской Геодезїи С. П. Б. 1804 г. въ Морской Типографїи, 1 vol. 126 стр. съ 8-ю каршинами.

3-е. Дневныя записки плаванїя по Балшійскому морю въ 1802 — 1805 г. въ Морской Типографїи, С. П. Б. 1808 г. in 4-to, 1 vol. 177 стр.

4-е. Путешествіе Капишана Беллингса и плаваніе Капишана Галла въ 1791 году, изд. Г. Сарычевымъ, С. П. Б. 1811 г. 1 vol. in 4-to, въ Морской Типографіи.

5-е. Лоція Балшійскаго моря, Ч. I, С. П. Б. 1811 г. въ Морской Тип. 1 vol. in 4-to, 188 стр. и

6-е. Атласъ Балшійскаго моря (новый) in folio.

67. Стремился прежде я въ неисходимый долъ.

См. въ семь Томъ напечатанное Посланіе къ Ломоносову о рудословіи.

68. Теку въ предѣлы волнъ.

Сочинишель разумѣешь настоящее стихотвореніе, гдѣ, воображеніемъ позитя трудъ полезный, описываешь опасности мореплаванія и выгоды, копорыя опъ него приобрѣшаютъ науки, шорговля и человѣчешво,

69. Какъ грудь желѣзная, на Смерта ополтитсяя.

Грудъ желѣзная, выраженіе славнаго Лашинскаго Лирика, Горація Флакка, въ Одѣ его къ Виргиліеву кораблю. Смертъ—явленіе, происходящее, какъ иные полагаюшъ, опъ подземныхъ огней. Таковыя Смерчи сущъ: Тифонъ, Ураганъ, Бурунь. См. сочиненіе члена Рос. Академіи, Платона Яковлевича Гамалея, называемое: *Теорія и практика кораблевожденія*, Ч. I. Приб. 1, сшр. 309-я и другія.

70. Разнообразная, богатая природа и проч.

Авшоръ олицешворяешъ здѣсь природу, полагая ее сущносшію міра зримаго и, шакъ сказашь, искусшвеннаго, ибо она ешъ предметъ высокаго и изяшнаго.

71. Пѣвецъ боговъ — Гомеръ живописуетъ намъ и пр.

Гомеръ, нарѣченный Княземъ стихотворцевъ, воспѣвалъ брань Троянскую въ Поэмѣ подъ именемъ *Иліады*, и возвращеніе Улисса въ Ишаку—подъ названіемъ *Одиссеи*.

72. *И Плиній и Бюффонъ*

Плиній, Римлянинъ, славный испытатель природы въ царствованіе Тиша милосердаго. Бюффонъ, знаменитый прошедшаго столѣтія Французскій испытатель природы. Его *Натуральная Исторія* есть такое классическое сочиненіе, которое дѣлаешь ему и нашему времени большую честь.

73. *Вы, Беллингсгаузенъ, Васильевъ, Крузенштернъ.*

И Берингъ—нашъ Колумбъ! вашъ трудъ запечатлѣнъ.

Фаддей Фаддѣевичъ Беллингсгаузенъ, нынѣ Коншръ-Адмиралъ, Дежурный Генералъ по флоту, непремѣнный членъ Государственнаго Адмиралшескаго Департамента, былъ начальникомъ Экспедиціи, которую Государь Императоръ отправилъ вокругъ свѣта въ 1819 году. Сія Экспедиція, бывшая подъ начальствомъ Г. Беллингсгаузена, раздѣлилась на двѣ части. Беллингсгаузенъ пошелъ отъ Тропика къ Антарктическому полюсу и вокругъ онаго въ 1822 году, имѣя при себѣ знаменитаго и достойно славнаго Капитана Лазарева; а Капитанъ - Лейтенантъ Васильевъ и Шишмаревъ на шлюбахъ: *Открытие* и *Благонадежный*, отправились на Сѣверъ, гдѣ, между прочими, открыли новый островъ, который и назвали также, по имени корабля, *Открытие*.

Крузенштернъ, Иванъ Федоровичъ, Коншръ-Адмиралъ, Директоръ морскаго Кадетскаго Корпуса въ С. Петербургѣ и кавалеръ, славный мореходецъ, который первый изъ Русскихъ перешелъ Экваторъ и открылъ путь нашимъ соотечественникамъ къ дальнѣйшимъ плаваніямъ.

Берингъ, мореходецъ извѣстный по проливу своего имени. См. Хронологическую Исторію Г. Берха, сочи-

неніе подь названіемъ: *Первое плаваніе Россіянъ по Восточному Океану* подь командою Беринга.

Колумбъ, славный Испанскій Адмиралъ, ошкрывшій Америку въ исходѣ XV столѣшя.

74. *Завоеватели, свирѣные Атиллы!*

Ашилла, Царь Гунновъ, всшупилъ вооруженною рукою въ Римъ, сжегъ и разграбилъ его.

75. *Я скромность, Сарытевъ, твою не оскорбляю.*

См. прим. 66-е; но домолвишь можно о прекрасномъ апласѣ Балшійскаго моря, чшо онымъ разрушились для мореходца многія на семь морѣ вспрѣчающіяся преграды.

76. *И газы разные водѣ цѣлое пространство и проч.*

См. Физику Г. Сшойковича, члена Имперашорской Россійской Академіи и Вольнаго Экономическаго Общешва.

77. *И множество прожорѣ. . . .*

Прожора, большая морская рыба, похожая на щуку опшличной величины.

78. *Для умозрѣнія духовный сѣя плодѣ.*

См. пушешешвіе по Сициліи, соч. Абрама Сергѣевича Норова, гдѣ онъ приписываетъ подобныя мысли мореходцу, оплученному опъ опечешва.

79. *Истисля перстомѣ иелѣ. . . .*

Сочинишель разумѣешь подь велживымъ першомъ иглѣ Аспрономическій компасъ, изобрѣшенный Ишаланцемъ Флавіо Жоія въ исходѣ XIII столѣшя, въ коемъ магнишная спрѣлка, обращенная однимъ концомъ къ Сѣверу, а другимъ къ Югу, служишь мореходцамъ для опредѣленія пуши и вѣшровъ. См. Теорію и пракшику кораблевожденія. Ч. I. спр. 79.

80. *И временныхъ вѣтровъ. . . .*

Пасадные вѣтры (vents de passage) Авшоръ называетъ временными, слѣдуя примѣру ученаго Гамалея, кошорый въ выше-упомянушой книгѣ своей шакъ неоднократно именуешъ оныя.

81. *Колеблемый корабль, Борей духомъ полны,*

То поднимаютъ вверхъ, то опускаютъ волны.

Сіи два стиха особливою книжкою небрежно напечатаны въ Типографіи Г. Греча. Мысль Авшора естъ ша, что волны, Бореемъ исполненныя, колеблемый корабль поднимающъ и опускающъ. Борей духомъ *полны*, — если спросяшъ: кшо? — *волны*.

82. *Являетъ по морямъ плывущія стада.*

Сіе произшешвіе случилось съ Г. Коцебу (см. Хронологическую Ишорію Г. Берха, Ч. I. стр. 192). Здѣсь о семъ мореходцѣ не упоминаешся пошому, что цѣлое Посланіе о его плаваніи посвящено Графу Румянцову. См. Т. III.

83. *Причины бурь, вѣтровъ постигнуть не дерзаю.*

См. прим. 4-е и 15-е. Г. Гамалей, ссылаясь на многихъ ученыхъ, полагаешъ, что вѣтры сосшавляющся ошъ подземныхъ огней.

84. *Эола сонмы гадъ, сорвавъ съ себя оковы, и проч.*

Авшоръ слушаешся Кришики, кошорая говорила, что Эней (см. 1-е изданіе) у Виргилія, а не у Гомера, спраншешуешъ по Африканскому морю и приносишся бурю къ берегамъ Карѳагена, прежде бывшіе чешыре ошомъ стиха исключаетъ.

85. *Предмета грознаго средъ бездны Урагана.*

Все описаніе Урагана Авшоромъ не шолько почерпнушо, сколько, шакъ сказаешъ, переведено (хощя съ одного и шо-

го же языка) почти слово въ слово изъ прекраснаго вышеупомянушаго сочиненія Г. Гамалея. См. приб. 1-е, стр. 308 и 309. Авторъ почтенному сочлену своему свидѣтельствуетъ искреннюю благодарность за сіе прекраснѣйшее въ прозѣ описаніе Урагана или Буруна, достойное краснорѣчиваго пера Плафона, Тациса и Бюффона.

86. *Открылся средь небесъ воловій страшный глазъ.*

Гамалей на стр. 303 говоритъ: „особливо примѣчательно облако на шакъ называемой столовой горѣ, на мысѣ *Доброй надежды*, являющееся и ошъ мореходцевъ *Воловьимъ глазомъ* зовомое. Оно показывается на небѣ сперва малымъ и круглымъ пшномъ.“

87. *Вервь лопнула, руль палъ, трещатъ, обмокнувъ, снасти.*

Въ предупрежденіе Кришики, кошорая можешъ два односложныя сряду посшавленныя пожаловашъ въ шопу Спондей, Авторъ говоритъ, что сіе шолько *Пиррихій*, кошорый допускаешся по необходимости или изрѣдка въ Русской Поэзіи. См. правило Ломоносова.

88. *Такъ славный Лаперузъ. . . .*

Извѣстно, что Г. Лаперузъ и весь экипажъ его погибли, но гдѣ и какъ, доселѣ никакого досшашочнаго свѣденія не имѣешся, ибо ни его, ни спшниковъ шѣла не ошысканы.

89. *А тамъ еще напастъ: лукавыхъ водъ царица* и проч.

По просшу водоворотъ, кошорый нынѣшніе мореплаватели искусно обходятъ. Гомеръ называешъ оный Сиреною; на Латинскомъ же языкѣ онъ слывешъ *tromba*.

90. *А талъ изъ подъ горы исхитясь исполинъ —*

Тифонъ, см. сочиненіе много разъ упоминаемое знаменишаго Г. Гамалея, спр. 310. Произшествіе, случившееся ошъ Тифона въ Севаспополѣ, описано во многихъ Журналахъ. Тифонъ значишь на Кишайскомъ языкѣ крѣпкій вѣшеръ. См. рисунокъ бывшаго въ Севаспополѣ Тифона при запискахъ Государственнаго Адмиралшейскаго Депаршамента, Т. V.

91. *Широкая глава, какъ обращенный конъ.*

Г. Гамалей слово *конусъ* шакже переводишь: *конъ*. См. спр. 310.

92. *Погибъ у берега Британецъ мудрый — Кукъ.*

Кукъ, славный Англійскій мореходецъ. Испорія его пушешествій на всѣхъ языкахъ шочно упоминаешъ, что онъ въ море палъ лицомъ.

93. *Весь обитаемый обтекъ Васильевъ шаръ.*

Флоша Капишанъ-Лейшенаншъ и кавалеръ Михайло Николаевичъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ два шлюба: *Открытіе* и *Благонамѣренный*, посланные Правительствомъ въ 1819 году. См. прим. 73. Иншрукцію для сей Экспедиціи сочинилъ Г. Адмиралъ Сарычевъ. Нынѣ Г. Васильевъ Капишанъ 1-го ранга и Командоръ 13-го флошскаго экипажа.

94. *О Муза! возвѣсти погибель лнѣ Хрущова.*

Г. Берингъ построилъ себѣ корабль въ Охотскѣ, называемый *Гавріилъ*, на коемъ и ошкрылъ славный свой проливъ. См. Хронологическую Испорію Г. Берха, спр. 110. Что же касается до произшествія съ Г. Лейшенаншомъ Хрущовымъ, то оно не вымыселъ Поэша, а многимъ извѣстное приключеніе. Къ сему прибавишь можно

о подобномъ произшествіи. 1741 года снаряжены были два корабля подъ командою Капишана Беринга и Чирикова для открытія земель, лежащихъ на Воспокъ ошъ Камчатки. Жестокая буря разлучила оба судна. Капишанъ Чириковъ высадилъ для обозрѣнія нѣкоего оспровка въ широтѣ 55° шшурмана Деменшьева съ 12-ю машросами, но не дождавшись ихъ возвращенія, сильною бурей принужденъ былъ ошплыть въ море. Чшо послѣдовало съ несчастными Деменшьевымъ и его шоварищами, — неизвѣстно.

95. *Кортецу, Куку плыть устроили преграды.*

См. Хронологическую Испорію Г. Берха, въ которой о Кукѣ упоминается на сшр. 161-й и о Кортецѣ на сшр. 9.

96. *День цѣлый жизнь предать онъ таялъ смерти въ дань.*

Въ 8-е число Августа ошъ бури и льдовъ Г. Васильевъ прешерилъ большую опасносшь. Онъ цѣлые 8-мь часовъ сражался прошиву зубчатыхъ спеклообразныхъ льдинъ. Примѣчаніе со словъ Г. испышашеля природы, Фед. Ив. Шшейна.

97. *Скала Хозяйка есть.*

Сія скала на оспровѣ Уналашкѣ. См. Лишографическую каршину, кошорую дѣлалъ Г. Беггровъ съ рисунка Г. Шшабъ-Лѣкаря и нашуралиста, Фед. Ив. Шшейна. Онъ свидѣтельствуетъ, чшо прежде его никшо не восходилъ на висошу одной изъ горъ, кошорыя вообще въ Сибири называющіяся сопками. Онъ назвалъ оную Александровскою огнедышущею сопкою. На сопку Александра I-го есть рукописное особливое примѣчаніе Шшейна, къ Авшору присланное.

98. *Узрѣлъ, какъ съ Пулкова окрестные луга.*

Извѣстная гора по Московской дорогѣ, въ 15-ши вершахъ отъ С. Пешербурга.

99. *Являетъ не рѣку, не озеро, — но море.*

См. Т. III-й сочиненій Авшора.

100. *Межъ ископаемыхъ яляется базальтъ.*

Базальтъ принадлежишь къ роду глинишному. По опредѣленію Химиковъ, разлагавшихъ его, онъ состоишь изъ земель: глинишпой, кремнишпой, шальковой и извесшковой, изъ желѣзной извесши, марганца, соды, воды, и, можешъ бышь, угольнаго вещества, отъ коего и цвѣшь его зависишь; ибо цвѣшь онаго изсѣра черный, въ щелинахъ онъ имѣешъ иногда, и то весьма рѣдко, просвѣчиваніе. Онъ приводишь магнитную спрѣлку въ движеніе и бываешъ оною совершенно прищягиваемъ. Блескъ на изломѣ шускъ, а иногда и сверкающій по причинѣ примѣшной базальшической обманки; не рѣдко въ немъ находяшся пущошы на подобіе сферическиххъ пущошъ; изломъ площный, мѣлко-занозисшый, переходящій въ плоско-раковисшый, или неровный, весьма шрудно ломаешся, имѣешъ уравнишельной шяжесши прошивъ воды 2, 5 и 3, 0.

Базальтъ принадлежишь къ горнымъ породамъ новѣйшихъ шрошovýchъ формацій и образуешъ цѣлые горные хребшы, или коническія сопки. Онъ бываешъ ушвержденъ на ваккѣ, глинѣ, пескѣ или на угольныххъ флещахъ, имѣющихъ иногда извѣсшный роговый или песчаный камень; шакже на гнейсѣ или гранишѣ, часшо въ близи огнедышущихъ горъ, и не рѣдко служишь другимъ породамъ машкою, какъ шо: спекловашому полевому шпашу, базальшической роговой обманкѣ, лейцишу, оливину,

сферодисеришу, опалу, цеолишу, кварцу, сѣрниому колчедану, слюдѣ, агашу, обсидіану, целесшину и проч.

Базальшъ находишся почти по всей поверхности земнаго шара. При послѣдней Экспедиціи кругомъ свѣша и къ Сѣверному полюсу извѣсшный испышашель природы — Шшейнъ нашель его въ Новой Голландіи на Вершовой горѣ, въ Новой Калифорніи — оспровѣ Уналашкѣ на огнедышущей горѣ Александра I-го; на оспровѣ, названномъ въ честь корабля, *Открытие*, и во многихъ другихъ мѣсшахъ. Древніе упошребляли его на монументы, спашуи, вазы, сосуды и другія скульпшурныя работы; и нынѣ еще упошребляешся нѣкошорыми Индѣйцами Тихаго моря на дѣланіе ножей, шопоровъ, серегъ, палицъ и сооружешіе ишшукановъ.

Ясно, что олицешвореніе Базальша, спрасшъ и обрученіе съ Мекензіемъ ешшъ вымысель Шоэша, равномѣрно и коварштво Шамана Козру.

Сочинишель сего спихошворенія посшавляешъ себѣ долгомъ изъявишъ благодарносшъ свою ученому Г-ну испышашелю природы — Шшейну за всѣ шѣ свѣденія, кои онъ ему досшавилъ, не шолько объ огнедышущей горѣ Александра I-го, но и многія другія, о цвѣсшахъ, произрасшеніяхъ и камняхъ, кои онъ имѣль случай видѣшъ въ пушешесшвіи своемъ кругомъ свѣша. Сіи наблюденія, въ знакъ благодарносши своей, сочинишель не осшавишъ по времени, при первомъ удобномъ случаѣ, сообщишъ просвѣщеннымъ чишашелямъ.

101. Спознались бы давно съ Лаплатою Кошыма.

Лаплаша — рѣка въ Америкѣ.

102. *Вдрузъ зрятъ въ Америкѣ и брегъ и мысъ Валлійскій.*

См. *Хронологическую Исторію* Г. Берха, о путешествіи Г. Коцебу.

103. *Кокренъ, сей новый Кукъ, Британецъ, пѣшеходъ.*

Англійскаго флота Капитанъ Кокренъ въ 1819 году предпринялъ путешествіе пѣшкомъ изъ С. Пешербурга къ Шелахскому носу или мысу, для изслѣдованія сѣверовосшочныхъ береговъ Азіи, и благополучно совершилъ оное. Послѣ же шого около 1825 года скончался. Вдова его — Милади Кокренъ понынѣ обитаетъ въ опеществѣ своемъ — Россіи и часшо находишся въ домѣ Г. Капитана-Командора Рикорда, кошорый опсправленъ съ опрядомъ въ Наваринъ 1828 года.

104. *Кадьякъ съ подошвы льдовъ уже вознесъ главу.*

См. описаніе сего опшрова въ *Журналъ*, называемомъ: *Друзъ просвѣщенія*, издававшемся въ 1805 году.

105. *Чья воскресила ихъ на бытіе рука.*

См. въ концѣ сихъ примѣчаній описаніе о всѣхъ опшровахъ вообще.

106. *Тамъ юный Алеутъ, оставъ свой Байдаръ, и проч.*

Байдары, лодки особеннаго рода, упошребляемыя Алеушами и называемыя *байдарками*; байдарки бываюшъ всегда опкрышы, а байдары всегда закрышы.

107. *Пребудетъ незабвенъ, о Шелеховъ! твой прахъ.*

См. въ концѣ сихъ примѣчаній особенное описаніе.

108. *Торговли нашихъ странъ прямые Аргонавты.*

Славная Американская Компанія, кошорой первымъ учредишелемъ былъ купецъ Шелеховъ.

109. *Уже Смоленскій Князь, Суворовъ — мой орелъ.*

См. полное собраніе сочиненій Авшора, Т. I-й. Американская Компанія соорудила корабль, называемый: *Суворовъ*, и отправила его съ извѣстнымъ Лейшенаншомъ Лазаревымъ въ Спску. Сей корабль первый привезъ извѣстіе въ Ріо - Жанейро, что Наполеонъ отправился на островъ Эльбу.

110. *Скитались прежде мы, но маніемъ Петра и пр.*

Правда, что и въ шарину безъ практики и безъ теоріи мы ѣздили въ море, но одолжены насшоящимъ плаваніемъ Петру I-му, Великому.

111. *Куда—ни въ Нордъ, ни въ Югъ—и Кукъ не доходилъ.*

См. описаніе жизни Кука и нашихъ путешешвенниковъ.

112. *Которья свершалъ потенный Головинъ.*

Капишанъ - Командоръ, нынѣ Коншръ - Адмиралъ, Василій Михайловичъ Головинъ. См. его путешешствіе въ Японію.

113. *Ты, Беллинсгаузенъ, ты видѣлъ цѣлый міръ.*

О Беллингсгаузенѣ см. прим. 73.

114. *Васильевъ, Шишмаревъ съ тобой текли на пиръ.*

См. прим. 73-е и 96-е. Шишмаревъ, Капишанъ - Лейшенаншъ, мореходецъ съ большими досшоиншвами. Надобно присовокупишь, что Г. Лазаревъ, Капишанъ - Лейшенаншъ, кошорый ходилъ подъ начальшвомъ Капитанъ-Командора Г. Беллингсгаузена къ Южному полюсу, заслуживаешъ особливую похвалу. Сами Англичане уважаюшъ сего опышнаго мореходца.

115. *Богатые святой добычей корабли.*

Авторъ разумѣешь здѣсь, совокупно съ пользою наукъ, пользу человѣчества, кошорая объясняется слѣдующимъ стихомъ:

Въ санъ теловѣства сонмъ дикихъ посвятить.

116. *Люблю хвалить Царя хвалимаго вселенной.*

Сей стихъ принадлежитъ славному Французскому стихотворцу Буало-Депрео. См. стихотворные переводы Авшора, Т. IV-й.

О П И С А Н І Е Ж И З Н И

Ш Е Л Е Х О В А.

Григорій Ивановичъ Шелеховъ, именитый гражданинъ города Рыльска, первый учредишель Россійской Американской Компаніи, родился 1748 года, началъ торговлю свою въ Сибири въ 1773 году, морскія путешествія къ сѣверозападной части Америки совершилъ въ 1783, 1784 и 1785 годахъ. Онъ первый сдѣлалъ осѣдлость на островѣ Кадьякъ и самой машерой землѣ Америки; завелъ въ сихъ мѣстахъ домостроительство, кораблестроеніе, хлѣбопашество и попеченіемъ своимъ водворилъ Православную Христіанскую вѣру въ 1794 году; по возвращеніи въ Иркутскъ, скончался Іюля 20-го дня 1795 года и погребенъ въ Иркутскомъ Знаменскомъ женскомъ монастырѣ. На посшавленномъ надъ нимъ памятникѣ находится слѣдующая надпись:

I.

Здѣсь,

Во ожиданіи пришесшвіа Хрисшова,

Погребено шѣло

По прозванію Шелехова,

По дѣянїямъ безцѣннаго,

По промыслу гражданина,

По замысламъ мужа почшеннаго,

Разума обширнаго и швердаго;

Ибо

Въ царшвованіе

Е к а т е р и н ы Вшорыя,

Имперашрицы и Самодержицы Всероссійской,

Государыни славной и Великой,

Разширившей Свою Имперію

Шобѣдами враговъ Ея

На западѣ и на полудни,

Онѣ

Ошважными своими морскими пушешешшвіями

На Восшокъ

Нашель, покориль и присовокупиль

Державѣ Ея не шолько ошрова

Кадьякъ, Аюогнакъ и многіе другіе,

Но и самую машерую землю Америки,

Просшираясь къ Сѣверозападу;

Завель въ нихъ

Домоспроишельшшво, кораблешшроешше, хлѣбопашешшво,

И покровишельшшвомъ и ходашайшшвомъ

У Прешшпола Меценаша,

Испрося Архимандриша съ брашшею и клиросомъ

Провозгласиль

Въ грубомъ народѣ, неслыханнымъ невѣжествомъ
Попранномъ,
Невѣдомое шамъ имя Божіе
И во имя Свяшья Живоначальна Троицы
Насадилъ
Православную Христіанскую вѣру
Въ лѣшо 1794-е.

II.

Григорій Ивановичъ Шелеховъ,
Рыльскій имянинный гражданинъ
Родился
1748 года,
Всшупилъ въ супружество
1775 года,
Началъ шорговлю свою въ обласяхъ Сибири
Въ 1773 году,
Морскія пушешествія совершилъ
Въ 1783, 1784 и 1785 годахъ,
Скончался 1795 года Іюля 20-го дня.

III.

Коломбъ здѣсь Росскій погребеньъ,
Прешлылъ моря, ошкрылъ сшраны безвѣстны
И зря, чшо все на свѣшѣ шлѣнъ,
Направилъ парусъ свой
Во Океанъ небесный —
Искашь сокровищъ горнихъ, неземныхъ.
Сокровище благихъ!
Его Ты, Боже, упокой.

Гавр. Державинъ.

IV.

Какъ царства падали къ спопамъ **ЕКАТЕРИНЫ**,
Россъ Шелеховъ безъ войскъ, безъ громоносныхъ силъ
Пришекъ въ Америку чрезъ бурныя пучины
И нову обласшь Ей и Богу покориль.

Дмитріевъ.

V.

Не забывай, пошомокъ,
Чшо былъ швой предокъ — Россъ и на Воспокъ громокъ.

VI.

Прохожій! чши въ семъ гробъ шлѣнь:
Коломбъ здѣсь Росскій погребень.

Нынѣ главное Правленіе Россійско - Американской Компаніи, сосшоящей подъ Высочайшимъ покровишельствомъ, находишся въ С. Петербургѣ. Оное Правленіе сосшавляющъ 4 Дирекшора: Надворный Совѣшникъ и кавалеръ Михайло Машвѣвичъ Булдаковъ, Коммерціи Совѣшникъ Венедикшъ Венедикшовичъ Крамеръ, Коммерціи Совѣшникъ и придворный Банкиръ Андрей Ивановичъ Северинъ и Московскій купецъ Иванъ Васильевичъ Прокофьевъ. См. Высочайшую грамошу Имперашора **Николая I-го**, кошорая пожалована сей Компаніи 1829 года Марша дня. Селенія оной Компаніи находишся: 1-е на ошпровѣ Барановѣ (Сипхѣ), 2-е на ошпровѣ Кадьякѣ, 3-е на ошпровѣ Уналашкѣ, 4-е на ошпровѣ Апхѣ и 5-е на мащеромъ берегу Америки — селеніе Россъ. Кораблей 18. Вокругъ свѣша изъ Кроншшаша ошправлено было 7 Экспедицій, изъ нихъ 6 возерашились въ 1823 году на кораблѣ, именуемомъ *Кутузовъ*. Сіе крашкое извлеченіе о жизни и подвигахъ Г. Шелехова получено ошъ почшенныхъ его родсшвенниковъ: покойнаго Сенашора Полишковскаго и Сшаш. Сов. И. О. Тимковскаго.

В Ы П И С К А

О Б Ъ О Т К Р Ы Т Ы Х Ъ В Н О В Ъ О С Т Р О В А Х Ъ.

Острова Суворова шир. $13^{\circ} 13' 15''$ Z долготы $163^{\circ} 31' 4''$ отъ Гренвича къ Западу, открыты 24-го Сентября 1814 года судномъ *Суворовъ*, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Лазарева; необитаемы. На оныхъ водятся птицы, крысы и земные раки, произрастаютъ кустарники и мѣстами кокосовыя деревья. Слѣдовъ человѣческихъ и пресной воды не оыскано.

Острова Кушужева шир. $11^{\circ} 11' N$ долг. $166^{\circ} 50'$ отъ Гренвича къ Востоку.

Острова Графа Румянцова шир. $15^{\circ} 3' Z$ долг. $144^{\circ} 27'$ западнѣе отъ Гренвича. Группа острововъ Графа Румянцова $9^{\circ} 27' 30'' N$ $170^{\circ} 3'$ къ О отъ Гренвича. Открыта 1816 года Г. Коцебу. По сходству группъ острововъ Графа Румянцова съ островами Мульграва, широту и положеніе оныхъ можно полагать одну съ Мульгравовыми островами.

Цѣпь острововъ Рюрика шир. $15^{\circ} 16' Z$ долг. $146^{\circ} 21'$ къ Западу отъ Гренвича.

Группа острововъ Графа Аракчеева шир. $8^{\circ} 52' N$ долг. $188^{\circ} 59'$ къ Западу отъ Гренвича.

Островъ Спиридова шир. $14^{\circ} 38' Z$ долг. 145° къ Западу отъ Гренвича.

Островъ Крузенштерна шир. 15° южн. долг. $148^{\circ} 40'$ къ Западу отъ Гренвича, открытъ 1816 года Г. Коцебу.

Острова Маркиза де Траверзе: 1. шир. $56^{\circ} 42' 30'' Z$, долг. $8^{\circ} 9' W$; 2. шир. $56^{\circ} 1' 80'' Z$, долг. $27^{\circ} 40' 30'' W$;

3. шир. $56^{\circ} 42' 30''$ долг. $27^{\circ} 23'$ ошъ Гренвича, ошкрышы южною Коронною Экспедиціею подъ начальствомъ Капишана Беллингсгаузена 1819 года.

Осстровъ Петра I-го шир. $68^{\circ} 45' Z$ долг. $90^{\circ} 50'$ къ Западу ошъ Гренвича.—Земля Александра I-го шир. $60^{\circ} 50' Z$ долг. $73^{\circ} 20'$ къ Западу ошъ Гренвича, ошкрышы 1820 года южною Коронною Экспедиціею подъ начальствомъ Капишана Беллингсгаузена; необишаемы.

Осстровъ Фигуринъ при новой Сибири шир. $76^{\circ} 1\frac{1}{4}' N$ долг. $140^{\circ} 50'$ къ Воспоку ошъ Гренвича, ошкрышъ 1821 года Лейшенаншомъ Анжу; необишаемъ.

Шелахскій мысъ опредѣленъ въ широтѣ $70^{\circ} 11' N$ въ долг. $170^{\circ} 17'$ къ Воспоку ошъ Гренвича, ошкрышъ въ 1821 году Лейшенаншомъ Врангелемъ.

Мысъ Овинова шир. $59^{\circ} 40' N$, долг. $163^{\circ} 15'$ къ Западу ошъ Гренвича, ошкрышъ въ 1821 году Американской Компаніи бригомъ *Головничымъ* подъ командою мичмана Хромченко.

Южнаго берега осстровъ Нуніивакъ или Ошкрышіе шир. $59^{\circ} 58' N$, долг. $193^{\circ} 17' 25''$ къ Воспоку ошъ Гренвича, ошкрышъ въ 1821 году Іюля 11-го Коронной Экспедиціи шлюпомъ *Открытие* подъ командою Капишанъ - Лейшенанша Васильева; обишаемъ дикарями, живущими въ землянкахъ. Они ласковы, миролюбивы, средняго роспа, спройны шѣломъ и видомъ похожи на жишелей Сѣверной Америки.

Берегъ вообще средней высошы; осстровъ просшираешся въ длину до 40 миль по направленію Сѣверозапада и Юговоспока; широша его, по словамъ жишелей, въ половину его длины. Лѣсъ небольшой, изрѣдка распущій.

Закрытыхъ якорныхъ мѣспѣ при островѣ нѣшѣ. Жише-
лямъ сего острова Г. Васильевъ далъ нѣсколько медалей
съ изображеніемъ Государя Императора Александра І;
въ землю онаго острова приказалъ зарыть мѣдную доску
съ приличною надписью; на мѣспѣ наблюденія поставилъ
флак-шшокъ и поднялъ на ономъ военно-Россійскій флагъ.

Восточный мысъ острова Нуніивакъ шир. 60° долг.
 $165^{\circ} 5'$ къ Западу отъ Гренвича, открытъ въ 1821 году
Юля 15-го Американской Компаніи бригамъ Головиннымъ
подъ командою мичмана Хромченко.

Сѣверовосточный мысъ острова Нуніивакъ шир. 60°
 $33' N$ долг. $165^{\circ} 30'$ къ Западу отъ Гренвича, открытъ
въ 1821 году Юля 30-го Американской Компаніи кучеромъ
Барановымъ подъ командою мореходца Эполина.

Мысъ Графа Румянцова шир. $61^{\circ} 48'$ долг. $166^{\circ} 20'$
къ Западу отъ Гренвича, открытъ въ 1821 году 30 Авгу-
ста Американской Компаніи бригамъ Головиннымъ подъ
командою мичмана Хромченко.

Сія выписка объ открытыхъ островахъ напечатана
уже была въ полномъ изданіи 1821 года и получена Ав-
шоромъ отъ Г-на Адмирала Гаврилы Андреевича Сарычева.

117. *Лишился сына ты? . . .*

Отець умершаго младенца естъ Типулярный
Совѣшникъ Авксеншій Машвѣевичъ Маршыновъ, издашель
моихъ спихошвореній, извешшый разными сочиненіями
въ спихахъ и прозѣ, въ разныхъ журналахъ напечатан-
ными. Онъ, оконча курсъ ученія съ похвалою въ С. Пе-
шербургской Духовной Академіи, посвятилъ себя граж-
данской службѣ.

118. *Творенья опиши гудесныя громады.*

Родитель оплакиваемого младенца сочинилъ стихами описательную Поэму: *Сотвореніе міра*, кошорая еще не напечатана; также перевелъ гекзаметрами Гимнь Омира Аполлону.

119. *Помедли, вѣстникъ бѣдъ, умолкни, вестовой!*

Въ древнія времена, когда существовала Новгородская республика, назывался *весевымъ* шопъ колоколь, кошорый созывалъ гражданъ для разсужденія о важныхъ произшествіяхъ. См. *Исторію Рос. Государства*, соч. Г. Карамзина.

120. *Лжеревность на Москвѣ громами устъ сражалъ.*

Амвросій Митрополишъ извѣстенъ образцовыми своими сочиненіями на убіеніе и годовое поминовеніе Амвросія Архіепископа Московскаго. Числ. Словарь о Духовныхъ писателяхъ подъ сшашьєю: *Амвросій Подобѣдовъ, Митрополитъ Новгородскій.*

121. *Благодаренья дань приноситъ въ день Христа.*

Установленіе праздника, шоржесшвуемаго всегодно въ 25-й день Декабря о избавленіи Россіи ошъ нашествія Галловъ и двадесаши съ ними языкъ. Митрополишъ Амвросій во все сіе время находился предѣдательемъ Свяшѣйшаго Правительсшвующаго Синода.

122. *Я волнъ свирѣпство зрѣлъ. . . .*

Сіе ошносишся къ ужасному наводненію, каковаго въ Пешрополѣ не бывало со времени его построенія при Петрѣ Великомъ; оно случилось 7-го Ноября 1824 года.

123. *Въ Европѣ славную и первую столицу, и проч.*

См. въ семъ шомѣ стих: *Майское гулянье*, гдѣ сочинитель называетъ Пешрополь первую столицей. Сіе

Посланіе о наводненіи, случившемся 7-го Ноября 1824 года, напечатано въ первый разъ съ Нѣмецкимъ переводомъ Г. Вульфферта, на особливомъ лиспочкѣ, въ Генварѣ 1825 года.

124. *Водовикъ* — судно, на коемъ въ Пешрополь привозятся разные припасы.

125. *Екатерининъ берегъ сокрылся внутрь валовъ.*

Берегъ изъ гранишныхъ камней, возвышающійся надъ мостовою болѣе аршина, былъ покрытъ водою такъ, что впорые и прешьи эшажи домовъ, какъ ошрова, казались посреди рѣки находящимися.

..... волны,

126. *Изъ ложа выступя, порабоцаютъ стогны.*

По двумъ набережнымъ, Морскимъ, Милліонной, Невской и другимъ улицамъ 7-го Ноября съ утра до 7-ми часовъ вечера, другаго экипажа не было, кромѣ кашеровъ. См. *Сынъ Отечества* No 46 и другіе Журналы.

127. *Спасенья нѣтъ коню, пощады нѣтъ воламъ.*

См. въ *Сынѣ Отечества* No 46-й спашью о наводненіи 7-го Ноября.

128. *Решеткѣ Беукаго дивился Альбіонъ.*

Сказываютъ, что при *Екатеринѣ II*-й, когда у лѣшняго сада посшавили изъ гранишныхъ сполбовъ богашую рѣшешку, одинъ Англійскій Лордъ пріѣхалъ въ С. Пешербургъ, осмошрѣлъ сіе превосходное швореніе искусшва и ошправился въ шошъ же день обрашно на корабль изъ Кроншшаша.

129. *Отважится ли кто, тей можетъ сильный духъ?*

Спихошворное описаніе о погибшихъ и о порывѣ бури, сносившей крышки домовъ и самыя дома, хошя сдѣлано по преданію, однакожъ вымысломъ назвашъ не-

льзя. Истинно шо, что примѣры самоопроверженія, гошовности помогають несчастнымъ безчисленны и досшойны удивленія. См. *Сынъ Отечества* No 46-й спашью о наводненіи 7-го Ноября.

130. *Коль злополучіе Петрополя извѣстно.*

Сюда вмѣщающія новыя сшихи, предъ самымъ шогда печатаніемъ прибавленныя, о исправленіи на Васильевскомъ острову и въ другихъ мѣстахъ заборовъ, поставленныхъ, большею частію, по волѣ Императора, иждивеніемъ казны, также о ремесленныхъ орудіяхъ, кошорыми снабжены художники въ замѣну шерянныхъ ими, и о щедрошахъ, распроспраненныхъ по сему случаю на иностранныхъ купцовъ, или шоргующихъ госшей.

131. *Здѣсь шцутъ тѣхъ, кому потребно помогать.*

См. *Рескриптъ*, данный на имя Князя Алексѣя Борисовита Куракина, гдѣ благошвореніе названо великимъ дѣломъ. Каждый хришлюбивый человекъ долженъ принести съ умиленіемъ сердца жершву благодаренія покойному Государю Императору за попечительное и быспрое вспоможеніе несчастнымъ, шерпѣвшимъ опъ наводненія. Подлинно, можно сказашъ къ чесши исполнишелей, на коихъ возложено было сіе великое дѣло, что они досшойными оказались Царской довѣренности и пользы человекешва.

132. *Пусть есть погибшіе, но вѣрно нѣтъ сиротъ.*

Сочинишель за удовольствіе себѣ поставляешъ присовокупишь, что всѣ послѣдшвія наводненія, шо ешъ каршины о дѣйствіяхъ вѣпра и разлишія водъ вѣрны. *Плоскодонъ*, или, по прешонародному названію, *плашкоутъ*, и не одинъ, а два лежали у лѣшняго сада до 10-го Ноября. Пароходъ, сорвавшисъ съ шакъ называемаго

на *Пряжкѣ*, Бершоваго завода, ошпановилса у Калинкина въ Коломнѣ мосша. Государь, увидя изъ окна погибающее съ людьми судно, послалъ Дежурнаго Генераль-Адьюшанша Бекендорфа на своемъ кашерѣ, и въ шоже время ошправилъ Флигель-Адьюшанша Германа спасши въ Коломнѣ погибающихъ людей. См. въ *Инвалидѣ*, *Сынѣ Отечества* No 46 и въ другихъ Журналахъ.

133. Сосѣдъ Графа Д. И. Хвощова, ошпановный Маіоръ Князь В. А. Голицынъ въ исходѣ Сенсября 1826 года прислалъ ему за диковинку пшшиколосный колосокъ, попавшійся Князю Голицыну во владѣніяхъ Авшора, Владимірской губерніи Переславля-Залѣскаго уѣзда въ селѣ Слободкѣ на Кубрѣ, въ крешьянскомъ полѣ. Помѣщикъ передалъ сей колосокъ въ Экономическое Общешво для храненія, награвированія и помѣшенія въ своихъ шрудахъ.

134. *Спустилась, свиснула... но Физикъ еромъ отводитъ.*

Сей сшихъ объ ошводѣ грома, шакже и послѣдующіе означающъ новыя въ наукахъ ошкрышія недавныхъ временъ: 1-е, объ ошводѣ шучи съ громомъ, см. многія иношпранныя сочиненія и на Россійскомъ языкѣ разсужденіе Дѣйшвишельнаго Сшашкаго Совѣшника А. И. Сшойковича, чишанное въ 1827 году въ Экономическомъ Общешвѣ; 2-е, заведеніе при Воспишашельномъ Домѣ, помешодѣ Аббаша де Леше, ясно доказываешъ, что нѣмые говоряшъ, глухіе слышашъ. Въ послѣдующихъ сшихахъ говоршся объ изобрѣшеніи книгопечашанія, древнимъ неизвѣснаго, объ ошкрышіи Америки и множесшвѣ машинъ полезныхъ для сельскаго хозяйшва, мануфакшуръ и спроеній.

135. Колумбъ и послѣ Кукъ открыли новый мѣръ.

Извѣстно, что открытіе или, собственно сказать, завоеваніе Америки приписывается Христофору Колумбу; но Авшоръ, желая упомянуть о мореплаваніи вообще, по отношенію къ пользѣ торговли и ученыхъ наблюденій, именуешь Кука.

136. Россія, веселись!

Твой Царь грядущій родъ отъ ранней смерти спасъ.

См. Указъ Его Императорскаго Величества Государя НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА 1826 года, въ коемъ Онъ повелѣваетъ въ продолженіи 10-ти лѣтъ ежегодно отчислять въ каждой губерніи по 1000 рублей на обученіе прививаемой оспы, на заготовленіе оспенной матеріи и инструментовъ, къ тому потребныхъ.

137. Говарду памятникъ за доблести поставилъ.

Говардъ — Англичанинъ, знаменимый по своимъ благошвореніямъ.

138. Тебя на лирѣ пѣлъ наперсникъ Музъ — Петровъ.

См. въ сочиненіяхъ знаменишаго Русскаго Лирика В. П. Петрова Оду его: Н. С. Мордвинову.

139. Стихот.: *Майское гулянье*, сочинено въ 1824 году по желанію Графа М. А. Милорадовича. Оно при первомъ появленіи отдѣльно было напечатано иждивеніемъ И. В. Сленина и оглашено съ похвалою въ опечесшвенныхъ Журналахъ. См. разборъ онаго въ Украинскомъ Вѣстникѣ и также выписки на Нѣмецкомъ языкѣ во многихъ Журналахъ. См. *Дрезденскую ветернюю Газету*.

140. *Цвѣтъень*: такъ назывался въ древности Май мѣсяць.

141. *Лада* — древнее Славянское божество.

142. *Волною Царственной омытый*.

Сочинитель во многихъ сочиненіяхъ своихъ называетъ Неву царственною рѣкою.

143. *(Врата) Сооруженныя любовью*.

За Триумфальными воротами есть новыя, копорыя построены иждивеніемъ дворянства и купечества въ 1814 году, въ честь Лейбъ-Гвардіи полковъ, отличившихся при Кульмскомъ сраженіи и покореніи Парижа.

144. *Какъ молнія, стремится къ ней*.

См. Посланіе: къ ней, напечатанное въ *Литературныхъ листкахъ* Булгарина, въ *путевыхъ запискахъ* Графа Хвостова 1814 г. и въ V-мъ томѣ сего изданія. Авторъ весьма сожалѣетъ, что славный Французскій Журналъ, называемый *Revue Encyclopédique*, весьма неблагоприятно и, какъ нѣкоторые думаютъ, неосновательно отзывался о стихотвореніи: *Майское гулянье*. См. *Revue Encyclopédique* 1826 года, Декабрь. Откуда и отъ какого корреспондента получаетъ Г. Издатель *Revue Encyclopédique* юродливыя на счетъ Автора извѣщенія, — это сочинителю не извѣстно, и потому предоспаивающіяся догадки любопытнаго читателя.

Съ избыткомъ вкусъ сплелся счастливо

145. *Рукою щедрою Царя*.

Извѣстно, что покойный Императоръ Александръ I-й имѣлъ изящный вкусъ и превосходное знаніе въ Архитектуру. Онъ пожаловалъ сумму изъ казны на построение домовъ въ Емельяновкѣ. Сіе примѣчаніе относится вообще до всего стихотворенія, которое сочинено еще при жизни Освободителя Европы и по смерти Его не требуетъ никакихъ измѣненій, ибо всѣ картины

почерпнушы, шакъ сказаць, изъ самой природы и сущности вещей безъ всякаго принаровленія къ побочнымъ общошпельствамъ шого времени.

146. *Благоволье* — шерминъ безсмершнаго Суворова, кошорый онъ прошивуцполагаетъ своеволью. См. переписку его съ П. И. Турчаниновымъ, напечащанную въ *Отестественныхъ запискахъ* 1825 года.

147. *Разумникъ* — собсшвенное имя.

148. *Колосова* (машъ), славная шанцовщица С. Пешербургскаго Театра, первая масшерица плясашъ по Руски.

149. *Бюрманъ* — вымышленное лице,

150. *Поётъ*: „иду гулять съ улколмъ.“

См. Оперу: *Збитеньщикъ*, соч. Я. Б. Княжнина.

151. *Елисаветъ, Аннъ домъ*.

Дворецъ, Петромъ Великимъ посшроенный въ часъ Его супруги Екатерины I-й. Тамъ же существовали дворцы Принцессъ Елисаветы и Анны. Можно ушвердишельно сказаць, что мѣсшоположеніе въ Екашерингофѣ для наблюдательнаго глаза самое красивое. Оно, при освѣщеніи луны и звѣздъ, отшкрываетъ Финскій заливъ, впаденіе въ оный Невы и многія окрестности великолѣпнаго Пешрополя.

152. *Онъ здѣсь отъ Переславльскихъ водъ*, и проч.

См. маленькое сочиненіе Авшора о *Переславль-Залѣскомъ*, гдѣ описывается празднованіе первой флотилии въ Россіи на озерѣ Клещинѣ 1692 года. Петръ Великій одержалъ первую морскую побѣду при Невѣ у шого самага мѣсша, гдѣ посшроенъ дворецъ Екашерин-

гофскій, въ коемъ любопытный вспрѣшишь много доспо-
намяшныхъ вещей.

153. *Колету бранному дивлюся.*

См. въ комнашахъ на Кишайскій манерь успроен-
ныя суда.

154. *Здѣсь досканъ — Барсуковой въ даръ.*

Досканецъ, просшо шабакерка, пожалованная П е-
т р о м ъ Великимъ Г-жѣ Барсуковой, соспоишь изъ цвѣш-
наго драгоцѣннаго камня, и ошъ наслѣдника ея М. И.
Барсукова, чрезъ Г. Полковника Сакера, посвящена Ека-
шерингофскому дворцу.

155. *Стрегутъ у навильіона флаги.*

Навильіонъ на самомъ берегу Невы, при коемъ
посшавлено 8 чугуныхъ львовъ.

156. *Къ деревнѣ близкій домъ хозяйства.*

Ферма или *молосная* названа въ сшихахъ домомъ
хозяйсшва.

157. *Въ библиотеку лишь вступаеть.*

Хвала сшроиселямъ, пекущимся и среди гулянья
познакомишь публику съ нашими сочишшелями.

158. *Что при Невѣ зовутъ Воксалъ.*

Воксалъ — прекрасное Гошическое сшроеііе, про-
изведенное подъ руководсшвомъ Г. Архисшекшора Мон-
ферранда, гдѣ находишся огромная рошонда, весьма
удобная для баловъ.

159. *Подалѣе — въ лѣсу срѣтаю*

Крестьянъ зажитотныхъ избу.

Во многихъ мѣсшахъ Екашерингофа успроены
ресшорациі, кофейни и прочія удобносши для прохладъ
хорошаго шона гуляющихъ особъ. Попечисшельное хозяй-
сшво усшроило шаковыя и для просшолюдимовъ.

160. *Тамъ крошечный и милый садъ.*

Устроение дѣтскаго сада дѣлаешь особливую честь Правительству. Самое человѣколюбивое и похвальное намѣреніе — *беречь и забавлять дѣтей.*

161. *И съ куполомъ высокій домъ.*

Горы устроены такъ удобно, что можно на нихъ кашаться безопасно въ маленькій дождикъ. Въ семь же зданіи находящаяся: карусель, панорамы и другія забавы.

162. *Розовое поле — при въѣздѣ, не доходя дворца.*

163. *По славному шоссе летья.*

Шоссе — опъ Триумфальныхъ воротъ мимо дачи Князя Д. Н. Салтыкова: насыпь пескомъ по крупному и мелкому камню прекрасно устроена.

164. *Надъ аркой вижу мостъ богатый.*

Мостъ висячій и хорошо опдѣланный есть прекрасное швореніе Гидравлики. Его дѣлалъ Инженерный Генералъ-Маіоръ Базень.

165. *Что Рускій затѣвалъ Баярдъ.*

Графъ Михайлъ Андреевичъ Милорадовичъ, Генералъ опъ Инфантеріи, орденовъ Св. Андрея первозваннаго, побѣдоносца Георгія и многихъ другихъ кавалеръ, правая рука Суворова на Альпахъ, покоришель съ обнаженнымъ мечемъ Браилова, незабвенный при освобожденіи Европы въ 1812 и 1813 годахъ, заключилъ свои побѣдоносные подвиги управленіемъ Санктшербургской губерніи и столицы, гдѣ, къ сожалѣнію войскъ и всѣхъ умѣющихъ цѣнить его ревность къ Царю и Ошечеству, доблести и дарованія, скончался опъ недосшойной руки 1825 года Декабря 14-го дня. Погребень въ Невской Лаврѣ въ церкви Св. Духа.

На I-е Посланіе питомцамъ Музъ.

166. См. примѣчаніе 209, гдѣ объясняется время сочиненія всѣхъ чешырехъ Посланій подъ названіемъ: *Совѣтъ юнымъ питомцамъ Музъ.*

167. *Намъ Ломоносова открылъ высокій даръ.*

Сіе первое Посланіе показываетъ, каковъ долженъ бышь вдохновенный Поэтъ; и для того я ссылаюсь на ученаго и просвѣщеннаго Ломоносова, кошорый у насъ безъ всякаго припязанія другихъ, по времени, естъ въ полномъ смыслѣ первый Поэтъ и образователь языка свѣшскихъ писателей въ стихахъ и прозѣ.

168. *Склоняся къ ветеру моихъ послѣднихъ лѣтъ,*

Осмѣлюсь вамъ подать, питомцы Музъ, совѣтъ.

Я, при шароспи моей, посвящая сіе стихошвореніе *питомцамъ Музъ*, въ послѣднемъ онаго Посланіи разсуждаю собсшвенно о предметахъ, кои въ мое время весьма занимали любитель словесности цѣлой Европы. Чшо же касаешся до правилъ, мною изданныхъ, шо оныя въ *Дидактическихъ* моихъ швореніяхъ съ изобиліемъ разсыпаны. Смощри Т. II-й и III-й.

169. *Когда о Критикѣ я Попе мысль словилъ,*

Едеваль отеству не первый говорилъ.

Кришика у насъ показалаь не болѣе 35 лѣшъ. Я первый, охошно ей покаясь, спалъ проповѣдывашъ, чшо нѣшъ словесности безъ Кришики. См. въ семъ II-мъ шомѣ при Посланія о Кришикѣ.

170. (Поэзія) *Потокъ высокихъ думъ, плодъ сердца,*
вдохновенья.

Сей стихъ самъ по себѣ ясно высказывая мое мнѣніе, на чувствѣ основанное, опредѣляетъ въ шочности

Поэзію. Я не думаю, чшобы кшо въ эшомъ случаѣ прошивъ меня спаль споришь.

171. *Любви питательной и вдохновенья полнѣ.*

Ошрывокъ о древней обишели Музъ подшверждаешъ, чшо высокіе предметы могушь шолько колебашъ высокую душу Поэша и возбуждаешъ его къ пѣснопѣнію для поученія народовъ.

172. *Онѣ лиры образецъ и образецъ Пиндара.*

Кромѣ досподолжнаго благоговѣнія, я полагаю, чшо Царь Давидъ ешъ первый въ мірѣ Лирикъ по нѣжности, обилію и высокосши чувсшвъ. Всѣ его молишвы, пѣсни, пѣнія, воззванія къ Прѣшолу Всевышняго, шекупъ ошъ сердца: *Готово сердце мое, готово, Боже!* См. при 107-й Псал. въ V-мъ шомѣ.

173. *О лавроносные Мильтоны, Оссіаны!*

Присшупая къ Поэзіи, шакъ сказаешъ, свѣшской, по исчисленіи знаменишыхъ Еврейскихъ Духовныхъ Писашелей, я упоминаю о Поэшахъ всѣхъ земель просвѣщенной Европы.

174. *Нося зеленый лавръ близъ тридцати вѣковъ и пр.*

Говоря о Гомерѣ, я ошдѣляю Поэзію спрасшей ошъ Поэзіи описашельной. См. Посланіе о *Критикѣ къ А. А. Писареву*, гдѣ подробно разсуждаешся о превосходсшвѣ Поэзіи въ дѣйсшвіи, Поэзіи спрасшей и описашельной.

175. *Иеривость разума, обиліе цвѣтовъ —*

Забава для дѣтей и суетныхъ умовъ.

Всѣ Французскіе *bouquets à iris*, изнѣженныя Мадригалы и, словомъ, всѣ мѣлкіе временныя описашельныя сшихи, не исключая и моихъ, и шакже попугая Грессепова, и слога комика Мариво, и басенъ Ламоша, ошзываю-

щихся вездѣ умомъ, подвергающа суду спрожайшей Кришки.

176. *У Грековъ жизнью все и свѣжестью дышало.*

Спашья объ олицетвореніяхъ приводишь насъ къ изящной Поэзіи.

177. *Въ столицѣ кажетъ намъ лишь царство вихря, степь.*

См. въ семь помѣ стихотвореніе: *о наводненіи Петрополя.*

178. *Въ тертогахъ промысла не льстится дерзновенно*

Поэтъ взять таинство, судьбою сокровенно.

Сіе относишся къ нравственности Поэта, который долженъ почишашъ вѣру, хранишь законы и повиновашься власшамъ, шакже блюшти приличіе относительного благоприсшойности, учрежденной въ благоустроенномъ государствѣ.

179. *Корнейль, едва возникъ, звѣздою міра сталъ.*

Пешръ Корнейль—Трагикъ, прозванный великимъ, первый и по времени Драмашическихъ своихъ сочиненій и по высокости мыслей.

180. *Парижъ съ Хиленою Родригеу лавръ даритъ.*

Извѣстно гоненіе полномощнаго Французскаго Министра—Герцога де Ришелье на Трагика, изъ зависши къ нему; см. лѣтописи шого времени и выше приведенный стихъ Буало.

181. *(Расинъ) Стезею павною стремительно тешетъ,*

Къ восторгу зрителей рыдающихъ влететъ.

Трагедіи Расина никогда не умрушъ; онѣ, по справедливости, суть сокровища не шолько Французской но каждой словесности.

182. *Тамъ Федра, возроптавъ на смертныхъ, на боговъ,
Клянетъ въ отчаяньи коварства гадъ — льстецовъ,
И поколенію земныхъ владыкъ вѣщаетъ,
Что гнѣвъ небесный въ даръ царямъ ихъ посылаетъ.*

Пускай ненависшники вкуса и Театра Французскаго называютъ сіи и подобные стихи подборцемъ словъ; они всегда будутъ служить насмавленіемъ и Царямъ и Царедворцамъ. См. прим. къ 4-му Посланію.

183. *Ни побѣдитель Римъ, ни просвѣщенный Грекъ,
Подобнымъ зрѣлищемъ не славились въ своей вѣкѣ.*

Я и въ прозѣ не опонрусь опъ того, что здѣсь сказалъ стихами. По мнѣнію моему, *Гоголія*, соч. *Расина* естъ первая, по достоинству, на всѣхъ Театрахъ Трагедія.

184. *Желая міру благъ, онъ чувствъ, любви Поэтъ.*

Послѣ Французскихъ Трагиковъ я, касаясь нѣскольکو разныхъ родовъ Поэзіи, именую всѣхъ великихъ Поэтовъ Европы безъ различія формъ, кошорымъ они слѣдовали.

185. *Недавно сочинилъ науку о стихахъ.*

Переводъ мой науки стихотворной Г. Буало, извѣстный опечесшвеннымъ любителямъ словесности по многимъ изданіямъ, изъ коихъ послѣднее рядомъ (en regard) съ подлинникомъ, будучи похваленъ въ Петрополѣ и въ Москвѣ, Г. Гречемъ и другими Журналистами, досшигъ наконецъ Парижа, гдѣ 1826 года въ Декабрѣ мѣсяцѣ *Revue Encyclopédique* удосшоило оный своего упоминанія и Эпиграммы на Французскомъ языкѣ. См. шомъ III-й сего изданія, примѣчаніе 86-е, стр. 165.

186. Велѣлъ затѣйливѣмъ острить на ближнихъ колкость,
Слезливымъ клясть любви несносную жестокость.
См. *Art Poétique*, пѣснь I, стр. 6.

*L'un peut tracer en vers une amoureuse flamme
L'autre, d'un trait plaisant aiguïser l'épigramme.*

Замѣчашели при жизни славнаго Саширика пѣняли, для чего законодатель Французской Поэзіи пропустилъ роды Басни и Оперы, и сверхъ того заключали, что онъ не опредѣлилъ точно качества самостоятельнаго Поэта, а только распроспранялся о выборѣ, по испытаніи силъ того рода, въ коемъ каждый избранникъ Музъ можетъ быть превосходнымъ.

На II-е Посланіе питолицалъ Музъ.

187. Безсмертный Буало! вдохни о Басняхъ слово.

Слава Г. Буало, по смерти его, подвержена была, какъ извѣстно, многимъ превращеніямъ. Нѣкоторые любословы, не признавая его Поэтомъ, пѣняли за скудость воображенія; иные замѣчали недоспашки въ правильности языка и сложенія: но всѣ единогласно порицали за то, что онъ, выдавая науку о стихахъ, предаль забвенію цѣлый въ стихотворствѣ родъ—Пришчи, и приписывали сіе, по большей части, невниманію его къ Лафоншену. Г. Лагарпъ въ Лицеѣ своемъ, къ чести и защищенію Г. Буало, старается, сколько возможно, опровергнуть вышесписанные нападки, но признается наконецъ, что молчаніе Саширика въ наукѣ стихотворной о Пришчахъ и о Лафоншенѣ не извинительно. Я, съ своей стороны, еще болѣе удивляюсь, что законодатель

вкуса, разбирая естествоисловески известную Лафоншонову шуточную Сказку, называемую *Жокондъ*, осыпаетъ оную и Авшора похвалами, а о Басняхъ не говоришь ни слова. Сие Посланіе о Пришчѣ Г. Аббе де Лондъ перевелъ по Французски прозою и напечаталъ въ Парижѣ. Сверхъ того Г. Буало, воюя цѣлый вѣкъ прошивъ Кинольша и не любя Оперы, древнимъ неизвѣстной, также въ *Art Poétique* умалчиваетъ о семъ родѣ.

188. *Грембли долго тамъ и Локманъ и Биднай.*

Локманъ—славный Эѳіопскій мудрецъ, почищаемый ошъ многихъ изобрѣшашелемъ Пришчей, жилъ во времена Соломоновы и слылъ весьма богобоязненнымъ, мудрымъ и честнымъ человекомъ. Вопрошающимъ его: „у кого онъ изучился премудрости?“ ошвѣщшвовалъ: „у слѣпыхъ;— слѣпой сперва ошупываетъ землю, а потомъ поставивъ ногу.“ Сказанія о немъ весьма сходны съ повѣстью объ Эзопѣ, и ошъ того многіе заключающъ, что Локманъ и Эзопъ одно лице.

Биднай или *Пилнай* — древній Индѣйскій Браминъ и Философъ, наперсникъ и совѣтникъ Царя Дебехелима, обучалъ сего Государя нравственности, рассказывая ему приличные Пришчи, и шѣмъ сдѣлалъ имя свое бессмертнымъ.

189. *Эзопъ у Грековъ былъ за правду ратоборецъ.*

Эзопъ — родомъ Фригіецъ, рабъ Философовъ Ксанѳа и Идмона, по ошрошѣ своего разума и изящности своихъ Пришчей былъ въ великомъ уваженіи у Креза Царя Мидійскаго и у многихъ знаменишихъ современниковъ. Онъ въ Греціи, послѣ Гезіода, почишался древнѣйшимъ Пришчешворцемъ.

190. *Свободой одолженъ Федръ Августа́ рукѣ.*

Федръ—Оракійскій уроженецъ и оппущенникъ Августовъ—въ царствованіе Тиверія писалъ Пришчи ямбическими стихами и подвергся гоненію любимца его Сеяна за язвительныя слова на порокъ. Пять книгъ его Пришчей, называемыя имъ Эзопіанскими, предали имя его безсмертію. Древность ничего не имѣешь въ семь родѣ подобнаго, въ сравненіи съ Федровыми Пришчами. Онѣ до XV столѣтія были забыты; но Францискъ Питу, исхитивъ изъ книгохранилища Реймскаго, возвратилъ ихъ свѣту. Федръ въ Пришчахъ своихъ славенъ краскосцію, оппичною плавносцію, выборомъ словъ, удачнымъ склоненіемъ рѣчи и легкосцію, съ какою понынѣ ученики зашверживающъ оныя.

191. *Писатель — образецъ, искусно сладя части, и проч.*

Эзопъ ставилъ нравоученіе всегда на концѣ и въ ономъ былъ болѣе плодотворенъ, нежели въ самой Пришчѣ, копорая у него есть примѣръ удивительной краскосци. Федръ, Лафоншенъ и послѣдователи ихъ полагали оное и въ началѣ и въ концѣ Басни; нѣкоторые и совсѣмъ оставляли, но въ такомъ только случаѣ, ежели наставленіе (*moralité*) въ повѣсти и подобіяхъ такъ разитель-но, что предлагаемая истина сама собою, безъ всякаго изтолкованія, открывалась. Предлагая нравоученіе въ началѣ, Авторъ долженъ наблюдать, чтобы вся Пришча ни въ чемъ уже не оппущала оппъ избираемой истины. Примѣръ сему есть у Г. Хемницера въ Баснѣ: *Общество орловъ*.

192. *Въ началѣ или въ концѣ, какъ есть тому слутай.*

Слогоудареніе требуетъ, чтобы произносимо было *слутай*.

193. *Ослу въ ротъ не вложи разумныхъ разговоровъ.*

Эшо ешь общее правило для всѣхъ Драмашическихъ лицъ, но въ особенноти принадлежишь Пришчѣ, пошому, что опъ самой древности приданы звѣрямъ шакія свойсшва, коихъ сочинишель перемѣняшь не долженъ. См. разсужденіе Авшора о сущности Басни.

194. *Смотри, чтобъ выходилъ изъ Притчи намъ урокъ.*

Пришча безъ наспавленія сущесшвовашь не можешъ. За сіе-шо самое Греческій Плашонъ въ своей Республикѣ почшилъ мѣсшомъ Эзопа. Многіе славнѣйшіе писашели за соблюденіе онаго правила подверглись справедливому порицанію, а именно: L'homme entre deux âges et ses deux Maitresses, le Mari, la femme et le Voleur, la Cigale et la fourmi. Въ послѣдней Г. Волшеръ замѣчаешъ, что посшупокъ муравья безчеловѣченъ и не предспавляешъ правоученія. Прекраснѣйшая Пришча Г. Ламоша о двухъ воробьяхъ, досшойная Лафоншена, по мнѣнію Французовъ, хошя помѣщаешся въ Пишикахъ за изрядсшво вымысла и сшиховъ, но съ осужденіемъ, что правоученіе ея, порицающее законный союзъ брака, погрѣшишельно.

195. *Чудесный Лафонтенъ—Поэтъ и Философъ.*

Жанъ де Лафоншенъ, Французъ, родился въ Шапотиери въ 1621 году, спусшя годъ послѣ Молиера, въ царсшвованіе Людовика XIV, и не пользовался щедрошами сего Государя. Съ природы былъ безпеченъ, задумчивъ, неловокъ, въ рѣчахъ нескладенъ, нравомъ крошокъ, просподушенъ и весьма легковѣренъ. Въ юности своей обучался худо, и до 22 лѣшъ не чувсшвовалъ сшихосшворческаго дара; но выслушавъ однажды Мальгербову Оду, предался вдохновенію Музъ. Любимые его писашели

были Рабеле, Марошъ и Дюрфе. Современники, можешъ бышь, почишали его болѣе *простымъ теловѣкомъ*, нежели великимъ Басношворцемъ. Не видно, чшобы при жизни воздавали ему почесши; за шо нынѣ Французы, ш. е. Мармоншели, Мерсье, Шамфоры и Лагарпы посшавляюшъ его на ряду *съ великими* писашелями шого времени и всѣ единогласно заключаюшъ, чшо онъ далеко превзошелъ Эзона и Федра. Безспорно, чшо Лафоншенъ былъ изъ первыхъ въ свѣшѣ сшихошворцевъ; у него не шолько цѣлая Пришча, но каждая спрочка опшичаешся свободностію духа и зашѣйливостію ума: однако сами Французы опшдаюшъ Федру, какъ Пришчешворцу, полную справедливосшь, а доспойно славимаго Лафоншена укоряюшъ за излишнюю плодовишосшь и нечисшопу слога. См. Т. I-й полнаго изданія Авшора, въ Одѣ называемой *Гремушка*, стр. 250, опшзывъ его о Лафоншенѣ.

Лафоншенъ разсыпалъ въ Пришчахъ иногда лишнія прикрасы. Слѣдующіе сшихи въ Пришчѣ: *Ругей и рѣка*, служащъ шому доказашельсшвомъ:

Il entre, et son cheval le met

A couvert des voleurs, mais non de l'onde noire:

Tous deux, au styx allèrent boire

Tous deux, à nager malheureux,

Allèrent traverser, au sejour ténébreux;

Bien d'autres fleuves que les nôtres.

Они сшихошворны, прекрасны, но послѣдніе чешыре сшиха лишніе; повѣсшь шремя первыми кончилась. Таковая плодовишосшь происходишъ опъ шого, чшо Г. Лафоншенъ, будучи великій сшихошворецъ, предавался часшо пылкосши своего воображенія. Изъ сего видно, чшо смѣжный сему порокъ — пусшословіе; оно — Харибда

для всѣхъ родовъ Поэзіи, а паче для Припчей. Наспавляй и забавляй, не вмѣшивая посшоронняго вишійсшва. Мнѣ шолько надобно знашь послѣдсшвіе шого произсшсшвія, кошорое шы началъ разсказывашь, и почерпнушь изъ онаго нравоученіе. Не у мѣсша зайѣи и оспрое словцо опдаляюшъ меня опъ дѣйсшвія и лицъ. Сочинишель въ Припчѣ долженъ бышь за кулисами, а гораздо лучше, если его и шамъ нѣшь. Онъ можешъ умничашъ, сколько хочешъ, въ общесшвѣ своихъ пріятелей. См. въ прекрасномъ Г. Профессора Перевощикова сочиненіи: *О средствахъ плѣнять воображеніе*, справедливое замѣчаніе на Басню Г. Хемницера: *Два сосѣда*.

196. Пусть Притцу съ Сказкою онъ рядышкомъ пустилъ.

Въ числѣ Припчей безсмершнаго Лафоншена находишся множесшво Сказокъ. Онъ сіе дѣлалъ по примѣру древнихъ; но у нихъ оныя именно означены и въ меньшемъ количесшвѣ. Нынѣ Сказка и Припча, а паче современъ Лафоншена, пріемлюшся за одно, и не шребуешся никакой иносказашельности, кромѣ шого, чшобы повѣсшъ была замысловаша, заключеніе нравоучишельно. Нѣмецкіе Припчешворцы по большей часши писали Сказки подъ названіемъ *Притци* или *Басни*, изъ коихъ иныя шолько чшо Эпиграммы. Можешъ бышь, Г. Хемницерьъ, почерпнувшій содержанія свои большею часшію изъ Нѣмецкихъ писателей, для шого выдалъ сочиненіе свое подъ названіемъ: *Басни и Сказки*. Неоспоримо, чшо Припча есшъ родъ самосшояшельный, имѣющій собсшвенную значишельность. Древніе шакъ располагали свои Припчи, чшо соблюдая сущесшво иносказанія, изъ самаго подобія выводили урокъ; но въ послѣдсшвіи времени опъ рода иносказашельнаго, имѣющаго собсшвенную сущность, мало

по малу опсшуплено. Не говоря о шушочныхъ, ш. е. соблазнишельныхъ Сказкахъ Г. Лафоншена, изданныхъ въ двухъ томахъ подъ названіемъ: *Contes*, за кошорыя онъ приносилъ покаяніе и кои, хошя оспро и красиво писаны, служащъ въ самомъ дѣлѣ къ порчѣ нравовъ, я различаю шу Сказку опъ Пришчи, кошорая выпускаешся въ свѣшъ подъ вывѣскою иносказашельнаго рода. Нѣшъ, кажешся, нужды опредѣляшъ, что шакое Басня. Извѣшно, что она ешъ насшавленіе (*moralité*), извлекаемое изъ приключеній живошныхъ, пшицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, деревъ и всѣхъ безсловесныхъ сущесшвъ, кошорое подобіемъ своимъ посрамляешъ порокъ и возвеличиваешъ добродѣшель. Сочинишель для насшавленія обязанъ въ подобіяхъ сохранишъ свойсшво, въ природѣ находящееся. Онъ долженъ шакъ искусно сцѣпишъ всѣ общошшельсшва повѣсши, чтобы чишашель совершенно его вымыслу повѣрилъ и заключилъ бы, что оно собышіе. Пишашель Басней необходимо долженъ погрузишъ свое перо въ совершенную ешесшвенносшъ и просшшу, описывая приключенія и вещи самыя обыкновенныя. Басня, какъ говоришъ Г. Баше (*Bateux*), ешъ маленькая Поэма или Трагедія; перемѣни имена, — волкъ будешъ Неронъ, а Ягненокъ — Бришаникъ. Сказка же сижъ свойсшвъ и выгодъ не имѣешъ. Въ первой повѣсшвуешся дѣйсшвіе безсловесныхъ шварей, а во вшорой описывающся произсшсшвія людей. Къ первому роду опносяшся: *Волкъ и ягненокъ*, *Два голубка*, *Ворона и лисица*; ко вшорому: *Два Друза*, *Вдова*, *Разборшвая невѣста* и проч. Сказка предсшавляешъ правоученіе свое прямо, не расшворяя онаго красками иносказанія; ей не дано преимущесшва показывашъ мгновенно въ разнообразши природное свойсшво; она говоришъ: „человѣкъ сильный и злый;“ а Пришча ска-

жешъ: „Волкъ,“ и тогда разумѣешся прищѣсншель невинной крошоси. Слогъ Сказки цвѣшущъ, красивъ, но, по принадлежности къ роду иносказательному, долженъ сохранить крошкую умѣренность, и пошому иногда несвойственъ лицамъ, кои описываешъ, и всегда почти однообразенъ; эшо слогъ шолько повѣсшвовательный, а не иносказательный или Драмашический, и лица его хошя разномысленныя, но одарены единымъ подобіемъ. Звѣри, напрошивъ, всѣ разнообразны и свойство каждаго находишся въ самомъ лицѣ, и пошому слогъ Пришчи просшъ, свободенъ и еспешственъ, безъ всякихъ прикрасъ. Въ ней лишній цвѣшокъ, пущое слово—уже недосшашокъ; красшты заключающся въ ея завязкѣ и нравоученіи. Пришомъ надобно, чшобы не шокмо общошшельсшва, но даже всѣ слова клонились къ показанію шой истины, кошорую сочишшель избралъ себѣ предметомъ. Самъ Г. Лафоншенъ, какъ превосходный въ своемъ искусствѣ дѣлашель, въ Пришчахъ, почерпнушыхъ у Федра, старался бышъ, сколько возможно, шочень, просшъ и крашокъ; но въ Сказкахъ разсышалъ цвѣшты свободно пошому, чшо они сему роду болѣе свойственны. Для удосповѣренія въ сей истинѣ, сравненіе Басней его съ Сказками покажешъ, чшо слогъ шѣхъ и другихъ весьма различенъ.

Скажущъ, можешъ бышъ, чшо въ Сказкѣ, равно какъ и въ Баснѣ, заключаешся нравоученіе. Такъ; содержишся въ оной насшавленіе, но извлекаемое не изъ подобій, чшо прямо знаменуешъ иносказательность, а изъ приключеній обыкновеннаго человѣческаго сосшоянія; пришомъ оно ешъ общее всѣмъ родамъ Поэзіи и сосшавляешъ цѣль оной.

Иносказательныя мои сочиненія напечатаны въ полныхъ изданіяхъ 1818 и 1821 годовъ подъ именемъ *Басней*. Самое первое оныхъ изданіе особливою книжкою около 1803

года напечатанно было подъ именемъ *Притгей*, за что мнѣ и доспалося (не знаю, справедливо ли) ошъ Г. Журнальнаго сыщика. См. *Московскій Телеграфъ* (не упомяну, кошораго года). Въ послѣднихъ издаіяхъ я называю мои иносказашельныя шворенія Баснями, слѣдую почпеннымъ и знаменишымъ Баснописцамъ — современникамъ моимъ. Иносказашельный родъ вообще называется по Французски *apologue*, ш. е. Пришча. Подъ симъ названіемъ дошли до насъ Пришчи древнихъ, какъ-шо Царя Соломона и другихъ. Первый нашъ Баснописецъ—Александръ Пешровичъ Сумароковъ назвалъ, какъ извѣсно, сочиненія свои въ семь родъ Пришчами, и чую ли онъ не правъ. Слово *Басня*, кромѣ того, что предспавляешъ нѣкое унизишельное объ иносказашельномъ родѣ поняшіе, упошребляешся ошносишельно ко всѣмъ родамъ Поэзіи, для означенія узла или завязки въ вымыслѣ, ибо пишешся и говоршся: *Басня Эпической Поэмы у Гомера заключаешъ въ себѣ*, и прочее. *Басня въ Трагедіи: Селира, потерпнута изъ исторіи*, и подобное.

197. *Не будь высокъ, надутъ, но простъ и благороденъ.*

Можно смѣло заключишь, что безъ простоты и вмѣшѣ благородства нѣшъ Баснописца.

198. *Ламотъ сто Притгей вновь усердно подарилъ.*

Ламошъ — Французскій спихошворецъ, жившій въ половинѣ XVIII сполѣшія, современникъ Волпера и Лирика Руссо, сокращишель Гомера, перевель и передѣлалъ *Иліаду* Омирову въ XII пѣсней, писалъ Оды—Лирическія и Анакреоншическія, Оперы, Трагедіи, и выдалъ спо Пришчей, коихъ содержанія имъ самимъ изобрѣшены. Соземцы не признаюшъ его за спихошворца; однако нѣ кошорыя Анакреоншическія Оды и Басни его по сіе время

въ уваженіи. Сцена дѣшей въ Трагедіи: *Инеса*, почишаешся ошъ знашюковъ превосходною.

199. *Довольно кажетъ ихъ для Рускихъ Сумароковъ.*

Прекраснѣйшій стихъ его: *Великій Александръ только не гордился*, весьма хорошо сказано. Вошъ прямо Лафоншеново просшодушіе! заимешвованіе ошъ большаго къ меньшему. Уподобленіе осла Александру Македонскому должно разсмѣшишь самага угрюмага чишашеля. Можно, не сшавя А. П. Сумарокова на ряду съ Лафоншеномъ и другими знаменишыми въ свѣшѣ Баснописцами, сказашь, что, кромѣ игривосши слога, во многихъ его Басняхъ находишся просшоша, кошорая однакоже не даешъ ему права бышь образцовымъ Баснописцемъ. Выше сказано, что *Баснописецъ долженъ быть простъ и благороденъ.*

200. *Хемницеръ простотой своей меня прельщаетъ.*

Иванъ Ивановичъ Хемницеръ, Коллежскій Совѣшникъ и Императорской Россійской Академіи членъ, нѣсколько лѣшъ шому назадъ скончавшійся, писалъ Басни, кои плѣняя просшошою и ешесшвенносною, по справедливосши, сшавяшъ его въ числѣ превосходныхъ Баснописцевъ повсюду, не шолько у насъ.

На III-е Посланіе питомцалъ Музъ.

201. *Опера—Дидактическое швореніе, подобное Посланію о Пришчѣ.*

202. *Вѣроподобіе и страстный разговоръ.*

Опера, хорошо сосшавленная, необходимо должна сохранишь вѣроподобіе.

203. *Достойное творца Монины, Аталиды.*

Монима и Ашалида—лица въ Расиновыхъ Трагедіяхъ:
Митридатъ и Баязетъ.

204. *Мысль сердца объясни ты другу своему,*

Про тайну Кесарю не молви твоему.

Сии стихи, взяшыя изъ Мещаспазіевой Трагедіи:
Титово милосердіе, прекрасно выражены у Якова Борисовича Княжнина.

Le flot qui l'apporta recule épouvanté.

Какъ моря грозный валъ со страхомъ ошсшупаешъ.

205. *Наши Мѣльникъ пусть Русакъ.*

О сей собственено Руской піесѣ справедливо разсуждаешъ А. Ѳ. Мерзляковъ. Мѣльникъ Аблесимова никогда не умрешъ пошому, что живо въ крещьянствѣ предсшавляешъ Рускіе нравы; пришомъ имѣешъ по дошпоинству, что развязка не наша нуша, а выходишъ изъ самой завязки.

206. *Лукавый Збитеньщикъ ловѣе за носъ водитъ.*

Збитеньщикъ—Опера Я. Б. Княжнина, взяшая изъ Оперы: *on ne s'avise jamais de tout*, и Молиеровой Комедіи: *l'école des femmes*.

207. *Чудеснымъ зрѣлищемъ плѣняетъ Богатырь.*

Богатырь — прекрасная въ нашихъ нравахъ Опера извѣснаго Баснописца И. А. Крылова.

208. *И веселитъ меня пронырливый Сѣдырь.*

Кромѣ сихъ Комическихъ Оперъ много шеперь у насъ прекрасныхъ Водевильей Князя Шаховскаго, Н. И. Хмѣльницкаго, покойнаго А. И. Писарева и другихъ.

На IV-е Посланіе питолицамъ Музъ.

209. *Надеждой юноша и тувствомъ окриленный.*

Авторъ къ двумъ своимъ Посланіямъ о Пришчѣ и Оперѣ, напечатаннымъ въ полныхъ изданіяхъ 1818 и 1821 годовъ, захошѣлъ прибавить нѣкошорыя общія, по примѣру Горація, Вида и Буало, примѣчанія и правила объ искусствѣ Музъ.

Первое сего стихотворенія Посланіе хошя сочинено въ 1824 году, но доселѣ никому не было извѣсно и печатается въ первый разъ; а четвертое есть совершенно новое. Оно сочинено въ исходѣ 1828 года и окончено около 25-го Февраля 1829 года.

210. *Онъ видитъ, тувствуетъ движенье, жизнь и цѣль.*

Вдохновенный пѣвецъ, упишанный чшеніемъ высокихъ образцовъ, долженъ изображать изящную природу и добльшвенныхъ героевъ.

211. *Похитя зрителей вниманіе свободно,*

Поэтъ, рисуи страстей стремленье благородно.

Авторъ, съ сожалѣніемъ видя у нѣкошорыхъ писателей опшверженіе единства узла, опшкрываетъ здѣсь свои мысли объ изящной природѣ въ швореніяхъ искусствъ, о самобышномъ Поэшѣ и правильности въ выраженіяхъ языка, называемаго книжнымъ.

212. *Представитъ пеструю безъ цѣли тошной сказку.*

Сей стихъ оправдывается многими предспавляемыми на Императорскихъ Театрахъ не только Драмами, но даже Трагедіями, переведенными съ иносшранныхъ языковъ.

213. *Клишъ*.

Поставитъ съ Вакхомъ въ рядъ пророцество Деворы.

Прошивно началамъ и сущности искусства совокупленіе въ одномъ узлѣ разнородныхъ поняшій, ш. е. волшебства, баснословія и Православной Вѣры; развѣ при случаѣ явнаго оной господства, какъ въ *Поліевкшѣ*. Клишъ — вымышленное лице.

214. *Лишь слутай бы словить иль жалкой, иль слѣбиной,
Не думаетъ о томъ, каковъ его герой.*

Сспрасть къ такъ называемымъ на Французскомъ языкѣ въ Трагедіяхъ *effets*, или нечаяннымъ приключеніямъ, начинаешъ уже, опровергая въ самой Франціи правило о единствѣ узла, обольщашъ неопытныхъ зрителей и артистовъ, которые еще не постигли, въ чемъ состоитъ истинное превосходство. Искусство требуетъ, чтобы каждое стихотвореніе имѣло свою цѣль и являло предъ зрителями или читателями героевъ искусственныхъ несчастіями, героевъ сспрастныхъ, но не преступныхъ. Голая природа, опровергая единство и смѣшивая поочередно въ одномъ лицѣ сспрасти высокія и побужденія совершенно ненравственные, по необходимости должна, заманивая слушателей и увлекая ихъ въ предѣлы невѣроятности, шѣшишъ приключеніями небывалыми и даже иногда неестественными, призывая не рѣдко себя въ помощь, для блистательнаго успѣха, искусство живописца или машиниста. Вошъ причина, по коей вспрѣчающся въ иностранныхъ Драмахическихъ представленіяхъ въ одной завязкѣ погребеніе и свадьба, крестины и великолѣпный праздникъ, неоправданныя убійства и связь Курфисшовъ съ найденышами. Смотри Мелодраму: *Пятнадцать лѣтъ жизни церока*, которая

имѣла успѣхъ и въ Парижѣ и у насъ, и одинаковые отзывы о ней Французскихъ и нашихъ Журналовъ. Я съ удовольствіемъ помѣщу здѣсь очень мудрое и справедливое изрѣченіе одного современника, который о подобныхъ теоріяхъ отзывался: „это ни Трагедія, ни Комедія, но сценическіе опривки, вымышленные или историческіе.“ Таковой отзывъ относится къ большей части иностранныхъ Театральныхъ сочиненій нашего времени. Разбойникъ, зажигатель, сушь лица, коихъ исправитъ можешь не Театръ, а уголовный судъ; слѣпецъ, юродливый, нищій или хромоногій, безспорно, производящъ жалость, но жалость сія вообще ограничивается только спрадающимъ человѣчествомъ, безъ отношенія въ искусствѣ къ дѣйствию, т. е. къ баснѣ или узлу сочиненія.

Одинъ Нѣмецкій Авторъ, рассуждая о Поэтическомъ достоинствѣ знаменитаго Гете, тоже говоритъ: „къ чему описывать бездушные, гнусные пороки, выводить на сцену пошлыхъ негодяевъ, и при томъ украшенныхъ, какъ бы облагороженныхъ.“ См. *Вѣст. Евр.* 1829 г. Юнь мѣсяць, № 11-й, стр. 102, 103, 104 и 105.

215. *Уже ли будетъ онъ для сцены образецъ?*

Недавно появилась Драма писанная Авторомъ пятнадцать лѣтъ жизни игрока, подъ названіемъ: *Амстердамскій палаць.*

216. *На что мнѣ общество Русалокъ и гертей?*

Содержанія, основанныя на такъ называемой (féerie) въ которыхъ дѣйствующи свержъестественныя силы, не могутъ бытъ только насмѣшливы, особливо въ высокомъ драгическомъ зрѣлищѣ, и только пріятны, сколько приключенія искушаемыхъ людей. Сему доказатель-

свомъ служашъ Медеи—Шепра Корнелія и Лонжепьера на Французскомъ Театрѣ. Я о послѣдней нѣкогда заключалъ въ дружескомъ письмѣ къ *Θ. Θ. Кокошкину*, что успѣхъ ея у насъ почно зависѣлъ отъ искусства *К. С. Семеновой*, которая выбрала ее себѣ въ бенефисъ. И подлинно, особливо въ этой роли, она была волшебница. Присовокупимъ сказанное въ примѣчаніи 213-мъ о сщъплениі въ одинъ узлъ различныхъ вѣроисповѣданій; надобно, чтобы Православіе сущесшвенно торжесшвовало, чему примѣръ у Волшера: *Заира и Альзира*.

217. *Французскихъ Трагиковъ подборцу словъ и горю.*

Французская Трагедія имѣешъ, конечно, свои недосшашки, особливо въ сочиненіяхъ вшоросшепенныхъ писашелей, которые здѣсь не ушашиваются.

Преждеписанныя замѣчанія и мнѣнія Авшора о Французской Трагедіи ясно доказывающъ его безприсшрасшіе къ шой или другой сценѣ. Впрочемъ все сказанное въ семъ Посланіи отнюдь не насмѣшка или попрекъ, ниже урокъ послѣдовашелямъ шого или другаго мнѣнія. Я при глубокихъ лѣшахъ, должносшію себѣ посшавляю въ насшоящемъ спихосшвореніи отккрышъ шолько собсшвенныя свои мысли о предметѣ, который въ долговременную жизнь былъ близокъ къ сердцу и который понынѣ раздѣляешъ умы всей Европы. Играя посшороннее лице въ насшоящемъ преніи о *правилахъ и безправильности*, пишу шо, что чувсшвую, безъ склоненія кого бы шо ни было на свою шорону, хотя не соглашашюся съ обзоромъ при *Сѣверныхъ цвѣтахъ* на 1829 годъ, шакже и съ другими, проповѣдующими, что споръ о *правилахъ и безправильности* уже рѣшенъ. Очень недавно Французская газеша (*le Journal des débats*) свидѣтель-

сшвуеть, что классики, въ числѣ коихъ именуешъ нѣ-
сколько извѣстныхъ членовъ Французской Академіи, по-
дали просьбу Королю на романшиковъ.

218. *Преобращаются въ пастушетьи напасти.*

И Буало говоришь :

Qu'Achille aime autrement que Thyrsis et Philène.

N'allez pas dans Cyrus nous faire un Artamène.

Примѣръ эпому двѣ Беренисы славныхъ Пешра Корне-
лія и Расина опца. У послѣдняго Трагедія кончипся
словомъ *увы!* *Helas!* впрочемъ и въ сей Трагедіи у Раси-
на спосложение прекрасное и образцовое.

219. *Сажать въ Трагедіяхъ на Антіоховъ тронъ.*

Антіохъ — лице въ Трагедіи Расина.

220. *Для кровныхъ пагубы, отраву пьетъ ма.*

При недоспашкахъ, въ кошорыхъ обвиняюшъ Фран-
цузскую Трагедію, я съ своей спороны могу свидѣтель-
сшвовашъ, что Французская Мельпомена въ лучшихъ
Трагедіяхъ своихъ производишь ужасъ и сожалѣніе. См.
Посланіе I-е сего спихосшворенія:

*„Ахилла видѣли, мы Клителнестру зрѣли,
Съ родившей, съ женихомъ о дочери жалѣли,
Спѣшили у жреца ножъ жертвенный отнять,
Мы не Семенову, — мы точно зрѣли мать.“*

Сіе чешыреспшише не шолько справедливая похвала
въ привѣшсшвіе знаменишой нашей современницѣ, но
емѣшшъ и чувсшво, производимое во мнѣ и въ другихъ,
(какъ я надѣюсь) Французскою Трагедіею, когда она хоро-
шо обсшавлена на Театрѣ, и кромѣ Родогуны о кошорой
говоришь предыдущій спихъ.

221. *Блюдя порядка нить при описаньи бѣдъ,
Къ восторгалъ, ужасалъ не потеряли слѣдъ.*

См. предъидущее примѣчаніе. Неоспоримо, что кромѣ выписанныхъ мною примѣровъ, производящихъ ужасъ на Театрѣ, развѣ зришель оставляешъ храмъ Французской Мельпомены безъ ужаса, сердцемъ производимаго въ *Циннѣ* и *Гораціѣ Корнеліевомъ*, *Меропѣ* Волперовой, *Радамистѣ* Кребиліономъ и многихъ другихъ; развѣ нѣкоторые зрители попребующъ ужаса не для сердца, а для глазъ, по еспѣ почнаго умерщвленія лицъ, пожаровъ и опустошенія на Театрѣ.

222. *Пускай прилитіемъ натуру крѣпко сжали.*

Строгое наблюденіе *прилитія*, которому слѣдуешъ Французская Трагедія, оправданіе причинъ, входъ и выходъ Театральныхъ лицъ, ходъ дѣйствія еспѣ требованіе искусства; но часно разсужденіе любовниковъ о невѣрности, какъ излишнее или прищорное, шакже умноженіе безъ учаспія дѣйствующихъ лицъ, вѣспниковъ, вѣспницъ, наперсниковъ, наперсницъ охлаждающъ и развлекающъ вниманіе чисташелей, о чемъ и самъ Буало справедливо замѣчаешъ:

*Envain vous etalez une scene savante:
Vos froids resonnements ne feront qu'attiedir
Un spectateur toujours paresseux d'applaudir.*

223. *О подражаніяхъ и правилахъ ни слова.*

Ни слова для шого, что правила и образцы не помѣшающъ превосходному писателю сошворишъ въ искусствахъ что либо отличное. Относительно же холоднаго и слѣснаго подражанія, о коемъ уже довольно сказано и въ настоящемъ стихотвореніи (См. Посланіе II о Прит-

ѣ или *Баснѣ*) и въ другихъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ III-мъ томѣ), я при спашѣ о собсвенномъ въ Авшорѣ (*originalité*) еще буду говорить; а здѣсь упоминаю, что единство узла существуетъ въ искусствахъ, поелику оно въ природѣ и все клонится къ своему началу, следовательно и необходимо въ искусствѣ Мельпомены, для чего спрашиваю у всякаго, нарим. въ Театральномъ представленіи о Петрѣ Великомъ пріятно ли, согласно моимъ стихамъ, встрѣчать лице Димитрія Самозванца, который жилъ прежде преобразителя Россіи? Пускай утверждають, что Дидона не современница Энея; но при должномъ уваженіи къ шаковому уполномочію преимущественно Поэты, мнѣ грустно, что поразишель силъ Мамая — Донской, усремясь на спасеніе опечесшва, спрадаешь, пускай плавными стихами, любовію къ какой-то Ксеніи. Всѣ посѣщители Театра знаютъ, что Донской уже имѣлъ законную супругу изъ рода Князей Баряшинскихъ, и возвращаясь, по разбишіи Ташаръ, прямо въ Переславль Залѣскій, нашель шамъ свою Евдокію, которая ему подарила Царевича, крещеннаго, по приглашенію героя, преподобнымъ Сергіемъ, Радонежскимъ чудотворцемъ. Сочинишель спашьи: *Разборъ Поэмы—Полтава*, очень основательно разсуждаешь, что историческіе характеры должны бышь соблюдаемы въ шочности. Смощри *Журналъ Сына Отечества* 1829 года, Апр. мѣсяць, No 15, стр. 49, 50, 51 и 52.

224. *Петра на Клеуцино съ Москвы переселяй.*

У Французовъ подражателью Аристотелю при единства: *дѣйствія, мѣста и времени*. Искусный Авшоръ можешь продлишь время представленія и удалишься опъ

единства мѣста, но обязанъ необходимо сохранитьъ единство дѣйствія.

225. *Прибавь для дѣйствія еще на сутки время.*

См. предыдущее примѣчаніе.

226. *Пусть Аристотеля винятъ, сугубя рѣчь.*

См. предъ симъ 223-е примѣчаніе объ единствѣ узла и о правилѣ, которое почерпнуто, какъ выше сказано, изъ самой природы.

227. *Сцѣпленью узла, свойствъ дай полную ты власть.*

См. примѣчаніе Жофроя къ Трагедіямъ Расина, гдѣ онъ ясно доказываетъ, что одно только спрадающее, по несчастію, лицо можетъ возбуждѣть въ зрителѣ участіе. Неронъ въ *Британикѣ* и Магомешъ Волперовъ не производятъ никакого соболѣзнованія. Французы, по справедливости, могутъ похвалиться искусствомъ склонять сожалѣніе къ досшойному въ несчастіяхъ лицу. У Расина съ перваго явленія читатель или зритель видятъ и чувствуютъ, къ кому наклонился ихъ состраданіе. Въ *Ифигеніи*, безъ сомнѣнія, къ Клиземнеспрѣ, дочери ея и Ахиллесу; въ *Андромахѣ* — исключительно къ вдовицѣ Гекшора, къ Герміонѣ и Аспіанаксу; въ *Баязетѣ* — къ сему несчастному Царевичу и Роксоланѣ; въ *Британикѣ* — къ герою Трагедіи и машери его; въ *Митридатѣ* — къ Мониѣ и Ксифаресу.

228. *Поэтъ — премудрости высокой исполнитель.*

Въ сей счастѣ собственно разумѣется Авшоръ не подражалъ, а развѣ послѣдовалъ. Истинный Поэтъ, какъ я думаю, существуетъ самъ по себѣ, безъ опасенія къ предшественникамъ и даже преемникамъ хотя бы они родились послѣ него спустя десятилетия или

сопни лѣшь въ шой ли спранѣ, гдѣ онѣ жершвовалѣ Музамѣ, или въ другой. Словомѣ, онѣ самѣ шворишѣ: *въ горнилѣ разума и чувства сотворяетѣ*. (См. Посланіе II-е о Притѣбѣ). Вошѣ опредѣленіе Поэша неподражашеля! По моему мнѣнію, каждый хорошій Поэшѣ болѣе или менѣе самосшояшеленѣ; шаковыми я называю Геллерша, Пешрарка, Данша, Руссо-Лирика, Геснера, Геше и многихъ другихъ. Они имѣя свой собсшвенный образъ мыслей, чувствѣ, выраженій и даже слога, въ формахѣ шолько сущѣ послѣдовашели предшесшвенниковѣ своихъ. Развѣ современникѣ нашѣ Бейронѣ—слѣпый подражашель Шекспира, Виргилій Гомера, Расинѣ Софокла, Моліерѣ Шавша, Лафоншенѣ Федра?

229. *Постигли собственность сердецъ своихъ внутри.*

Предыдущее примѣчаніе о самобышномѣ Поэшѣ ясно доказывашель, каковѣ онѣ долженѣ бышѣ; а что касашель до сухихъ подражашелей, шо ешѣ, Французскихъ *Кампистроновѣ* и подобныхъ имѣ, шо прочши вышешисанное II-е Посланіе о Баснѣ и шаковое же въ III-мѣ шомѣ Я. Б. Княжнину о Трагедіи, гдѣ ошкрышо, въ чемѣ заключаешель истинное подражаніе; шакакже смощри въ Московскомѣ Журналѣ, называемомѣ *Атеней*, Маршѣ 1829 года (Лекція Вильменя), гдѣ между прочимѣ, согласно мнѣнію моему ошносительшо оригинальносши каждого хорошаго Поэша, упоминаешель при разсужденіи обѣ ошсашельшой Поэзіи, что Делиль — оригинальный Поэшѣ, ш. е. просшо Поэшѣ, имѣющій собсшвенныя дарованія.

230. *Коль нравятся инымъ и Гете и Бейроны.*

Подражашель полешу и духу знаменишаго Авшора похвальшо. Подражаніе зависишѣ ошѣ воли, свойсшва и расположенія каждого Поэша. Здѣсь шолько говоришель

о предпочтеніи той или другой формы искусства, того или другого шолѣшя и народа, того или другого писателя; слѣдшвенно въ свободныхъ искусствахъ подражатель Геше не можешъ мнѣ или другому запрешшь бышь подражашелемъ Корнелія, Расина и прочихъ знаменишыхъ Поэшовъ, шолько на основаніи началъ природы и здраваго разсудка. Изъ сего слѣдуешъ, какъ выше въ примѣчаніи сказано, что споръ о той или другой Мельпоменѣ не конченъ.

231. *Объ формахъ рѣчи нѣтъ, страны изгезли, годы.*

Подражаніе формамъ ешь общее; но ни одинъ Поэшь, при наблюденіи извѣстныхъ формъ своего искусства, не долженъ слѣпо подражашъ какому нибудь предшешвеннику. См. въ семъ томѣ Посланіе о ложныхъ Критикахъ и примѣчаніе къ оному 44-е.

232. *Герои были, ешь въ Ашинахъ и Парижѣ,*

Но къ сердцу Рускаго Пожарскій, Мининъ ближе.

Трагедія: *Пожарскій*, соч. Крюковскаго хошя, можешъ бышь, и подвергаешся основательной Критикѣ, но легкая въ шопосложеніи правильность и счастливое изображеніе знаменишыхъ подлинниковъ исторіи нашей, напоминая намъ любезное опечешво, при чшеніи или предшавленіи сей Трагедіи каждому Рускому приносящъ и будущъ приносишь истинное удовольшвіе.

233. *Не иля еромкое роднаго мнѣ лица*

Воспламенитъ улы и улягитъ сердца.

Примѣчаніе объ Аблесимовѣ можешъ удостовѣришь, что не одни комшюмы или прощонародный разговоръ лицъ въ насмѣшливыхъ Драмахъ подаюшъ сочиншелю право на пришязаніе лавровъ за собшвенное

(originalité). Дѣло въ томъ, чтобы каждое лице составляло нѣчто новое, принадлежащее описаніемъ свойству самому творцу сочиненія. Въ Трагедіяхъ, въ Комедіяхъ или въ другомъ родѣ, это все равно. *Герміона* на Французской сценѣ есть собственное твореніе Расина.

234. *Пускай Аблесимовъ себѣ вѣнецъ доставилъ.*

Аблесимовъ оказалъ услугу Россійской Словесности. Мельникъ его почно Руское сочиненіе. Сія маленькая Оперка заслуживаетъ полное вниманіе любителей прекраснаго, шѣмъ болѣе, что завязка въ ней самая естественная и просшая почерпнуша изъ Рускихъ нравовъ. Смори 205-е примѣчаніе при предъемъ Посланіи сего стихотворенія *объ Оперѣ*.

235. *Пускай Филиппъ Второй—Гишпанскій былъ Король.*

Хотя Поэтъ преимущественно черпаетъ содержаніе изъ естественной Исторіи, но также не запрещено ему брать оное ошвсюду и даже вымыслишь, если угодно. Трагедія, объ коей рѣчь, есть сочиненіе Альфіери на Италіанскомъ языкѣ. Славный Нѣмецкій писатель — Шиллеръ присвоилъ сіе содержаніе Нѣмецкому Театру подъ именемъ *Донъ - Карлоса*. См. сію Трагедію на Рускомъ языкѣ, переводъ Платона Григорьевича Ободовскаго. Впрочемъ каждый Авторъ долженъ историческое происшествіе, естественное или чужеземное, принаровлять къ обстоятельству и нравамъ той земли, гдѣ оно случилось, и не смѣшивать Гишпанской Исторіи съ Французскою или Англійскою, особенно въ отношеніи къ свойству лицъ. Рускаго дѣлай Рускимъ, Гишпанца попомкомъ Мавровъ и такъ далѣе. Буало запрещаетъ изображать :

Катона щеголемъ, а Брута подлинной.

236. *Кто собственно Поэтъ? гдѣ онъ? — Зря міръ въ борьбѣ,
Пусть далеко паритъ другъ Музъ,—онъ самъ въ себѣ.*

Кажется, неоспоримо, что собственности каждому Автору должно искасть въ самомъ себѣ, независимо отъ времени, обстоятельствъ, переменъ нравовъ и обычаевъ. Въ Греціи было большое число Лирическихъ Поэтовъ при Пиндарѣ и послѣ него; Баршелеми въ Анахарсисѣ насчитываютъ ихъ до 400; также много великихъ Лириковъ въ Римѣ и въ другихъ странахъ Европы, но доселѣ зашмилъ ли кто Пиндара? каждый великій Поэтъ имѣетъ собственность, и можно заключить, что въ послѣдствіи вѣковъ никто не зашмилъ Ломоносова, который, пускай читалъ предшественниковъ своихъ, а нѣкопорымъ, можешь бышь, и подражалъ, для пошомковъ нашихъ, не только для насъ, самосшощельный.

Природный пѣвецъ лепилъ мимо предшественниковъ и не боится послѣдователей. Онъ самъ.... и его никто не зашмилъ. Родилъ двадцать Геллершовъ, Федровъ, Лафоншеновъ въ Россіи или въ другихъ земляхъ, и никто не зашмилъ Хемницера, пошому что онъ имѣетъ собственную чершу, ему одному болѣе другихъ принадлежащую, именно просшодущіе въ разказѣ.

237. *Великость опиши подъ именемъ Синава.*

Повшоримъ, что Трагедія: *Пожарскій*, всегда будешь священна и любезна Рускому сердцу. Пошребно въ семъ случаѣ только одно условіе, которое находишь въ *Пожарскомъ*, именно, чтобы герой поступками, правилами и разговоромъ плѣнялъ не только сошечешвенника, но вообще каждаго благонамѣреннаго и образованнаго челоука, какой бы онъ земли ни былъ уроженецъ, то ешь, чтобы швореніе искусва, какъ превосходное

или опличное, оспалося жишь навсегда, и восхищало бы всѣхъ земель и вѣковъ любишелей високаго.

238. *И коль тебѣ не милъ за Дарія вѣнецъ.*

Дарій—Царь Персидскій. Авшоръ упошребляешъ сіе имя для ознаменованія Трагедіи изъ Испоріи чужой земли или даже вымышленнаго произшесшвія.

239. *Не видя предъ собой, съ ней сердцемъ говоритъ.*

Сей стихъ—образчикъ подражанія—взяшъ изъ Трагедіи: *Андромаха*, когда Герміона упрекаешъ Пирра за намѣреніе всшупишь въ бракъ съ соперницею.

Tu lui parle du coeur, tu la cherche des yeux.

Съ ней сердцемъ говоришь. Авшоръ думаетъ, что сіе похищеніе у Расина не ешъ пресшупленіе прошивъ оригинальности и не лишнее въ стихошвореніи Дидакшичскомъ. Примѣчаніе мое о подражашелѣ или, лучше сказашъ, о досшойномъ послѣдовашелѣ нѣкошорымъ образомъ ошносишся и къ превосходному переводчику, который, возразашъ мнѣ, *творецъ только по слогу.* Я присовокуплю: переводчикъ можешъ бышь въ преложеніи создашелемъ, ешъли присвоишъ себѣ не однѣ красшны, но мысли, чувшва и свойштво опличнаго подлинника, имъ на свой языкъ перелагаемаго.

Украдь Корнелья духъ, а у Расина тувство.

Смошри Басни Авшора, книг. 2.

240. *Поэтъ, проникнувъ духъ и Тасса и Мильтона, и пр.*

Сшашья моя о языкѣ Поэша включаешъ въ себѣ преложенія, кошорыя, по крайнему разумѣнію, я сшарался рѣшишь согласно съ примѣрами ошепененныхъ языковъ (*langue fixée*) и писашелей разныхъ сшранъ. При

разсужденіи о правильности языка, объ языкѣ книжномъ и разговорномъ и о нашемъ языкѣ коренномъ, говорю о Поэзіи природномъ, упишавшемся духомъ первоспашейныхъ Поэтовъ всѣхъ вѣковъ, именно: Торкваша, Мильшона, Шекспира, Шиллера, Расина, Марона, разумѣя превосходныя ихъ дарованія, полешъ мыслей и сердца, не касаяся ни мало до цѣли и образа ихъ сочиненій, шакже, опцмешали ли они правила Аришпощеля и до какой степени наблюдали прежде извѣсныя формы, или иные изъ нихъ вводили свои; наконецъ заключаю, что насшоющій Поэзіи долженъ съ младенчества, зная основательно свой коренный языкъ и вмѣшъ языкъ современный — разговорный, лучшими обществами упошребляемый, посшигнушъ искусство управляшъ и владѣшъ обоими для досшиженія истинной цѣли своей. Онъ долженъ, передавая себя пошомшву, шакъ писашъ, какъ говорили въ его время, ш. е. вразумиштельно для современниковъ, долженъ наблюдая ясношъ, пещись о правильности языка и благозвучіи.

241. Орудіе его, пещать даровъ — языкъ.

См. примѣчаніе о Критикѣ 45-е, кошорое объясняешъ, что Поэшу — невѣждѣ въ языкѣ — ни шагу нельзя сдѣлашъ на Геликонѣ. См. Т. III-й, Посланіе I-е, стр. 5, гдѣ сказано:

Безъ правилъ въ языкѣ не мтися въ слѣдѣ Пиндара.

И л и :

„Мѣстоименіе, нарѣсіе, глаголъ,

„Пускай бездѣлицы, — виною многихъ золъ.

„Связь рѣчи съ мыслями и съ рѣшмою разсудка

„Покажется слѣшна, однако и не шутка.

Тутъ же не лишнее повторить правило Горация о совокупленіи природныхъ дарованій съ искусствомъ. Вошь для чего я и осмѣлился заключить:

Высокій даръ пѣвца Грамматикѣ не уститъ.

И еще примолвлю, что Поэшь безъ знанія въ языкѣ никогда не будетъ образцовымъ. Мысли и чувства его пускай дойдутъ до пошомства, но лишенные правильного и красиваго выраженія не могутъ столь удобно вкореняшся и продолжительно дѣйствовать, какъ мысли и чувства Автора - писателя (Auteur - écrivain). См. въ семъ томѣ 52-е прим. на III-е Посланіе о Критикѣ, гдѣ изъ Encyclopédie méthodique помѣщена выписка сочиненія Даламберша, въ коей опредѣляются слова *сочинитель* и *писатель*.

242. *Высокій даръ пѣвца Грамматикѣ не уститъ.*

И подлинно. Старинная пословица говоритъ: *не утешагося грамотѣ въ Священники не поставятъ*. Иные заключаютъ безъ основанія, что (по нынѣшнему) *геніальный* Поэшь не имѣетъ нужды ни въ какихъ свѣденіяхъ и можеть даже обойтись безъ знанія языка, на коемъ онъ пишетъ. Примѣры всѣхъ вѣковъ и земель опровергаютъ сіе ложное Поэшовъ мечтаніе. Гораций утверждаеть, что при дарованіи нуженъ вкусъ; Вида и Буало тоже говорятъ:

„Sans la langue en un mot l'auteur le plus divin

„Est toujours, quoi qu'il fasse un méchant écrivain.

Всѣ писатели вѣка Людовика XIV почерпали основательное просвѣщеніе въ знаменимыхъ училищахъ и не прежде всступали на Парнасъ, какъ совершивъ опредѣленный курсъ ученія, особливо въ наукахъ словесныхъ. Пра-

до нас при жизни въ Парижѣ презирали сколько же за его невѣжество, сколько за бездарность. Многие знаменитые, по справедливости, гениальные Поэты знали свой языкъ и основательно оному учились. Шекспиръ въ извѣстномъ Университетѣ, Шиллеръ писалъ въ прозѣ сочиненія, кои свидѣтельствуютъ о его знаніяхъ и неповерхностномъ просвѣщеніи, Гете тоже. Ишакъ не надобно смѣшивать превосходнаго и графомнаго писателя съ невѣждою потому только, что первый не соблюдалъ правилъ или формъ искусства, до него употребляемыхъ. Повторяю, что Шекспиръ, Шиллеръ и другіе суть нововводители, а оплодъ не невѣжды, именно въ языкѣ, о коемъ теперь идешь рѣчь. Требованіе мнимыхъ гениевъ - Поэтовъ, бывъ знаменитыми пѣвцами безъ знанія о правильности словосочиненія, несомѣстно съ здравымъ смысломъ.

243. *Кто дикій, пестрый ли создастъ для насъ языкъ.*

Подлинно, неискusstное смѣшеніе языка книжнаго съ разговорнымъ или слога высокаго съ обыкновеннымъ и даже просонароднымъ можетъ принести большой вредъ словесности и самому писателю. У насъ тому примѣръ знаменитый Лирикъ Пешровъ. Не безъ основанія нѣгдѣ Мерзляковъ объ немъ опзывается, что „послѣ Ломоносова, сочиненія Пешрова будутъ любимою книгою cadaго молодaго Поэта.“ Сіе истинно со стороны чувствъ, изобрѣшенія, мыслей и даже правильности языка, но только такоаго, въ кошорый часто вмѣшиваются обороты и слова нынѣ неупотребляемыя. Онъ началъ Оду свою на рожденіе Императора Александра I:

Явилась нова въ мѣръ планета,

Знать были созданы не всѣ.

Справедливо похваляя сію прекраснѣйшую Оду, хвалю великолѣпное оной начало, и не осшанавливаясь даже на усѣченномъ нова, вмѣсто новая (планета), замѣчаю шолько, для чего помѣщена малоупотребительная часшица? Зачѣмъ вклеивашь въ высокій слогъ часшицу знать, когда можно замѣсшишь ее вопросительною? Примѣровъ шакой несообразности, кромѣ Пешрова, довольно находишся въ сочиненіяхъ современниковъ и послѣдователей его.

*244. Искусство въ языкѣ лишь можетъ право дать
Поэту мудрому вѣками обладать.*

Возмемъ въ примѣръ того же Пешрова. Дарованія его были превосходныя, познанія опличныя; кромѣ новыхъ языковъ: Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго, онъ черпалъ изъ источниковъ. Зная совершенно свой коренный языкъ — Славянскій, искусень былъ въ древнихъ языкахъ, Греческомъ и Латинскомъ (*); но по всей справедливости можно вопросишь: кто изъ нашихъ современниковъ читалъ внимательнo Пешрова, копорый едва ли не болѣе сосшарѣлся, нежели Каншемиръ, пошому что онъ въ Лирическихъ швореніяхъ своихъ, въ переводѣ Энеиды и даже въ Посланіяхъ средняго рода, держась слишкомъ формъ книжнаго языка, неспшашаи испесшрилъ оный необыкновенными и несвойственными содержанію выраженіями? Я пишу сіе по убѣжденію моей совѣсти, въ очевидное доказательство, что собсшвенно зависишь ошъ каждаго Поэша осшашься жишь болѣе или менѣе въ

(*) См. Біографію его въ Журналѣ любителей просвѣщенія и благотворенія, досшавленную Авшору ошъ сына Поэша — Пешрова, Гасона Васильевича.

попомствѣ. См. предисловіе Авшора къ I-му тому. Знаніе и искусное совокупленіе книжнаго языка съ разговорнымъ, безъ сомнѣнія, подарить лавръ продолжительной извѣстности каждому писателю. Ошъ чего Пешровъ, кошорый вишійшвовалъ позже Ломоносова и жилъ по смерти его болѣе 20-ти лѣтъ, соспарѣлся, а лебедь Архангелогородскій шакъ бѣлъ, чистъ и свѣжъ донынѣ, какъ въ 1736 году при первомъ началѣ своего стихотворства? Ошъ чего? ошъ вышепоказанныхъ причинъ, по кошорымъ выливающимся между высокими мыслями и обильными чувствами нижеслѣдующіе (у Пешрова) стихи:

О како возлюби ю!

И л и :

„Положимъ,—день сей мглицъ, но все онъ день, не ночь.

Или, по спроси къ сокращенію именъ, даже собственныхъ, вмѣсто *Колебакина* и *Аршеневскаго*, онъ говоритъ: *Кольбакъ* и *Аршеневскъ*, для рѣимы, чаю, на берегъ *Невскъ*. Первый нашъ Трагикъ *Сумароковъ*, не въ сравненіи его съ другими.... талантовъ вывѣшивать нельзя.... имѣлъ дарованія и, конечно, отличныя. Нѣкошорые изъ его стиховъ и при появленіи были и всегда будутъ пословицами. Творецъ *Синава*, мало вникая въ красоты языка, и, можетъ бытъ, неосновательно зная языкъ коренный и книжный, впалъ, по небреженію, въ совершенное забвеніе у послѣдователей, кои никогда не упоминають о его многихъ прекрасныхъ отличныхъ стихахъ, хошя нѣкошорые, какъ выше сказано, стихи — пословицы. Въ убѣжденіе будущихъ Поэтовъ пришлось повпорить то, что я говорилъ о *Сумароковѣ* (См. I-е Посланіе о *Кришикѣ*):

Гремѣла на зарѣ его въ Россіи лира.

Пускай Кришика не посшавишь Сумарокова въ образцовые писашели, но въ 10-ти шомохъ его разнородныхъ Пишическихъ произведеній естшъ шакія явленія, сшашьи, сшихи и цѣлые опривки, кои въ досшойншвѣ не усшупяшъ никакому писашелю. Вошъ ясное доказашельсшво, чшо будучи, по сшаршинсшву, въ числѣ первыхъ нашихъ Поэшовъ, онъ по природнымъ дарованіямъ сдѣлался бы образцовымъ, если бы рачиль объ языкѣ.

*245. Они (Французы) гела, крамолъ, или коня не слышутъ,
Изъ точки въ точку вѣкъ и говорятъ и пишутъ.*

Примѣръ Французскаго языка, на коемъ хошя многіе великіе Поэшы писали, нимало не убѣдишеленъ для Рускихъ. Безспорно, чшо языкъ Французскій весьма бѣденъ. Ишакъ, если кшо пусшисшя добивашься зеленыхъ лавровъ за сочиненія, озаренныя шолько языкомъ разговорнымъ, шощъ не уйдешъ далеко ни въ какой словесности, и при богашсшвѣ шаланшовъ осшанешся средсшвеннымъ писашелемъ. Обязанность каждаго хорошаго пѣвца естшъ соблюденіе правилъ въ языкѣ и сшасшливое совокупленіе языка книжнаго съ разговорнымъ. Не излишнимъ почишаю здѣсь упомянушь объ одномъ обстояшельсшвѣ случившемся съ Авшоромъ. Извѣсшный своими опличными досшойнсшвами и сочиненіями покойный *Графъ Местръ*, Посланникъ Короля Сардинскаго при нашемъ Дворѣ, желалъ, по любви къ Поэшу, перевести нѣкошорыя стихошворенія его на побѣды наши въ 1812, 1813 и 1814 годахъ. Не зная совершенно по Руски, просиль дашь ему свое сочиненіе въ переводѣ изъ слова въ слово, ш. е. подспрочномъ на Лашинскомъ языкѣ, чшо и было исполнено. Переводъ Французскій покойнаго Посланника оказался въ свое время, хошя въ прозѣ, и близокъ и удаченъ.

Г. Меспръ заключалъ, что Лашинскій языкъ есть коренный для Французовъ, и что нашъ книжный языкъ имѣетъ всѣ выгоды Лашинскаго; слѣдственно, чтобы узнать духъ и словосочиненіе Авшора, Г. Меспръ прибѣгнулъ къ языку коренному, а не разговорному Французскому.

246. *Какъ горь владыка, царь, — безлѣрный Чатырдахъ.*

См. въ прозѣ изданный *Княземъ Вяземскимъ* переводъ Сонешовъ Польскаго Поэша—знаменишаго Мицкевича, копорому я одолженъ симъ прекраснымъ уподобленіемъ.

247. *Крыловъ нашъ говоритъ, что Фока самъ въ охапку,*

И отъ уха бѣжитъ, схватя кушакъ и шапку.

Я охотно повшоряю мой стихъ о нашемъ знаменишомъ Поэшѣ:

Естественъ, простъ и милъ у Баснописца стихъ.

Сіе не есть Авшора Авшору привѣшшвіе, но доказательство о шаланшѣ, вкусѣ и знаніи природнаго Поэша въ языкѣ.

248. *Постиени первыхъ лѣтъ зародокъ, блескъ понятій.*

Словами: *ростки и зародокъ*, я одолженъ почтенному сочлену по Россійской Академіи, Князю Пашону Александровичу Шихмашову-Щиринскому. (См. его переводъ Юнга, пѣснь I).

249. *Не можетъ пробѣгать безчисленныхъ пространствъ.*

Каршина о разговорномъ языкѣ, если вѣрно изображена, сама собою доказываетъ и превосходство книжнаго языка и то, (см. выше примѣч. 245-е), что у насъ прощонародный языкъ не есть отдѣльный или самоспоятельный, но происходитъ отъ языка Славянскаго. Не входя въ дальнее о семъ предметѣ разсужденіе, можно

заклучивъ, что если кто, кромѣ нѣкошорыхъ окончаній и усѣченныхъ, захочешъ написашъ страничку собственно разговорнымъ языкомъ, то вѣрно намѣренія своего не приведешъ къ исполненію. Въ обоихъ языкахъ (если угодно шакъ назовашъ ихъ) *вокабулы* одни. Я думаю, и, можешъ бышь, не ошибаюсь, что корень и правила въ книжномъ и разговорномъ нарѣчіяхъ суть шѣже самыя, и ушверждаю, что самосшояшельный языкъ раздѣляется на двѣ опрасли, то ешь, что изъ одного и шого же языка письменнаго вышкаешъ другій языкъ — временный или разговорный.

Изъ состоянья есѣ и полы говорятъ.

Онъ при Несшорѣ, Боянѣ и другихъ могъ имѣшь, какъ и въ наше время, опъ книжнаго языка свои опсшупленія, изъясшя и вольносши.

250. *Въ надутость, низость ли переходитъ не могъ.*

Языкъ книжный пользуется иногда, по свойсшву предмета и лица, запасами изъ языка разговорнаго. Ежели у меня спросашъ, для чего, обвиняя Пешрова въ раболѣпномъ соблюденіи формъ языка книжнаго, здѣсь совѣшую изъ онаго молодымъ писашелямъ ловишь оборошы и слова? Повшоря мое собственное выраженіе, ш. е. что надобно посшигнушь искусство — *связать оба языка въ одинъ пучокъ*, я говорю, что сіе искусство болѣе знакомо было Ломоносову, нежели Пешрову; впрочемъ недосшашки и небрежносши могушь находишься, хошя въ маломъ количесшвѣ, и у перваго.

251. *Изъ разговорнаго ты въ книжный слогъ лови*

Слова знакомыя тебѣ, и обнови.

И въ высокомъ слогѣ ешь слова, кошорыя, кшпашаи какимъ нибудъ писашелемъ посшавленныя, не будушь

стары. Ломоносовъ нашъ лежишь въ сырой землѣ 65 лѣтъ, но если прибавишь къ сему численію и еще нуликъ, по почши ушвердительно заключишь можно, что онъ, какъ и всѣ превосходные писатели, не соспарѣешия. Ещешвенно ли полагаешь, чтобы глаголы, сущешвишедельныя имена и прочія часши рѣчи были выдуманы новыя; лишъ бы, какъ прежде говорено было, писатель въ стихахъ или прозѣ, зная основательно свой коренный языкъ, особенно старался сливать языкъ книжный съ разговорнымъ, какъ о томъ и говоришь мой стихъ, не шребующій никакого поясненія: *Умѣй два языка въ одинъ пуктокъ связать.*

252. *Узнай соотшстей привычки, духъ и вкусъ.*

Писателю и Поэту вообще должно, руководшвуясь языкомъ книжнымъ, знать разговорный. Онъ имъ и пишешъ и говоришь, и, безъ сомнѣнія, сей послѣдній, сдѣлавшись въ его ушахъ правильнымъ, предшавишь ему много красотъ и случай къ безсмертію или продолжишедельной извѣстности. Таковое удачное сцѣпленіе зависишь собшвенно въ каждомъ Поэтѣ отъ вкуса природнаго или приобрѣшеннаго. А вкусъ, какъ не оспоримо, ошносишь къ числу принадлежностшей Поэта.

253. *Отнюдь не представляй гроба, убійство, кровь.*

Вкусъ цѣлой Европы въ нашъ вѣкъ спалъ очень кровожаденъ. Нельзя сказашь, чтобы и наши молодые Поэты избѣгли сей общей заразы. Легко найши примѣры, что пѣсенки и Мадригалы нерѣдко окровавляюшся и наполняюшся ужасами. Не шакъ говорилъ о любви съ нашими красавицами недавно скончавшійся нашъ Анакреонъ-Неледипскій. Всѣ его бездѣлки дышашъ нѣжностшю и сладостнымъ чувствомъ.

254. Пусть Музы въ праздники порой играютъ въ фанты,
Ихъ забавляетъ Фебъ, не площадные франты.

См. на 1829-й годъ Альманахъ, называемый Под-
снѣжникъ, гдѣ находящся иносстранныя слова фанты и
франты, въ стихахъ посвященныхъ Авшору Совѣта
юнымъ питомцамъ Музъ.

255. Последній лиры звукъ имъ въ жертву посвящаю.

См. примѣчаніе 209-е.

О П Е Ч А Т К И

Во II-мъ томъ стихотвореній Г. Х.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Читай.</i>
52	7	— — — не водами; (20)	— — — изсушивъ шокъ, (20)
60	9	льшь, —	льшь —
80	19	Скочивъ	Вскочивъ
89	22	окрешныя	окрешные
128	8	Баръ.	Баръ.
130	22	и фракъ	во фракъ
156	1	небылицъ,	небылицъ
159	18	у себя	у себя бь
161	2, 3	Музыкантъ, — —	Музыкантъ и — —
		Комикъ.	Комической.
193	5	избавленія	избавленія ся
224	19	Марша дня.	Марша „ „ дня.
226	28, 29	Съверозапада и Юго-воспока;	къ Съверозападу и Юго-воспоку;
231	1	<i>на Пряжку,</i>	<i>на Пряжку</i>
—	12	Переславля -	Переславль -
237	21	я Попе	у Попе
239	28	Французской	Французской,
240	12, 13	Расина	Расина,
242	28	Мидійскаго	Лидійскаго
244	11	за соблюденіе	за нсоблюденіе
256	7	dans	d'un
—	28	Родогуны	Родогуны,

